

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Благотворительный фонд Святителя Николая Чудотворца

Церковнославянский язык:
история, исследование,
преподавание

Материалы I Международной
научной конференции.
(28-30 сентября 2004г.)

Москва
2005

УДК 803.3
ББК 81.2-4
Ц 41

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ ПЕРВОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК:
ИСТОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ, ПРЕПОДАВАНИЕ»

Дамы и господа!
Уважаемые участники конференции.

Церковнославянский язык: история, исследование, преподавание: Материалы I Междунар. науч. конф., 28-30 сент. 2004 г., Москва Отв. ред. И.В. Бугаева – М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. – 260 с. ISBN 5-7429-0196-8

Сборник содержит материалы I Международной научной конференции, посвященной истории церковнославянского языка, соотношению церковнославянского и старославянского языков в историко-филологическом образовании, взаимодействию церковнославянского и современного русского языка, актуальным проблемам методики преподавания церковнославянского языка на разных ступенях системы образования. Особое внимание было уделено проблеме создания, толкования и издания церковнославянских текстов.

Для филологов, культурологов, теологов, историков.

ISBN 5-7429-0196-8

© ПСТГУ, 2005

Позвольте поздравить вас с праздником святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии и с успешным ходом этого воистину уникального собрания ученых-специалистов в области церковнославянского языка.

Ежегодно приезжая в Россию вот уже в течение 14 лет по делам благотворительного Фонда во имя моей Свекрови - Великой Княгини Ольги Александровны, я много выступаю с докладами, чтобы рассказать правду и об Императорской Фамилии, и о жизни русских людей в изгнании. Меня часто спрашивают: «Как вопреки свершившейся в результате февральского бунта и октябрьской революции исторической несправедливости, нам, русским в рассеянии, удалось сохранить язык и свою национальную природу?» Ответ прост: ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ВОСПИТАНИЕ.

Принадлежа по рождению к старинному дворянскому роду, а по мужу – внуку Императора Александра III и родному племяннику Святого Царя-Мученика Николая II – к Династии Романовых, я воспитывалась не просто в живой атмосфере Православной Церкви, но и в повседневной языковой среде близкого нам славянского языка – сербского, бережно сохраняющего наши общие корни и традиции. В то время, когда в России революционеры, не сумев сбросить Пушкина с корабля современности, все-таки исковеркали литературный язык, который он создал и на котором творил свои бессмертные произведения, в Сербии, куда был эвакуирован Мариинский Донской институт благородных девиц, где я училась, церковнославянский язык преподавался с начальных классов.

Помимо церковнославянского в нашем институте преподавались и другие языки: французский, немецкий, английский, греческий, латынь, сербский обязательно. Были «дежурные» языки, когда в определенный день мы изъяснялись на том или ином иностранном языке, поскольку все обучение велось на русском.

В первом классе детям давали возможность выбрать один иностранный язык, на следующий год к нему добавлялся еще один и так далее, но церковнославянский, Закон Божий и Катехизис мы изучали постоянно.

Вторая Мировая война повлекла за собой полный распад системы образования русских детей за рубежом. Сейчас учебных заведений, подобно нашему Мариинскому Донскому институту, или прежним кадетским корпусам, за границей уже нет. Остались только церковно-приходские школы, в которых хотя бы азы церковнославянского языка преподаются обязательно. Бывшие некогда большие русские колонии в Югославии, Франции и Болгарии ныне не существуют. Современные молодые русские люди, потомки беженцев из России первой волны эмиграции, сейчас поэтому вынуждены обязательно учиться в государственных школах тех стран, где они проживают, чтобы затем получить высшее образование и устроиться в западноевропейской или американской жизни.

К сожалению, современная западная система образования чересчур политизирована, а главное - не дает элементарных знаний, которые имело наше поколение. Западная цивилизация в Конституции Объединенной Европы вообще отказалась от своих христианских корней, что является логическим итогом экуменического процесса, в ходе которого сакральный текст Священного Писания таким образом «перетолковывается» на современные языки, что из него изгоняется Дух Святой. Поэтому мы стремимся передать усвоенные нами традиции царской России нынешнему поколению молодых россиян в неизменном и незамутненном виде и приветствуем начавшийся процесс объединения двух частей нашей единой Матери-Церкви.

Благодарю Бога, что мне довелось учиться в Мариинском Донском институте благородных девиц. Полученные в нем зна-

ния и воспитание позволили мне достойно пронести по жизни звание русского человека.

Увы, ныне наше Отечество переживает не лучшие времена. Дело даже не в интернациональном унижении на мировой политической арене, ни в жутком экономическом упадке или уродстве царящих нравов. Самый страшный кризис - это падение культуры, утрата Веры и воинского духа. Но Россия жива. Вижу много людей, которые всерьез озабочены положением нашей Отчизны, вижу эти настроения у молодежи, которую надо образовывать и воспитывать в русском православном духе.

Во многом и от вас зависит грядущее нашей России. Верю, что ее ждет возрождение и славное будущее, которое будет завоевано крепостью православного духа. Крепость духа - в исповедании Веры Православной, в исповедании своей национальной самобытности, покоящейся на мощном фундаменте - вечно живом церковнославянском языке. Бог даст, православные лингвисты объяснят российскому обществу и власть предрекающим непреходящее значение созданного святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием языка в содружестве цивилизаций, и он в скором времени станет вторым государственным языком в новой возрожденной России. Берегите заветы просветителей славян, и помощь Божия не оставит вас. Я верю, надеюсь и люблю!

Ольга Николаевна Куликовская-Романова

30 сентября 2004 г

День памяти святых мучениц

Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

г. Москва

Горячо приветствую братьев и сестер, посвятивших свою жизнь делу восстановления церковнославянского языка в его правах и обязанностях, возвращающих этот язык русскому народу.

Вспомним первое Крещение Руси водою. В крестильную купель вошли племена полян, вятичей, древлян да кривичей, а из купели вышел народ русский, вышла Святая Русь. Крещение принесло нам язык церковнославянский. Этот язык формировал духовную культуру нашего народа, формировал школы, литературу, формировал языковое сознание народа и русский национальный характер. Первый печатный учебник родного языка – азбука Ивана Федорова – фактически есть учебник церковнославянского языка. В недрах церковнославянского языка формировался великий и могучий русский литературный язык.

Но наступило второе крещение нашего народа – крещение огнем и кровью. У народа нашего отнят быть церковнославянский язык, были уничтожены многие священнослужители и ученые... Одним из первых новомучеников наших стал святитель Владимир, митрополит Киевский и Галицкий. И замкнулся круг: крещение Руси огнем и кровью началось именно там, где положен был первый камень в основание Русской Церкви, там, где изначально принял Крещение водой русский народ. Там, где равноапостольный князь Владимир (в крещении Василий) призвал к святому Крещению Русь, именно там пролилась кровь священномученика Владимира (в миру Василия), объединившего своим служением Православную землю Великого Новгорода и Москвы, Петрограда и Киева...

Сейчас наш народ переживает тяжелейший период в своей истории, сопоставимый со смутным временем XVII века. Наступает время третьего крещения Руси – крещения языком церковнославянским. Войдет в крестильную купель церковнославянского языка народ наш, и воспрянет Святая Русь, и расточатся врази ея!

проф. В.К. Журавлев

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ЕВАНГЕЛИИ
НА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ*

В благодарном коллективном сознании едва ли не каждого народа присутствует конкретное лицо, создавшее общенациональный книжно-письменный язык. Да, такова типологическая закономерность. Стало общим местом ссылаться на определенного писателя или ученого, стоявшего у истоков того или другого литературного языка Нового времени. Так, Данте Алигьери, как считается, – создатель итальянского литературного языка, Джеффри Чосер – английского, Мартин Лютер – немецкого, поэты «Плеяды» и Франсуа Малерб – французского, Вук Караджич и Людевит Гай – сербскохорватского, Франце Прешерн – словенского, Людовит Штур – словацкого, Софроний Врачанский – болгарского, Тарас Шевченко – украинского, Симэй Фтабатэй – японского, Шота Руставели – грузинского, Хачатур Абовян – армянского, Иван Яковлев – чувашского, Абай Кунанбаев – казахского и т.д. Соответственно, и все русские знают, что творец нового русского литературного языка – А.С. Пушкин¹. В любой, самой краткой, статье о Пушкине в энциклопедии или учебнике говорится об этом. И сей общепринятый тезис, безусловно, верен.

Тем не менее временами в России не всё так, как повсюду.

Наш литературный язык в аспекте своего генезиса – это нечто совсем не похожее, предположим, даже на украинский литературный язык Нового времени, не говоря уж о языках англий-

* Исследование выполнено по проекту «Церковнославянская версия Евангелия в мировом социокультурном аспекте: лингвотекстологические разыскания» (5.22), финансируемого в рамках программы Отделения ИФН РАН «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте».

ском, немецком и французском. Типологическая закономерность для России делает исключение.

Замечательный лингвист Б.О. Унбегаун, подытоживая взгляды своих предшественников, написал: «Главной и единственно серьезной проблемой русского литературного языка, в его прошлом и настоящем, является соотношение в нем русской и церковнославянской стихий». Подобной проблемы нет ни в одном из литературных языков мира.

Кстати сказать, и сам Пушкин отлично сознавал двуприродность современного ему литературного языка и видел в ней большое преимущество². «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В IX веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и *такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*» (С. 27). (Здесь и далее, если не сказано другое, цитируется Т. 7 [ПСС-10].)

Поэтом подчеркнута изначальная связь нашего литературного языка с высокоразвитым источником, давшая колоссальную экономию времени. Образ *усыновления*, удачно найденный Пушкиным, хорошо подходит для точного выражения отношений между культурным языком многовековой традиции и вновь создаваемым книжно-письменным языком крещеного славянства: «сын» наследует лучшие качества «родителя», однако «сын» не ограничивается тем, что унаследовано, а преумножает свое наследство.

Конечно, говоря о IX веке, Пушкин имеет в виду церковнославянский язык. Если продолжить образ, то в XVIII в. (под пером Ломоносова³) и в XIX в. (под пером Пушкина) церковнославянский язык усыновил возникающий новый русский литературный язык, и судьба его стала «чрезвычайно счастливой».

Церковнославянский отличен от русского своей морфологией, но он открыл русскому языку «свой лексикон», даровал ему «свои прекрасные обороты», «избавя таким образом от медленных усовершенствований времени». От церковнославянского русский литературный язык получил свою «гибкость и правильность».

Церковнославянский, естественно, неотделим от православия, а Пушкин (в статье «Заметки по русской истории XVIII века») отметил: «...Греческое (т.е. православное - *Е.В.*) вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (Т. 8, С. 130). Одним из путей трансляции «особенного характера» и стал русский литературный язык⁴.

Не хотелось бы ограничиваться общими соображениями. Посмотрим сейчас конкретно, как соотносятся между собой оба языка, и для этой цели рассмотрим поначалу соотнесенные тексты.

Ниже обычной церковной кириллицей напечатана церковнославянская версия Притчи о блудном сыне (эпизод с младшим сыном; Лк 15:11–24)⁵. Текст притчи печатается в разделении на синтагмы, и под каждой синтагмой помещен (набранный курсивом) русский перевод (по синодальному изданию русской Библии). В комментариях рассматривается соотношение между собой исходного языка и языка перевода. Притча о блудном сыне – текст нарративный; в дальнейшем будет рассмотрен и молитвословный текст (Пс 142/143: 1–7).

11. Человѣкъ нѣкій имѣ два сына:

У некоторого человека было два сына;

Местоимение *некий* в переводе заменено на *некоторый*, но его можно было бы и оставить. // В слав. тексте использована конструкция «он имеет», а в русском «у него есть». Можно было бы ее и сохранить: *Человек некий имел двух сыновей*. – Таким образом, при переводе строки на русский язык морфологические перемены неизбежны, но лексику в данном случае было бы возможно удержать полностью.

12. ѿ рече юнѣиши ѿ отца: Отче, даждь ми достойнью часть имѣнѣи.

и сказал младший из них отцу: «Отче! дай мне следующую мне часть имения»⁶.

Глагол *речи/речи* вышел из употребления, но отложился в таких словах как *речь*, (*из*)*речение* // Прилагательное *юнейший* (превосходная степень) понятно русскому, поскольку оно образовано от *юный* по живой модели // Звательный падеж исчез из русского языка, но в отдельных церковнославянизмах сохранился: *отче*, *Боже*, *Господи*. // Атрибут *достойный* «уважаемый» ныне прилагается преимущественно к лицам. Впрочем, если можно сказать *достойный поступок* («подобающий»), то и *достойная меня часть*, хотя и нарушает живой узус, в целом затруднений при понимании не вызовет. // Относительно местоимения *ею* см. комментарий к ст. 13. – Таким образом, в данной строке нужна одна лексическая замена.

И раздѣли ѿма ѿмѣнѣ.

И отец разделил им имение.

Подлежащее *отец* синодальными переводчиками вставлено для ясности речи. Между тем в русском языке вполне допускается эллипсис: *И разделил им имение*. // В данном стихе в третий раз встретилось двойственное число (*ѿма*; ср. выше: *има*, *ею*). Категория двойственного числа в современном языке исчезла.

13. **И не по мнозѣхъ днѣхъ собравъ все мнѣи сынъ, ѿиде на странѣ далече, По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону**⁷

Ближайшее соответствие прилагательному *мнѣи* – *меньший*. // *Отиде* сейчас непонятно, поскольку глагол *идти* в прошедшем времени имеет суффиксальные формы: *иду* – *шёл* // Форма *далече* «далеко» была в активном и нейтральном употреблении еще у Пушкина: «*Далече* грянуло ‘ура’» («Полтава»); «Вот уж он *далече* скачет» («Бесы»); «Иных уж нет, а те *далече*» («Евгений Онегин»). Ныне она возможна лишь со стилистической окраской (например, в юмористическом контексте). – Таким образом, во фразе нужна одна замена.

и тѣ расточи ѿмѣнѣе своѣ, живыи блѣднѣ.

и там расточил имение свое, живя распутию.

Наречие *ту* «там» из современного языка вышло, но оставило след в словах *туземный*, *туземец*. // Замена *блудно* на *распутию* – не обязательна; семантика *блуда* шире *распутства*.

14. **И живши же емѣ все, бысть глѣдъ крѣпокъ на странѣ той, Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране,**

Обстоятельственная конструкция *dativus absolutus* (*изживши ему*), представляющая собой кальку с греческого, в русском языке отсутствует, и она соответственно передана обстоятельственным придаточным предложением. См. также ниже стих 20 // Глагола *из-живать* в значении «проживать, растрчивать (средства)» в современном языке нет, но поскольку его деривация вполне прозрачна, а приставка *из-/изо/-ис* означает исчерпанность, *изжить* легко поставить в один ряд с *израсходовать*, *издержать* (деньги), *износить* (одежду), *изнурить*, *изорвать*, *исписать*, *использовать*, *истлеть*, *истратить*, *истребить*, *исходить*, *исчерпать*, так что его правильное понимание не затруднено. Кроме того, вполне можно сказать, например, *изжить недостатки*. // Прилагательное *крепкий* в значении «интенсивный» в современном словоупотреблении присутствует (ср. *крепкий сон*, *чай*, *мороз*, *запах*), но все же не в сочетании с *голод*; тем не менее замена на *великий*, может быть, и была приемлема в XIX в., но сейчас о голоде можно сказать *сильный* или в крайнем случае – *большой* (но не *великий*). – Таким образом, в данном стихе нужна замена *изжить* на *прожить*.

и той начатъ лишѣтисѣ:

и он начал нуждаться;

Глагол *лишиться/лишаться* «утратить что-л.» в современном языке не имеет значения «нуждаться», так что в переводе замена нужна.

15. **и шедъ прилѣписѣ единому ѿ жителей той страны:**

и пошел, пристал к одному из жителей страны той,

Глагол *прилепиться* (к кому-л.) «неотвязно пристать» выразительнее, чем просто *пристать*.

и послѣ егѣ на села свои пастѣ свинѣ:

а тот послал его на поля свои пастѣ свиней;

Замена *села* на *поля* необходима. // *Свиния* – собирательное имя, наподобие *братия*. – Таким образом, нужна одна лексическая замена.

16. **и желаше насытити чрево своѣ ѿ рожѣцъ, ѿже ѿдѣхѣ свинѣ:**

и он рад был наполнить чрево свое рожками⁸, которые ели свиньи,

Замена *он желал* на *он рад* не представляется обязательной. // Глагол *насытить* («наестся до состояния, когда наступает чувство сытости») вы-

разительнее, чем *наполнить*. // Лексема *чрево* «живот» для стилистически нейтрального нарратива, пожалуй, не подходит. Она уместна в библеизмах (типа: *их бог – чрево*) и, кроме того, присутствует и в современной лексике (*чревоугодник, чревоушитель*). // Рожцы, или *рожки*, – это плоды рожкового дерева, по форме напоминающие *рога* мелких животных. // Относительное местоимение *яже* в современном русском отсутствует. – Таким образом, одна лексическая замена нужна, но не та, которая предпринята в синодальном переводе. Кроме того, *чрево* нужно заменить лишь по стилистическим основаниям, а не вследствие непонимания. Нужна, конечно, и замена местоимения.

и никтоже да́ше е́мѹ.

но никто не давал ему.

В церковнославянском, в отличие от русского, отрицание во фразе выражается только один раз. // Глагол *даяти* исчез, но оставил следы в лексемах (*по*)*даяние, раздавание*.

17. Въ себѣ же пришѣдъ, рече: коли́кѡ наёмникѡмъ Ѡтца моего́ избываютьъ хлѣ́бы,

Придя же в себя, сказал: «Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом,

Идиома *прийти в себя* (воспрянуть после обморока; отказаться от безумства) – 11 веков. // Наречие *сколько* с точки зрения внешней формы не слишком удалилось от *колико*. // Глагол *избыточествовать* представляется искусственным, поэтому у новейших переводчиков он обычно заменяется (или перестраивается вся фраза; ср. в русской версии Agape-Biblia: «У скольких наёмников моего отца хлеб в изобилии»). – Во всяком случае, глагол *избывати* сейчас не понятен. Ср., однако, *избыть* «избавиться от чего-л.», *избыток* «обилие» и *избыточный* «излишний».

а́зъ же гла́домъ гнѣблю;

а я умираю от голода;

При вслушивании здесь (в церковнославянском тексте) можно заметить звукопись: двойное *г-л* делает жалобу пронзительной. // Хотя глагольная форма *гнблю* сейчас не употребляется, тем не менее имя *гибель* ясно подсказывает, что имеется в виду.

18. воста́въ и́дѹ ко Ѡтцѹ моему́ и рекѹ е́мѹ:

встану, пойду к отцу моему и скажу ему:

В современном языке глагол *восстать* употребляется лишь переносно: «подняться на борьбу» (ср.: *восстание*); «выступить против чего-либо». Соотносимый глагол *встать* имеет конкретное значение.

Ѡтче, согре́шихъ на нѣбо и́ предъ тобою́,

«Отче! я согрешил против неба и пред тобою»

Предлог *на* в значении *против*, пожалуй, употребителен до сих пор; ср.: *Не наговаривай на него!* // В литературном языке предлог *пред* фактически синонимичен полногласному *перед*, и синодальные переводчики решили его удержать. Тем не менее в фольклоре употребляется только вторая форма: *Встань передо мной, как лист перед травой*.

19. и́ оуже́ нѣ́смь досто́инъ наре́цисѡ сынъ тво́й:

и уже недостойн называться сыном твоим;

Несмь – стянутое сочетание отрицания *не* с глаголом 1 л. ед. числа *есмь*. Старая парадигма спряжения глагола *быти* (аз *есмь*, ты *еси*, он *есть* и т.д.) утрачена за исключением формы *есть*, употребляемой в функции связки при эмфазе (*Что есть жизнь?*) или при утверждении, предполагающем отрицание. Форма *еси* представлена в устойчивом обороте фольклора: *Ой ты гой еси, добрый молодец* // Глагол *наречь/нарекать* в современном языке сузил свое значение; ср.: *нарекать имя* (ребенку), *наречение* имени. Следовательно, при переводе нужна замена.

сотвори́ мѡ я́кѡ е́динаго Ѡ наёмникъ тво́ихъ.

прими меня в число наемников твоих».

Стилистически высокий глагол (*со*)*творить* в нейтральном стиле заменяется на глагол (*с*)*делать*. Впрочем, в нейтральной и даже сниженной речи остались: *натворить* (*Что ты натворил?*) и *вытворять* (*В желтом доме и не то вытворяют*). // Что касается местоимения *мя*, то, наряду с *тя*, оно присутствует в современном словоупотреблении: *помяни мя*. // Союз *яко* в современном языке утратился, но отразился в частице *якобы*, выражающей мнимость (*якобы борец с привилегиями*). // Ничуть не устарело слово *наемник*. В церковнославянском тексте глагол *сотворити* расширил свое значение под греч. влиянием; впрочем, и сейчас можно сказать: *сделай меня своим наемником*.

20. И́ воста́въ и́де ко Ѡтцѹ́ своему́.

Встал и пошел к отцу своему.

Е́ще же е́мѹ далече́ съи́зѹ, о́зрѣвѣ е́го Ѡте́цъ е́гѡ, и́ мѡи́зъ е́мѹ бы́сть,

И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился;

Ему далеке сущу – оборот «дательного самостоятельного», заимствованный из греческого; имеет обстоятельственное значение. См. ст. 14. *Сущий* – «имеющийся, существующий» (ср. *присущий* «свойственный кому/чему-л.»). Ср. у Пушкина в торжественной речи (в одном ряду с другими славянизмами): И назовет меня всяк *сущий* в ней язык («Памятник»). Ныне переносно: «самый настоящий» (*сущая правда, сущие пустяки*). Лексическая основа представлена в ряде слов (преимущественно отвлеченной семантики): *существо, существительное, существовать, сущность*. // Глагол (*у*)зреть в современном языке используется преимущественно иронически, но в целом лексическая перемена в переводе не обязательна; в стилистически высоком тексте можно было и оставить: *узрел его отец*. // *Мил быти* ныне не употребляется, однако однокоренные выражения вполне возможны: *смиловаться/смилоствоваться, умилостивиться* «сжалиться, проявить милосердие».

и тѣкъ нападѣ на вѣю ѿгѡ и ѡблѡвызѣ ѿгѡ.

и, побежав, пал ему на шею⁹ и целовал его¹⁰.

Глагол *тещи/теку/течеши* «идти» больше не употребляется, хотя у Пушкина мы его вполне находим, в том числе с производными¹¹. Впрочем, *истекший* не обязательно имплицитно жидкость, а может означать: «прошедший». // Не употребляется и имя *выя* «шея», но словосочетание *пал ему на шею*, кажется, всё еще возможно. // Устаревший глагол *лобзать* и производное имя встречаем у Пушкина: *Лобзай меня: твои лобзанья / Мне слаще мѡра и вина*. Впрочем, оба слова всё еще приводятся в словаре Ожегова. – Таким образом, перед нами редкая строка, в которой большинство лексики нуждается в замене.

21. Речѣ же ѿмѡ сынѣ:

Сын же сказал ему:

Отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою,

«Отче! я согрешил против неба и пред тобою

и оуже не съмь достоинъ нареци сѧ сынъ твои.

и уже недостоинъ называться сыном твоим».

22. Речѣ же Отѣцъ къ рабѡмъ своимъ:

А отец сказал рабам своим:

и знесите одеждѡ первѡю и ѡблѡците ѿгѡ,

«Принесите лучшую одежду и оденьте его,

Ныне глагол *изнести* вышел из употребления, но поскольку приставка *из-/изо-/ис-* сохраняет значение «движение изнутри вовне», о семантике глагола легко догадаться.

и дадите перстень на рѣкѡ ѿгѡ и сапоги на нѡзѣ:

и дайте перстень на руку его¹² и обувь на ноги¹³;

Сказать *дайте перстень на руку* – неловко, лучше: *...на палец*. // В современном русском языке родовым именованием «одежды на ноги» является лексема *обувь*. Между тем, судя по корпусу Кирилло-Мефодиевских текстов, в древности общим словом были как раз *сапоги*. Евангельские сапоги, однако, не следует отождествлять с современными (например, армейскими) сапогами: в греч. версии Лк 15:22 стоит ὑποδήματα букв. «привязка» (кожаная подошва, которая ремнями укреплялась на ноге, т.е. разновидность *сандалий*). Между прочим, *сапоги* не случайно поставлены в один ряд с драгоценным перстнем: *сандалии*, вероятно, могли быть весьма дорогими (пророк Амос [2:6, 8:6] упоминает о возможности купить «убогаго на сапозѣхъ», т.е. человека за пару обуви).

23. и привѣдше телецъ ѡпитанный заколите,

и приведите откормленного теленка, и заколите;

Выражение *телецъ упитанный*, как и *телецъ златой* входит в число (устаревших) крылатых библеизмов. Кроме того, лексема удержалась в современном наименовании знака Зодиака: *Телец*. Корень представлен в лексемах *теленка, телка, телиться, телятник, телятница*. // Из языка не вышел и глагол *питать* «кормить»; правда, переместилось ударение: *ѡпитанный* («толстый от хорошего питания»), ср. также: *упитанность*. // Глагол *закалывать/заколоть* до сих пор применяется применительно к забою животных: *заколоть поросенка*.

и идше веселимся:

станем есть и веселиться!

Ясти – старая форма глагола *есть* «принимать пищу», о нем напоминает существительное *яство* «еда, кушанье».

24. ѡкъ сынъ мой сѣи мертвъ бѣ, и ѡживѣ:

ибо этот сын мой был мертв и ожил,

Союз *яко* устарел, но и *ибо* (в русском тексте) устаревает. // Устаревает и указательное местоимение *сей*, хотя оно сохраняется в устойчивых оборотах *до сих пор*, *сию минуту* и в наречии *сейчас*.

**И ѿзгнѣвъ бѣ, и ѡбрѣтѣсѧ.
пропадал и нашелся».**

Изгнѣвъ – глагол устаревший, но бесприставочный глагол *гнѣвъ* ничуть не устарел. // Не устарели и глагол *обрѣти(сь)* «найти(сь)», а *обрѣтѣсѧ* «находиться где-л., пребывать» изменил свою семантику, хотя первоначальная семантическая связь еще заметна.

И начѣша веселѣтисѧ.

И начали веселиться.

Под конец отметим, что восходящие к притче устойчивые выражения *блудный сын*, *прийти в себя*, *согрешити на небо*, *телец упитанный*, *преступати заповѣди*, *заклати тельца*, *возрадоватися и возвеселитися* и до сих пор у части образованных русских составляют часть пассивного словарного запаса, причем они известны именно в церковнославянской форме¹⁴.

Анализ Притчи о блудном сыне на церковнославянском языке и ее перевода на русский язык заставляет задуматься об отношении между языками.

Естественно, *графика*, как феномен конвенциональный, не в счет, и всё же не забудем, что церковная кириллица связана с гражданской отношением преимущества. Фактически сейчас было сказано, что поскольку гражданский кириллический алфавит представляет собой лишь модификацию начерков церковнославянских литер (с небольшим сокращением и с еще меньшим пополнением единиц гарнитуры), на практике перед нами один и тот же алфавит. Обе разновидности кириллицы и самим именованием алфавитов сигнализируют, что они продолжают азбуку, созданную Кириллом и Мефодием.

Морфология, в отличие от *графики*, имеет большое значение: хотя в системах склонения и спряжения в двух языках имеются общие элементы и хотя они сопряжены друг с другом историческим преимуществом, все же перед нами системы, уже далеко отошедшие друг от друга. Иначе сказать, с точки зрения словоизменения, церковнославянский и русский – это хотя и родственные, но все же разные языки, подобно тому, как являются раз-

ными, по тому же морфологическому критерию, например, польский язык и русский и тем более (ново)болгарский и русский.

Если в основание сопоставлений положить, однако, лексический критерий, то, с одной стороны, можно отметить лексемы, присутствующие как в церковнославянском тексте, так и (в модифицированной морфологической форме) в русском переводе. Подобные сохраненные (или способные быть сохраненными) лексемы включены в Список I, помещаемый ниже. В Список II вошли церковнославянские лексемы, не сохраненные в русском переводе. К лексемам мы прибавили и прочие языковые единицы, за исключением словоизменительных формантов, т.е., наряду с номинативными частями речи¹⁵, также и другие, реляционные (местоимения, союзы, предлоги, частицы). Имена и глаголы указываются в русской словарной форме, а в скобках помещается номер евангельского стиха. Если одна и та же единица повторяется более одного раза, то в список она включается один лишь раз:

Список I: (11) *Человек, некий, иметь, два, сын*, (12) *и* (союз), *юный, они, отец, разделять, имение*, (13) *не* (частица), *по* (предлог), *многий, день, собратъ, всё, меньший, отойти, на* (предлог), *страна, далеко, расточать, свой, жить, блудно*, (14) *изжить, же* (частица), *голод, крепкий, тот, начать, лишать(ся)*, (15) *идти (иёл), прилепить(ся), един(ый), от* (предлог), *житель, посылать, он* (местоимение: *его*), *село, пасти, свинья*, (16) *желать, насытить(ся), чрево, от* (предлог), *рожки́* «плоды рожкового дерева», *есть* «потреблять пищу», *никто*, (17) *в* (предлог), *себя, приходить (прииёл), сколько, наемник, мой, хлеб, голод, гнѣвъ*, (18) *встать, к* (предлог), *согрешать, небо, перед* (предлог), (19) *уже, достоин, нарекать, твой, (со)творить*, (20) *еще, суций, (у)зреть, его, мил(ый), ему, быть* «существовать», *напасть, выя, (об)лобызять*, (22) *раб, дать, перстень, рука, сапог, нога*, (23) *привести, телец, упитанный, заколоть* «зарезать животное на мясо», *веселиться*, (24) *сын, мертв(ый), оживать, обретать(ся)*.

Список II: (12, 17, 18, 21) *рещи* «говорить», (13) *ту* «там», (16) *яже* «которые», (17) *избывать* «иметь в избытке», *аз* «я», (19) *мя* «меня», *яко* «как», (20) *тещи* «идти», (24) *изгнѣвъ* «погибнуть». – При рассмотрении списка надо иметь в виду, что все вошедшие в него единицы, за исключе-

нием местоимения *аз* (и, может быть, *мя*) и союза *яже*, оставили свои следы в современном русском литературном языке: *реци* – *речь, изречение; ту* – *туземный; избывать* – *избыток; теци* – *истекший; изгибнуть* – *гибнуть*.

В Списке I общим счетом **94** языковые единицы (общие для церковнославянского и русского); в Списке II – всего лишь **9** языковых единиц (присущих только церковнославянскому языку). Таким образом, на малом пространстве Притчи количество общих языковых единиц более чем в десять раз превосходит те единицы, которые в корнеслове церковнославянского и русского языков отличаются друг от друга.

Рассмотрим еще один пример, другого (на сей раз, для отличия, молитвословного) жанра. Ниже, как и раньше, сначала напечатаны и прокомментированы семь стихов известного 142-го (по масоретскому счету 143-го) псалма, а затем под каждым стихом помещен (набранный курсивом) русский перевод (по синодальному изданию русской Библии). Комментарии не отличаются от сделанных ранее.

1. Гди, услыши молю,
Господи! услышь молитву мою,

Господи!, подобно *Боже, отче, человече, друже, старче*¹⁶, *владыко*¹⁷ – реликт звательного падежа в русском тексте. Характерно, что церковное слово *Господь* (в отличие от мирского *господин*) избирательно означает только *Господа Бога*. Лексема *Господь* до сих пор в устах старшего поколения произносится со звонким фрикативным [ʁ]. – В остальном первая и вторая строка различаются всего одной буквой: услыши – услышь.

внѣши моленіе мое во истинѣ твоѣй,
внеми моление моему по истине Твоей;

Церковнославянская глагольная форма *вн-уши* (буквально «вставь в уши», т.е. «услышь») является словообразовательной калькой греч. ἐῖς-ἀκοῦσον (а греч. слово в свою очередь подражает еврейскому פָּתַח־אָזְנוֹ). Возникнув более 11 веков назад, глагол *внушити* не утратился, но переосмыслился – «воздействуя на волю и сознание побудить к чему-л.», т.е. он означает не «услышать», а скорее «заставить кого-л. что-л. услышать».

услыши мѧ въ правдѣ твоѣй:
услышь меня по правде Твоей

Замена в переводе предлога *в* на предлог *по* – необязательна.

2. ѡ не вниди въ сѣдъ съ рабѡмъ твоимъ,
и не входи в суд с рабом Твоим,

Вниди – не понятно, но если поставить глагол в параллель с *вы(и)ди* (*вон*), то он проясняется.

ѡкѡ не ѡправдѣтсѧ предъ тобою всѧкъ живѡй.
потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих.

Относительно союза *яко* см. выше комментарий к евангельскому ст. 19. // Краткая форма местоимения *всякий* – *всяк* – не раз встретилась в языке Пушкина: И назовет меня *всяк* сущий в ней язык (Памятник). // *Живѡй* – то же, что *живой*.

3. ѡкѡ погна врагъ дѡшѡ мою:

Враг преследует душу мою,

Синодальные переводчики Ветхого Завета на русский язык переводили с масоретского подстрочника и не стеснялись отступать от слав. текста. Между тем замена *погнался за моей душой* на менее интенсивное *преследует душу мою* создает другой образ, ибо глагол פָּרַד в данном контексте означает «догонять, чтобы (пог)убить».

смирѡлъ ѣсть въ зѣмлю живѡтъ мой:
вотптал в землю жизнь мою,

Замену *смирил* на *вотптал* можно оправдать (переводчики подобрали глагол той же тематической сферы), в том числе и литературными мотивами, но и в Септуагинте ἐταπεινώσεν (от ταπεινός «смиранный»), и в масоретской Библии כָּסַר «притеснять, угнетать» здесь нет представления о том, что кого-либо давят ногами. // Церковнославянская лексема *живот* в русском языке претерпела переосмысление, так что ее замена на *жизнь* необходима.

посадѡлъ мѧ ѣсть въ тѣмныхъ, ѡкѡ мѣртвѡмъ вѣка.
принудил меня жить во тьме, как давно умерших,

Еще один пример двукратного литературного перевода. Конкретный образ внешнего принуждения (ср.: *его засадили за учебники*) заменен безубразным глаголом; причина замены в непонятности исходного текста не заключается. // Замена *в темных* на *жить во тьме* никак не обусловлена ни Септуагинтой, ни масоретским текстом, и вследствие замены в русском тексте утрачена возможная отсылка к аду, в котором от века обитают умершие.

4. ѡ ѡуны во мнѣ дѡхъ мой,

и уныл во мне дух мой,

Второй случай расхождения между строками всего одной буквой (*уны* – *уныл*).

во мнѣ сматѣса сердце мое.

онемело во мне сердце мое.

Представление о (физически) взволновавшемся сердце («Сердце затрепетало, заколотилось, сильно забилося») в русской культуре присутствует, и этот образ в Септуагинте выражен глаголом (ἐταράχθη), применяемом к описанию волнения на море. Что касается соответствующего глагола нош, то он связан с представлением о покинутом месте; переносно: одинокое сердце страдает. Поскольку нет никакого намека на чувство онемелости и так как, согласно русскому узусу, едва ли встревоженное сердце можно назвать *онемевшим*, *онемелым*, перевод представляется неудачным. Зато перевод Вульгаты нам представляется во всем совершенным: et anxiatu est super me spiritus meus, in me turbatum est cor meum. // Поэтому если удержать лексическую основу, то перевод можно было бы выполнить так: *Сердце мое пришло в смятение*.

5. Поманѣхъ днѣ дрѣвнѣа,

Вспоминаю дни древние,

Церковнославянская строка, при замене одной буквы, «превращается» в русскую (пусть по старой орфографии): *Помянул дни древняя*.

побчѣхса во всѣхъ дѣлѣхъ твоихъ,

размышляю о всех делах Твоих,

На месте *поучихся* в Септуагинте стоит ἐμελέτησα, а μελετάω (по старой семантизации: «прилежать чему-л.») означает «неотступно заниматься чем-л.» (в том числе наукой-учебой), и стоящее за словом действие намного интенсивнее, чем *размышлять*.

въ творѣніихъ рѣкъ твоѣю побчѣхса.

рассуждаю о делах рук Твоих.

На месте *поучахся* в Септуагинте стоит тот же самый глагол: ἐμελέτων. В еврейской версии употреблены два глагола (**יָחַד** и **אָמַן**), так что причина варьирования *размышляю/рассуждаю* состоит в принципиальной оглядке синодальных переводчиков на масоретский текст.

6. Воздѣхъ къ тебѣ рѣцѣ мой:

Простираю к Тебе руки мои;

В принципе можно было бы удержать слово исходного текста: *воздеваю*.

дѣша моа ѣкѡ землѣ безводная тебѣ.

душа моя - к Тебе, как жаждущая земля.

Замена в переводе возникшей под влиянием Септуагинты кальки *безводная* (ἄνυδρος; ср. в Вульгате: terra sine aqua), – а здесь содержится метафора, – на прямое именование *жаждущая*, обусловлено масоретским текстом (פַּעֲוֹרָרָאָכּ).

7. Скорѡ услыши ма, гди,

Скоро услышь меня, Господи:

За исключением варьирования местоимений (*мя/меня*) обе строки совпали полностью.

исчезе дѣхъ мой:

дух мой изнемогает;

Дух исчезает – так не говорят.

не ѡврати лица твоего ѡ мене,

не скрывай лица Твоего от меня,

В масоретском тексте стоит: פַּנֵּי אֱלֹהֶיךָ פַּנֵּי «не прячь лицо Твое», тогда как в Септуагинте: μὴ ἀποστρέψῃς ἔμπηνεὺς τὸ πρόσωπόν σου «не отворачивай лица Твоего» (от ἀποστρέφω «возвращаться вспять, поворачивать»). Иными словами, в переводе перед нами еще один случай ориентации на масоретский текст и отказ от Септуагинты (и от славянской традиции). // Если оставить: *Не отвори лица Твоего*, то расхождение между церковнославянской и русской строками распространится лишь на одну букву (от мене – от меня).

и ѡподоблюса нисходящымъ въ ровъ.

чтобы я не уподобился нисходящим в могилу¹⁸.

Если обобщить частные наблюдения, сделанные выше, то можно отметить существенные особенности, отличающие переводы на русский с церковнославянского от «обычных» переводов с одного языка на другой. Особенности эти, собственно говоря, очевидны, так что привлекать на них внимание и подчеркивать их в известном смысле значит ломиться в открытую дверь, но в то же время термин *перевод*, применяемый в ситуации передачи церковнославянского текста средствами русского языка, вызывает в сознании (даже специалистов) характери-

ки «обычного» перевода с одного языка на другой. Возникает терминологическая интерференция и соответственно путаница.

Итак, оговорка о «неочевидной очевидности» сделана. Рассмотрим теперь показательный пример. Полустих Пс 142/143:1, уже рассмотренный выше, на иврите читается: יהוה שמע תפלתִי. Версии Септуагинты и зависящей от нее Вульгаты таковы: Κύριε, εἰσακούσον τῆς προσευχῆς μου и Domine, exaudi orationem meam. В переводе на английский (по версии Библии короля Джеймса) этот полустих читается: Hear my prayer, o Lord; в переводе на немецкий (по версии Мартина Лютера): Herr, erhöre mein Gebet; в переводе на французский (по версии Ж.Ф. Остервальда): Éternel, écoute ma requête. Церковнославянская версия была приведена выше: Гди, о́услыши моли́твѣ моѹ. Мы выписали семь текстов, выражающих одну и ту же мысль (инвокацию Божества), и все они, за исключением синтаксиса (порядка следования слов) и единой графической системы в трех последних случаях, ни в чем между собой не совпадают. Это очевидно: например, тетраграмме יהוה соответствуют вокативы Κύριε, Domine, Lord, Herr, Éternel (собственно: *Превечный*) и Господи, - это всё разные (разноязычные) слова, и, предположим, заведомо не владеющий ивритом «средний носитель» русского языка никогда не отождествит יהוה и Господи.

Подобные переводы (когда читатель, если он не изучал языка, с которого осуществляется перевод, понимает только текст на родном ему языке) и представляются «обычными». Действительно, все известные научные дескрипции (обиходного) понятия *перевод* сводятся к тому, что под терминированным словом понимается процесс и результат передачи инвариантного смысла (выраженного в тексте на одном языке) средствами другого языка¹⁹. Имплицируется: язык, с которого осуществляется перевод, потенциальному адресату не известен и не понятен, так что всегда нужен сведущий посредник – מתרגם, ἑρμηνεύς, intérpres, intérpreter, Dolmetscher, intérprète, толкóвникъ, толмач (= переводчик).

Иное дело - соотношение Господи, о́услыши моли́твѣ моѹ и Господи, *услышь молитву мою*. Здесь различие между фразами состоит в одной-единственной букве (о́услыши - *услышь*)²⁰.

Всё зависит от фрагмента, избранного для рассмотрения: если его расширить (например, за счет дополнения 2-й половины стиха: *внѣши моленіе моѹ во истинѣ твоѹ* и *внемли молению моему по истине Твоей*), различие одной буквой не ограничится; если же его сократить (например, попарно соотнести друг с другом Господи и *Господи*, моли́твѣ моѹ и *молитву мою*), то не окажется отличия ни в одной букве. Ср. также: о́уны во мнѣ дѣхъ моѹ и *и уныл во мне дух мой*.

Как бы то ни было, русский человек, даже если он никогда не изучал церковнославянского, 1-ый полустих Пс 142/143:1 поймет легко и точно, а во 2-м полустихе затруднение может вызвать только глагол *внѣшити* (буквально «вставить в уши» = «услышать»), но на помощь приходит общий контекст (параллелизм членов как принцип поэтики Псалтыри), позволяющий и даже заставляющий понять незнакомое слово правильно.

Едва ли парные тексты типа Господи, о́услыши моли́твѣ моѹ/*Господи, услышь молитву мою* можно уподобить текстам типа יהוה שמע תפלתִי/Κύριε, εἰσακούσον τῆς προσευχῆς μου, но тем не менее и в первом случае, и во втором, за неимением терминов тонкой дифференциации, безразлично говорят о *перевод* с языка на язык.

Между тем первая пара текстов противоречит дефиниции перевода как научного понятия: если при переводе с иврита на греческий (для грека, не знающего иврита) ἑρμηνεύς действительно нужен всегда, то при передаче церковнославянского текста по-русски *толмач* нужен только от случая к случаю (когда, предположим, встречается слово, подобное *внѣшити*), а временами он и не нужен вовсе, поскольку значительная часть лексики, а отчасти и морфология является для двух языков общей.

Из жизненной практики известно, что когда к адресату обращена речь на ином, но близком языке (или на другом локальном диалекте), то потребности в переводчике не бывает. Перевод, если прояснить имплицитные смыслы его дефиниции, предполагает не просто наличие двух языков, а наличие таких языков, которые не допускают взаимопонимания между их носителями.

В соотношении церковнославянского и русского, если и можно по морфологическим показателям признать бытие двух языков, – с большими оговорками!, – то по лексическому показателю устанавливается всего лишь один общий (русский) язык, связанный отношением преемства с церковнославянским: церковнославянская лексика – неотъемлемая часть русского языка.

Действительно, во-первых, в церковнославянском и русском унаследован один и тот же праславянский (общеславянский) лексический фонд. Во-вторых, в русском унаследован также большой пласт книжной лексики для выражения философских и богословских понятий, созданной Кириллом и Мефодием (см. подробнее: [Буслаев 1849; Верещагин 2003]). Наконец, в-третьих, русский язык вплоть до середины XIX в. был открыт для неограниченных включений в его лексический состав любого церковнославянизма²¹. (Кстати сказать, подобная практика сохранилась у старообрядцев.)

В свое время Л.В.Щерба описал такой лингвистический феномен как *язык с двумя терминами*²²; по аналогии русский язык, в генетическом аспекте, удобно назвать *языком с двумя лексиконами*. Один лексикон – собственный, (по выражению Пушкина) «сыновний»: он содержит общеславянский (праславянский) фонд и восточнославянские инновации (из т.н. «народной речи»); в новейшее время он пополнен кальками и заимствованиями из новых языков Европы. Второй лексикон – южнославянский, но идущий не от «народной речи» (не от диалекта), а от книжно-письменных текстов, преобладающая часть которых состоит из переводов произведений греческой церковной книжности.

Иногда говорят, что русский язык – двуипостасен, но аналогия неточна, поскольку ипостаси, как известно, по определению неслиянны. Два лексикона, напротив, ныне причудливо перемешались (в каждом отдельном случае – по-своему), и получилась замечательная амальгама, в которой нет доминирования ни книжно-письменной стихии, ни народно-разговорной. (Впрочем, в истории русского языка бывали перекося.) Семантико-стилистическое поле (лексики) покрывается путем дополнительности обоих лексиконов: то, что обозначено средствами пер-

вого, в принципе может быть названо также средствами второго, и наоборот.

Если устанавливаются две стихии в литературном языке, это значит, что и родоначальников у него было двое. Книжно-письменный пласт средств выражения восходит к Кириллу и Мефодию (см. подробнее: Верещагин 2004а, Верещагин 2004в). Народно-разговорный получил свою легализацию под пером Пушкина. Пушкину же принадлежит и установление гармоничного соотношения между двумя лексиконами²³.

Это гармоничное соотношение наиболее выпукло представлено в синодальной версии Свщ. Писания на русском языке. В частности, русское Евангелие – это не то же самое, что Евангелие, скажем, на английском²⁴. Истина христианства в нашем Евангелии не искажена, но в ее понимание, под влиянием языка первоучителей, внесены такие обертоны, которые позволяют говорить о российском Православии как самобытном феномене. Евангельский текст, вышедший из-под пера Кирилла и Мефодия на церковнославянском языке, отнюдь не утрачен в Евангелии на русском языке (синодальной версии). В свете изложенного нет преувеличения, если скажем, что Русская Православная Церковь обладает собственным, неповторимым Четвероевангелием (в духе хранения Предания продолжающим Кирилло-Мефодиевское наследие). Тем самым Русская Православная Церковь вносит свой своеобразный вклад в распространение христианского учения, поскольку открывает в нём ещё одну грань.

Об этом точно написал А.В.Карташев: «Слово Божие звучало и звучит не только на еврейском и греческом, но и на латинском, и германском, и славянском, и на всех языках мира, калейдоскопически преломляя в них и в душах разных культур тайны Откровения [...] Когда мне задают вопрос, есть ли у русского народа и у русской церкви свое характерное переживание и понимание христианства, не задумываясь отвечаю: конечно, есть. И не как [...] уклонение от вселенской истины церкви, а именно как обогащение вселенской истины своеобразным опытом» [Карташев 1936].

Примечания

¹ Об этом ясно и точно сказал И.С. Тургенев: «Не следует забывать, что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу... Нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, предложенному его гением». И далее: «Заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признаётся даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого...» (Речь по поводу открытия памятника А.С. Пушкину, 1880).

² Пространная антология суждений Пушкина о языке содержится в кн.: Русские писатели о языке 1954: 73–132.

³ Ломоносов выступает как символ. Конечно, надо иметь в виду всю дружину единомысленных ему литераторов XVIII в., завершаемую, вероятно, Г.Р. Державиным. Пушкин также выступает как символ.

⁴ Проблему исследовал уже Ф.И. Буслаев (см. Буслаев 1848). Отметим кстати, что, находясь в отпуске летом 2001 г., В.В. Путин побывал в северных православных обителях и «в беседе с журналистами после поклонения святыням Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря [...] сказал: ‘Испокон веков наша страна называлась Святой Русью. Это имело свои географические и исторические границы. Но прежде всего в это название вкладывался большой нравственный смысл, подчеркивалась та особая роль, которую Россия взяла на себя как хранительница исторических христианских ценностей’. Президент сказал, что трудно не согласиться с теми, кто утверждает, что ‘без христианства, Православной веры, без возникшей на их базе культуры вряд ли состоялась бы Россия’. Именно поэтому, – заявил Путин, – важно вернуться к этим первоисточникам, когда мы вновь обретаем себя, ищем нравственные основы жизни’. Мы слышим такое заявление первого лица государства впервые после 1917 года. О православии Путин говорит как об основе жизни не только русского народа, но и русского государства» (газета «Радонеж», 2001, № 17–18. С. 2).

⁵ Именно данный фрагмент выбран случайно. Он был нужен нам для исследования совсем другой проблемы (см.: Верещагин, Костомаров 2000).

⁶ Исходя из современной этики, читателям притчи обычно кажется, что младший сын совершает дерзость, когда требует раздела имения. Между тем в этом не было ничего предосудительного. По ветхозаветным предписаниям, двор и другое недвижимое имущество по наследству полностью переходило к старшему сыну в семье, к «первородному». Эти же предписания позволяли другим сыновьям выделиться, но они могли претендовать лишь на движимое имущество, которое в таком случае делилась на количество сыновей плюс еще одна доля, и старший сын получал две доли (см.: Втор 21:17).

⁷ Не было ничего дерзкого и вызывающего и в том, что младший сын покинул родину и ушел *на странѣ далѣче*. Палестина времен Христа не могла прокормить весь народ Израиля, и выезд-эмиграция был заурядным явлением. Лишь примерно 0,5 млн. иудеев проживало в Палестине, а в диаспоре (в рассеянии) было не меньше 4 млн. человек. Поэтому слушатели притчи Иисуса могли подумать: «Что ж, младший сын хочет, вероятно, начать новую и более счастливую жизнь, предположим, в одном из торговых городов Средиземного моря». Уезжая из дома, младший сын имел все возможности сохранить благочестие и веру отцов. Но он поступает вопреки ожиданиям. Неудивительно, что он начинает бедствовать, да еще вдобавок ради его вразумления в стране начинается голод. С современной точки зрения, оказавшись в такой ситуации, младший сын поступает правильно — он нанимается на работу, чтобы прокормить себя. Но он совершает несколько недопустимых грехов, если встать на точку зрения правоверных иудеев того времени. Он не должен был идти в услужение к язычнику; ему следовало обратиться в ближайшую общину единоверцев и только там искать себе работы. И тем более он не должен был соглашаться стать свинопасом! В Законе (Лев. 11:7–8) записано раз и навсегда: *свиній, іакъ дѣлїтъ пазнїкѣти на двѣ и копыто раздвоѣтъ, но не ѡрыгаѣтъ жванїа, нечїста сїа вѣмъ. ѡ мѣсъ иѣъ да не їѣте и мертвечїнѣ иѣъ да не прикасѣтеса, нечїста сїа вѣмъ.*

⁸ В притче нет невыразительных подробностей. Так, рожки (плоды распространенного в Палестине рожкового дерева) — это темные твердые стручья, содержащие в себе по 8–10 сухих и невкусных горошин. Рожками питались беднейшие из бедных. Стручья выжимали, из скудного сока готовили вино, а отжимки выбрасывали свиньям. Но и этих отжимок не получал младший сын. Вот до какой степени беды дошел когда-то богатый и уважаемый человек!

⁹ Отец встречает вернувшегося сына и обнимает его «за шею». Подчеркнуто не случайно: отец не дает сыну опуститься на колени, принять позу не сына, а раба.

¹⁰ Отец целует сына в щеку, показывая, что признает его равным себе. Символика поцелуя была очень тщательно разработана на Ближнем Востоке: раб и слуга целуют хозяину ноги или в лучшем случае руку, и только равный по статусу получает поцелуй в щеку.

¹¹ Но человека человек / Послал к анчару властным взглядом, / И тот послушно в путь *потек* / И к утру возвратился с ядом («Анчар»).

¹² Отец надевает на палец сына *перстень* — знак того, что сыну возвращаются полномочия члена семьи.

¹³ Отец приказывает немедленно принести обувь: лишь рабам и слугам допустимо ходить босыми.

¹⁴ Владение корпусом церковнославянских по форме крылатых выражений — это в настоящем и тем более прошлом показатель культуры. В XIX в. русская духовная атмосфера была настолько пронизана церковнославянской словесностью, что даже неверующие и враждебные Православию люди не могли избежать подчиняющего себе влияния общей культурной атмосферы. Так, В.И. Ленин знал и активно употреблял выражение блудный сын (ПСС, Т. 14, С. 274). Если судить по указанному контексту, то Ленин превосходно помнил всю Притчу о блудном сыне. Вообще В. И. Ленин, атеист с ранней юности, неустанно трудившийся, чтобы искоренить Православие, все же оставил в своем публицистическом наследии обширный корпус евангельских цитат и выражений, причем всегда на церковнославянском языке: — Благодарим тебя, Господи, что мы не похожи на этих мытарей; Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби; вливать новое вино в старые мехи; во времена оны; волк в овечьей шкуре; Врачу, исцелися сам!; гробы повапленные; Да минует меня чаша сия!; держать под спудом; десница и шуйца; Имя им — легион; Иудин поцелуй; Иудины речи; Кто не с нами, тот против нас; Не мечите бисера перед свиньями; Не человек для субботы, а суббота для человека; Несть пророка в отечестве своем; Никто не может служить двум господам; отречься, как Петр от Христа; отрясти прах от ног своих; отсылать от Понтия к Пилату; ошую и одесную; соль земли; страха ради иудейска; строить на песке; Тайное стало явным; Толпыте и отверзется вам; умыть руки; Что делаешь, делай скорее и т.д.

¹⁵ К ним принадлежат все (грамматические) имена, в том числе числительные, а также глаголы и наречия.

¹⁶ У Пушкина: «Чего тебе надобно, *старче?*» (Сказка о рыбаке и рыбке).

¹⁷ В церковных кругах — обращение к архиерею.

¹⁸ Приведём (без комментариев) и оставшиеся стихи псалма. О качестве соотнесения единиц при переводе можно судить по аналогии:

8. *Влышанѣ сотвори мнѣ забтра млтѣ твою,*

Даруй мне рано услышать милость Твою,

ѡкъ на тѣ ѡповѣхъ:

ибо я на Тебя уповаю.

скажи мнѣ, гдѣ, пѣтъ, въ Сньже пойдѣ,

Укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти,

ѡкъ къ тебѣ възвѣхъ дѣшѣ мой.

ибо к Тебе возношу я душу мою.

9. *Измѣ ма ѡ врагѣ моихъ, гдѣ,*

Избавь меня, Господи, от врагов моих;

къ тебѣ пригвохъ.

к Тебе прибегаю.

10. *Научи ма творити волю твою,*

Научи меня исполнять волю Твою,

ѡкъ ты еси бгъ мой:

потому что Ты Бог мой;

дхъ твоѣ блгїи наставитъ ма на зѣмлю правѣ.

Дух Твой благий да ведет меня в землю правды.

11. *Имене твоегѡ радѣ, гдѣ, живиши ма*

Ради имени Твоего, Господи, оживи меня;

правдою твоею: ижедеши ѡ печали дѣшѣ мой:

ради правды Твоей выведи из напасти душу мою.

12. *и млтїю твою потребиши врагѣ ма*

И по милости Твоей истреби врагов моих

и погубиши всѣ стѣжающыя дѣшї мой:

и погуби всех, угнетающих душу мою,

ѡкъ азъ рабъ твоѣ есмь.

ибо я Твой раб.

¹⁹ Ср., например, определение библейского перевода: «Translation consists of producing in the target language the closest natural equivalent of the

source language message, firstly with respect to meaning and secondly with respect to style» («Перевод заключается в отыскании в целевом языке ближайшего естественного эквивалента тексту на исходном языке, прежде всего в отношении смысла, а затем и в отношении стиля») [Nida 1959:19].

²⁰ Примерно такое же соотношение между русским языком и двумя близкородственными ему языками – украинским (*Господи, вислухай молитву мою*) и белорусским (*Госпадзе, пачуй малітву маю*). Напомним, что литера «и» в украинской азбуке означает [ы], так что разница между *Господи, вислушай молитву мою* и *Господи, вислухай молитву мою* опять-таки составляет одну литеру. Белорусская орфография покоится на фонетико-акустическом принципе письма, поэтому акающие написания *пачуй, малітву* и *маю* не должны создавать иллюзию отрыва от орфограмм *почуй, молитву* и *мою*, ибо за ними также стоит акающее произношение. Конечно, сказать по-русски *почуй молитву* – невозможно; зато сказать по-белорусски *вислухай мо́літву* – можно вполне. Таким образом, если принять полустих в редакции *вислухай малітву маю*, то различие между русским и белорусским текстами опять-таки сводится к одной-единственной литере (не обусловленной орфографической спецификой). – Сошлемся на аналогию. Один из персонажей Тургенева вспомнил случай: «Я попросил раз одного хохла перевести следующую, первую попавшуюся мне фразу: «Грамматика есть искусство правильно читать и писать». Знаете, как он это перевел: «Храматыка е выскусьтво правыльно читаты ы пысаты...» («Рудин»).

²¹ Например, богословский трактат строился так: цитаты из Свщ. Писания, агиографии, гимнографии, патристических сочинений вводили в дискурс на церковнославянском языке, а собственные рассуждения автора – на русском. Нарушение этого принципа – преследовалось. Когда митр. Филарет (Дроздов) предпринял было попытку ввести в свой «Катихизис» библейские цитаты в русском переводе, он столкнулся с непреодолимым сопротивлением и был вынужден в новых изданиях вернуться к цитированию по-церковнославянски. Ср. для примера раздел 14: «Провозвестниками Откровения Божия были Адам, Ной, Авраам, Моисей и другие пророки. Они приняли и проповедовали начала Откровения Божия; в полноте же и совершенстве принес на землю Откровение Божие и распространил его по Вселенной через Своих учеников и апостолов Воплощенный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос. Апостол Павел говорит в начале своего Послания к евреям: «Многочастне и многообразне древле Бог

глаголавый отцем во пророцех, в последок дний сих глагола нам в Сыне, Егоже положи наследника всем, Имже и веки сотвори» (Евр 1:1–2). Тот же Апостол пишет к коринфянам: «Глаголем премудрость Божию, в тайне сокровенную, юже предустави Бог прежде век в славу нашу, юже никтоже от князей века сего разуме... нам же Бог открыл есть Духом Своим: Дух бо вся испытует, и глубины Божия» (1 Кор. 2:7-8,10). Евангелист Иоанн пишет в Евангелии: «Бога никтоже виде нигдеже, Единородный Сын, сый в лоне Отчи, Той исповеда» (1:18). Сам Иисус Христос говорит: «Никтоже знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти» (Мф 11:27)».

²² Л.В.Щерба наблюдал в Лужице такое явление, когда каждое понятие двуязычных лужичан имеет два разноязычных способа выражения. Этот феномен и назван им «языком с двумя терминами» [Щерба 1958].

²³ См. подробнее раздел «Национально-культурное своеобразие русского литературного языка как результат взаимодействия двух стихий» в кн. Верещагин, Костомаров 2005: 359–390.

²⁴ Евангелие на церковнославянском, ежедневно прочитываемое священнослужителями за богослужением, а также Евангелие на русском, читаемое мирянами в домашних условиях, своей семантикой отличается от евангельских текстов, принятых в Западной Европе. Чтобы подтвердить сказанное, рассмотрим показательный пример. Мы избрали английское Евангелие, но можно было бы обратиться и к немецкому, и к французскому, и к испанскому, и к исландскому. Английская версия хорошо отражает «среднеевропейскую» картину. Об Иосифе Обручнике в Мф. 1:19 сказано: «Иосиф же муж Ее, будучи *праведен* и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее». В восьми употребительных версиях перевода Евангелия на английский язык атрибут Иосифа передан по-разному: being a just man «будучи безупречным человеком» (*King James Version, Revised Standard Version*); being a man of stern principle «будучи человеком твердых принципов» (*Living Bible*); was a man who always did what was right «как человек, который всегда поступает правильно» (*Today's English Version*); a righteous man «справедливый человек» (*New International Version*); who was a good man «который был хорошим человеком» (*Phillips Modern English*); being a man of honor «будучи человеком чести» (*Jerusalem Bible*) и being a man of principle «будучи принципиальным человеком» (*New English Bible*). В русском Евангелии именованная *праведен, праведный, праведник* (в разных формах, в том числе множественного числа) встречаются 28 раз, и среди

дальнейших соответствующих ему английских номинаций назовём лишь некоторые: the godly men «Божьи люди», those who lived good lives «которые жили доброй жизнью», good men in the past «хорошие люди прошлого», holy men «святые люди», the saints «святые», the true men «правдивые люди», the virtuous «добродетельные», а God-fearing man «богобоязненный человек», an upright man «прямой человек», respectable people «почтенные люди» и т.д. Иоаким и Анна в слав. Евангелии названы: «Оба они были *праведны* пред Богом» (Лк. 1:6), а в английских переводах они именуются по-разному: godly folk «Божьи люди», both lived good lives «оба жили хорошей жизнью», were upright «были прямыми», truly religious people «истинно религиозные люди», were worthy «были достойны», were upright and devout «были прямыми и преданными». Видно, что в переводах отнюдь не присутствует поле прямых и ассоциативных смыслов лексемы *праведен*, хранимое в равной мере как церковнославянским, так и русским языками и восходящее к греч. δίκαιο" и к евр. zaddik. Ценное для догматического и нравственного богословия понятие *праведности* в «среднеевропейских» версиях Евангелия или изначально отсутствовало, или не удержалось. *Праведными* в Евангелии называются святые угодники Божии, в том числе те, которые, оставаясь в миру, ни в чем не отступали от закона Божия и всегда хранили Ему верность. В месяцеслове РПЦ *праведные* выделяются в отдельный лик. Поэтому когда в «среднеевропейских» переводах представлен отказ от прямой (общей и по смыслу комплексной) номинации данной категории святости и использованы конкретные, пусть и положительные, атрибуты (*безупречный, справедливый, принципиальный, честный, хороший, добрый, правдивый, богобоязненный, прямой, достойный, религиозный, преданный, почтенный* и т.д.), на практике искажается смысл, прямо и недвусмысленно выраженный в исходном евангельском тексте. Все данные конкретные атрибуты, вполне вероятно, приложимы к праведному человеку, но они не синонимичны и даже могут быть поставлены и в контрарные отношения. Так, парадоксальным образом *справедливый* человек (т.е. действующий ради неуклонного соблюдения формальных прав) может и не быть *праведным*.

Аналогичному анализу на фоне русского Евангелия были подвергнуты концепты: *крещение, заповедь, знамение, помышления, скверна, (по)милосердие, милосердие, свидетельство, премудрость, проповедь, напасть, хула, усопишие, разделение* и др. Все они в английских версиях обнаруживают существенные семантические отличия от русского текста. Русское Евангелие

неотделимо от Свщ. Предания, а именно Свщ. Предание потерялось или было изгнано на Западе, в том числе и в католических версиях Евангелия, переводы которых выполнялись под сильным протестантским влиянием. Действительно, существенные элементы Христова учения передаются посредством конкретизации и (временами недопустимого) упрощения исходного текста. Ср. Мф. 5:39: «А Я говорю вам: не противься злому». В переводах варианты таковы: don't resist violence «не сопротивляйтесь насилию», do not take revenge «не мстите», do not resist an evil person «не сопротивляйтесь гадкому человеку», do not resist one who is evil «не сопротивляйтесь тому, кто зол», offer the wicked man no resistance «не оказывайте сопротивления мерзкому человеку»; do not set yourself against the man, who wrongs you «настраивайтесь против человека, который вредит вам».

В последнее время участились попытки дать такую версию русского Евангелия, которая включила бы его в число «среднеевропейских». См. подробнее: [Верещагин 2004б; Верещагин 2004г].

Л и т е р а т у р а

Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848.

Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.

Верещагин Е.М. Вхождение славянства к христианскую культуру: деятельность первоучителей Кирилла и Мефодия // История культур славянских народов. В 3-х тт. Т. I. Отв. редактор Г.П.Мельников. М., 2003.

Верещагин Е.М. 2004а – Церковнославянское Евангелие как духовное достояние русского народа // Помещено на сайте: {www.msuell.ru}.

Верещагин Е.М. 2004б – Иван Предтеча – *креститель* или *омыватель*? // Филологические науки, 2004, 1.

Верещагин Е.М. 2004в – Ментальная преемственность на протяжении тысячи лет: Кирилло-Мефодиевское Свщ. Писание в современном языковом сознании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004, 2 (16).

Верещагин Е.М. 2004г – Всегда ли возможен диалог переводчиков Свщ. Писания? // Вера – Диалог – Общение. Материалы Международной научно-богословской конференции. М., 2004.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. 2000 – Рече-поведенческое исследование Притчи Пушкина о блудной дочери // Вопросы языкознания, 2000, 2.

Верещагин Е.М., В.Г. Костомаров 2005 – Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005.

Карташев А.В. 1936 - Русское христианство // «Путь», № 51, 1936.

Русские писатели о языке 1954 – Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). Л., 1954.

Nida E. A. 1959 - Principles of translation exemplified by Bible translation // On Translation. ed. R. Brower. Oxford, 1966.

Мария Йовчева
София, Болгария

ТРАДИЦИИ И НОВОЕ В БОГОСЛОВСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АФОНСКИХ РЕДАКТОРОВ XIV ВЕКА

(на основе текста Октоиха)*

В рамках масштабной литургической реформы в XIV в. болгарские монахи на Афоне редактируют основные богослужбные и небогослужбные книги. Продукция афонских центров представляет собой основу литературного потока, названного вторым южнославянским влиянием, и распространяется во всем регионе Slavia Orthodoxa. Как показывают исследования И. Карабинова и Г. Попова о Триоди¹, – и наши наблюдения над Октоихом², – именно версии, восходящие к деятельности болгарских книжников на Афоне (и, позднее, в Тырнове), составляют основу киевских церковнославянских изданий XVII в., которые с известными исправлениями воспроизводятся и поныне. В качестве сравнения я бы указала на тот факт, что, например, славянские издания, вышедшие в XVI в. в типографии Божидара и Винченцо Вуковича в Венеции, следуют другой рукописной традиции, основанной на сербских переводах этих книг.

Что касается редактирования в афонских центрах, все более и более превалирует мнение, что его ведущей целью являлось не только поновление языка литургических книг, сколько согласование их содержания и структуры с актуальными византийскими образцами и в соответствии с требованиями Иерусалимского типикона³. этим объясняются и те факты, что в основе новых версий лежит старый перевод и что на лексическом уровне

* Высказываю свою глубокую благодарность Национальному фонду „Культура“ (Программе мобильности) Министерства культуры Республики Болгарии за финансовую поддержку моего участия в настоящей конференции.

текст подвергся непоследовательному редактированию: сохранились следы древнейшей традиции и даже спорадические моравизмы. В связи с этим вызывает интерес вопрос о том, касается ли богословской терминологии общий вывод о нерегулярности исправления словарного инвентаря афонских отредактированных текстов? Исследователи в области славянской богословской терминологии сходятся в мнениях о том, что в XIV в. уже существовала большая вариативность славянских языковых средств⁴, сложившаяся вследствие нескольких полных и многих частичных редакций славянской книжности в течение ее пятивекового развития. Поскольку средневековые переводчики священных и богослужебных книг в гораздо большей степени, чем современные переводчики были толкователями и интерпретаторами текста, то принципы передачи греческих терминов зависели меньше всего от языковых факторов, а прежде всего – от религиозных, филологических, культурно-исторических обстоятельств. В процессе каждого редактирования под влиянием различных переводческих концепций пересматривался словарный инвентарь, называющий понятия христианской теологии, и поэтому афонские книжники унаследовали терминологический разнобой: при помощи одного славянского термина передавалось несколько греческих и, наоборот – одному греческому слову соответствовали три, четыре или даже больше славянских. Подобное разнообразие в древнейшей славянской письменности, с одной стороны, приводило к недопустимой многозначности терминов и являлось предпосылкой неточности по отношению к важнейшим догматическим формулам, но, с другой стороны, оно предоставляло редакторам XIV в. возможность выбора.

Лексические предпочтения афонских книжников в принципе исследованы на основе неоднократно переводимых текстов. Высказаны мнения о преемственности с Кирилло-Мефодиевской языковой практикой или, наоборот, о связанности с преславскими лексическими вариантами, или даже о введении инноваций с учетом состояния разговорного болгарского языка в XIV в.⁵. Поэтому и возникает вопрос, в какой степени использованная афонскими деятелями терминология следует за традицией (и за какой традицией, точнее), и в чем состоят инновации.

В качестве объекта исследования был выбран Октоих, текст которого, с одной стороны, содержит немало терминов, а, с другой, как книга для повседневного богослужения он играет большую роль в распространении и популяризации богословских терминов. Кроме того, до сих пор исследования в области славянской терминологии почти не охватывают материал гимнографических источников – они базируются на другом типе текстов (библейских, догматических, житийных, гомилетических). С целью достичь тщательности исследования привлечены образцы как архаических, так и отредактированных староизводных списков⁶. Данные о вариантах, выбранных на Афоне, взяты из двух рукописей – Октоихи № 19 и 20 из Библиотеки Синайского монастыря св. Екатерины, чья принадлежность к этой редакции бесспорна⁷. Для сравнения представлен и лексический материал, почерпнутый из церковнославянского издания Октоиха. При упорядочении разночтений сначала даны более архаичные члены оппозиции. С целью расширения базы для выводов в исследование включены и данные из других гимнографических книг, выписанных из трех специализированных словарей. Первый, греческо-славянский, подготовленный македонским ученым Мито Аргировским, включает материал и из Триоди (в основном из Загребской триоди XIII в., относящейся к группе отредактированных староизводных триодей)⁸. Второй – словарь Путятиной минеи XI в.⁹, содержащей как древние чтения, так и результаты более поздних, преславских поновлений. Третий – это словарь декабрьских русских Миней XII–XIII вв.¹⁰, в которых отражен более поздний этап развития староизводных гимнографических книг, но с сохранением следов архаического пласта.

Сначала будет рассмотрен круг терминов, относящихся к важнейшим понятиям христианской догматики. Это лексемы, являющиеся средоточием догматических формул о Божьем воплощении и триединстве. Речь идет о греческих словах *φύσις*, *οὐσία* и *ὑπόστασις*, славянские соответствия которых неоднократно были дискутированы на основе разных типов текстов¹¹. Первый термин этой группы – *οὐσία*, «сущность». В Никейском Символе Веры этим словом называется единая Божественная

сущность. Накопленную до сих пор обширную литературу, посвященную передаче этого имени существительного, можно обобщить так¹²: старинными считаются грецизм *оусна* (знакомый из Супрасльского сборника, Синайского евхология, Устюжской кормчей, Гомилии Эпифания Кипрского о сошествии Господа в ад и др.) и славянское *къство* (оно зафиксировано в переводах, осуществленных Константином Преславским, а также и в переводе 13-и слов Григория Богослова).

Вместе с цитированными двумя словами еще в древнеболгарской среде в соответствии с этим греческим термином отмечаются производные действительного причастия настоящего времени бытийного глагола *сѣство* / *сѣствнѣ*, принадлежащие к преславскому кругу лексических предпочтений (они известны из славянских переводов Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь, Богословия Иоанна Дамаскина, сделанного Иоанном Экзархом, а также из Ефремовской кормчей и т. д.); встречаются также и изолированные примеры с лексемой *соство*. Каковы данные из Октоиха и вообще из гимнографических источников? Из доафонского текста Октоиха можно извлечь три разночтения: *оусна*, *къство* и *сѣство* (см. параграф I.1а в приложении). Можно сравнить также и синонимию в однотипных контекстах в Каноне св. Троице Климента Охридского¹³ – *ѣднна кѣн неразлѣчна ѣствомъ*, но в других случаях в том же самом каноне использовано слово *сѣство*: *ѣднного сѣства* и *въ ѣднномъ сѣствѣ*. Староизводные гимнографические сборники, принадлежащие к правленным типам, показывают, что именно употребление *сѣство* на месте гр. *οὐσία* закрепляется за счет других синонимов – в русских декабрьских минеях 17 раз зафиксировано *сѣство*, один раз – *сѣствнѣ* и только три раза – старинное *къство*. В афонской версии Октоиха имеется единственно славянское *сѣство*. В данном случае в ней предпочтен вариант из преславских памятников, но как видно из лексических вариантов в приложении, он широко распространен и в правленных русских списках. Специального внимания в этом синонимическом ряду заслуживают лексемы, передающие гр. *ὁμοούσιος* (см. параграф I.1б в приложении). Славянские обозначения единосущности трех Лиц Св. Троицы меняются от самых арха-

ических *омоусн*, *ѣднноѣствѣнъ* до преславских *равносѣствнѣ* и *ѣдносѣствнѣ*. Среди этих лексических оппозиций в тексте Октоихов обнаруживаются грецизм *омоусн* и инновация *ѣдносѣствнѣ*, но одновременно с ними и не указанное в научной литературе соответствие *ѣдннороднѣ*; а в триодном тексте наблюдается конкуренция грецизма *омоусн* и славянских слов *ѣдносѣствнѣ*, *пачесѣствнѣ*, *прѣсѣствнѣ*, *равносѣствнѣ*. Декабрьские Минеи свидетельствуют о том, что основным (наиболее частотным) в староизводных правленных источниках становится композитум *ѣдносѣствнѣ*; вероятно и поэтому афонская редакция отличается его регулярным употреблением.

Второе слово *ὑπόστασις* отличается многозначностью, но его основное значение как термин мотивируется его употреблением в Символе Веры для обозначения Трех Лиц как реализации единой сущности. Для его передачи Кирилл и Мефодий также отдали предпочтение греческому слову; в древнейших текстах использован грецизм *упостаъ*, который скоро начинает конкурировать со славянскими лексемами *сѣставъ*, *вещь*, *лицѣ* / *сѣствнѣ*, *сѣство* / *сѣствнѣ*, *свнство*, *соство* и даже со сочетанием *ошовь сы*. Другая лексема из того же семантического гнезда – *ἐνυπόστατος*, передается в ранних Триодах сочетанием *въ упостасехъ*, но параллельно с ним появляются *сѣставнѣ* и *сѣствнѣ*. Греческому из текстологической истории Октоиха до XIV в. можно экцерпировать почти все варианты: *упостаъ*, *соство*, *сѣставъ*, *свнство* (см. параграф II в приложении). Синонимия наблюдается и в троичном каноне Климента Охридского, в тексте которого пять раз встречается сочетание *трн соства* и два раза *трн свнства*. Из всех рассмотренных соответствий греческому *ὑπόστασις* в русских декабрьских Минеях доминирующими становятся *сѣство* и *сѣставъ*. Афонские книжники употребляют только слово *сѣставъ*. Их выбор и здесь следует самому частотному из вариантов, определяемых как не кирилло-мефодиевские, который при этом из всего лексического ряда в наибольшей степени отвечает структуре исходной греческой модели – может быть, и поэтому преславские *свнство*, *соство*, *сѣствнѣ* остались изолированными, и их употребление не получило ни широкого распространения, ни продолжения в традиции после XIV в.

По отношению к славянским соответствиям греческого φύσις также очерчивается тенденция употребления нескольких слов в ранней языковой практике, связанной с кирилло-мефодиевской переводческой нормой. Наряду с более древними соответствиями родъ / родство, вещь, сщство / сщство, еще в древнейших классических памятниках восточноболгарского происхождения, а также и в переводах и сочинениях, связанных с преславским книжным центром, встречается и лексема кстьство. В староизводных Октоихах, однако, прослеживается определенное стремление к контекстуальному переводу, с выражением оттенков в употреблении φύσις (см. параграф III в приложении). Например, семантика «по природе, по рождению, по натуре» передается словом родъ (оно воспроизводит и этимологию греческого корня); «человеческое существо» обозначается лексемой сщство; а для названия человеческой и Божественной сущности Иисуса самым частотным является слово кстьство, несмотря на то, что имеются и примеры употребления сщство. В сходном контексте кстьство зафиксировано в троичном каноне Климента Охридского – четыре раза засвидетельствовано словосочетание свѣтъ кѣствомъ, модель которого бесспорно греческий топоним διπλοῦς φύσει (см. параграф IIIб в приложении). Старинные гимнографические источники, однако, предоставляют и нестандартный перевод гр. слова φύσις, широко распространенный как в тексте Октоиха, так и в тексте Триоди и Минеи, в пресловутом топосе о св. Богородице в ирмосе 9-й песни: выше обычаю матеръ и по обычаю двѣѣж. Другой важный термин, производный от этого корня, это ὑπερφύως (см. параграф IIIв в приложении). Старинные варианты для его передачи были сочетания типа пауче рода и выше рода; позднее появляются композиты прѣсщцънъ, прѣсщцъствънъ и, наконец, позднейшие пауче кстьства, прѣкстьствънъ. Русские минеи свидетельствуют о преобладании славянских производных от кстьство, но все еще не найдена самая подходящая модель для передачи греческого композитума: единичные пауче рода, выше рода и более частотные прѣвыше и пауче кстьства. Для греческого φύσις и его производных афонские книжники последовательно употребляют один из всех вариантов, характерных для доафонских правленных списков –

кстьство¹⁴. Однако устранение синонимии при передаче этого термина предпосылало упрощение по отношению к его оттенкам в зависимости от конкретного контекста.

Следовательно, анализированные примеры показывают, что выбирая обозначения для некоторых из самых важных понятий, афонские книжники употребляли более поздние синонимы, характерные для отредактированных текстов, поскольку именно они отвечали и в структурном отношении греческим образцам. Подобному принципу подчиняется и выбор славянских соответствий для гр. ἀίδιος / ἀίδιος (см. параграф IVа в приложении). Более древние варианты представляют собой перевод по смыслу – въчьнъ, прѣвьчънъ, но уже в правленных староизводных списках появляются попытки калькирования, как, например, вънъ сы, прнсьносщцънъ / прнсьносъ. Самой точной из этих калек – прнсьносщцънъ, отдали предпочтение на Афоне, а впоследствии и создатели печатной версии Октоиха. То же самое развитие прослеживается и при передаче греческих ὀρθόδοξος / ὀρθόδοξία (см. параграф IVб в приложении). К архаическому пласту причисляется грецизм ὀρθόδοξъ, зафиксированный только в старинных списках Октоиха, и производные с основой правовѣрн-, которые постепенно заменяются более близкими к греческой форме лексемами с основой православа-. Русские декабрьские Минеи свидетельствуют о том, что до утверждения производных от основы православа- существовали и другие способы точной передачи структуры греческих композит, как, например, прѣстославне / прѣстославънъ, но они остались не популярными. Из всех этих вариантов в афонской редакции используются православне, православынъ. Синонимы, считавшиеся инновациями, предпочитают и при переводе гр. εὐπρέπεια «великолепие, красота» (см. параграф IVв в приложении). Суммируя данные о славянских соответствиях этого греческого слова, можно проследить следующую тенденцию – древнейшие варианты, простые лексемы или словосочетаниями, как вельлѣпота, благаѣ лѣпота, велна лѣпота, велнко- лѣпотнѣ и благолѣпнѣ. Доафонские гимнографические источники преимущественно содержат старинное лѣпота, а так-

же и композитум *прѣлѣпота*; реже в них появляется и новое благолѣпнѣ, которое повсеместно используется в афонской редакции. К рассматриваемой группе причисляется и выбор славянского соответствия греческому композитуму *θεοπρεπής* «богоугодный» – снова редакторские предпочтения останавливаются на более позднем варианте *богѣлѣпнѣ*, который при этом известен и старшим источникам (см. параграф IVг в приложении).

Тем не менее можно очертить группу терминов, для которых афонские деятели предлагают новое, или, по крайней мере, не широко знакомое из доафонской языковой практики славянское соответствие. Сюда относится славянский перевод гр. *παντοδύναμος* (см. параграф Va в приложении). В древнейших памятниках это слово передается славянским *всьемоугын*, характерным и для отредактированных доафонских списков: например, в декабрьских Минеях отношение *всьемоугын* : *всьеснальнѣ* 6:3. На Афоне используют *всьеснальнѣ*, а *всьемоугын* постепенно приобретает другие функции: им переводится гебраизм Саддаи – он означает именно Всесильный, Всемогущий Бог (ср. Синодальный болгарский и русский переводы Библии, где имеется 17 примеров: Быт. 17:1; 28:3; 35:11; 43:14; 48:3; 49:25; Исх. 6:3; Числа 24:4,16; Ис 10:34; 23:6; Цар. 1:11; Пс 67:15; 90:1; Иез 1:24; 10:5; Иоил 1:15). Самый архаичный перевод гр. *μη ὄντων* «небытие» – это слово *небытнѣ*, известное из древнейшего списка евхология (Синайского евхология); данный перевод находится и в староизводных октоихах (см. параграф Vб в приложении). В младших классических памятниках, например в Супрасльском сборнике XI в., этому сочетанию соответствует калькированное выражение *несѣцма, несѣцюю*. Один из двух вариантов – *несѣцма*, заимствован в афонской и в печатной версиях Октоиха¹⁵. Здесь можно рассмотреть другой важный термин, истоки которого уходят в классическую древность – прилагательное *εὐσπλαγγνος*, а также и родственное существительное *εὐσπλαγγνία* (см. параграф VIa в приложении). Сравнение с широким кругом текстов доафонской редакции показывает известное варьирование при передаче производных от этой греческой основы, но все славянские соответствия учитывают именно значение слова, а не воспроизводят ее структуру – больше всего приме-

ров имеется со славянскими производными от *мнолосрѣд-* (засвидетельствованными в паримейном, апостольском, псалтырном переводах, а также и в триодных и минейных текстах); реже появляются попытки калькирования типа *мъногмнолосрѣд* или *благгомнолосрѣдѣ*, *благлосрѣднѣ* (знакомые по триодным спискам); а в правленных староизводных источниках (русских и южнославянских) предпочитается *мнолствѣ*. Афонские книжники используют последовательно композиты *благлѣтробнѣ*, *благлѣтробнѣ*, и этим всушности элиминируют ранние осмысленные переводы и утверждают в церковнославянском языке одну искусственно созданную лексему. В группе инноваций афонских редакторов можно цитировать и славянские соответствия гр. термина *μονογενής* (см. параграф VIб в приложении).

Однако встречаются и примеры, свидетельствующие о том, что, независимо от стремления избегать варьирования славянских терминов, в афонской версии Октоиха прослеживается разнообразие, объяснимое только влиянием предшествующей традиции (см. параграф VII в приложении). Для передачи гр. *εὐσέβεια*, *εὐσεβής* в старших памятниках предпочитают слова от основ *благовѣр-*, *вѣр-*; в младших – композиты от основы *благчѣст-*; именно они в основном использованы на Афоне. Однако в некоторых случаях древнейший вариант *вѣры* остается без изменений. В отличие от афонского текста, церковнославянское издание уже отличается урегулированностью: употребляются только производные от корня *чѣст-*.

Итак, при выборе славянских терминов для названия основных богословских понятий ясно очерчивается преемственность между языковой практикой афонских книжников и практикой их предшественников из т. н. позднего Преслава, продолженной и развитой в работах русских редакторов второй половины XI в. Лексические инновации в афонской версии Октоиха занимают небольшую долю, при этом большинство из них известно в единичных употреблениях из списков разных книг и до XIV в. Заслуга афонских деятелей, однако, в том, что они включают данные лексемы в активный словарный фонд, использующийся и поныне в церковнославянских изданиях.

Основная цель работы афонских редакторов – ввести систематичность в богословских терминах, чтобы каждый термин отвечал определенной греческой лексеме и обозначал вполне определенное греческое понятие. В этом отношении они почти добиваются желаемого результата, хотя и имеются примеры вариативности, являющиеся свидетельством наследия из предыдущей эпохи. На основе приведенных данных можно констатировать, что, вопреки некоторым исключениям указанного типа, большая роль афонских книжников состоит в том, что они действительно кладут начало унификации славянской богословской терминологии.

Приложение

Іа. οὐσία

ѣство *Стр, Заг, Белг* – сщцство *Син 20, ЦСО* (бог. 6-й п., покаянный канон 6-го гл., вторн.);
κατ' οὐσίαν – ѣствомъ *Крсб, Заг, Белг* – сщцствомъ *Син 20*; по сщцствѣ *ЦСО* (бог. 6-й п., канон Кресту 6-го гл., пятн.);
 нераздѣла ѣвомъ *Бит* (троич. 9-й п., воскр. канон 6-го гл.);
Канон св. Троице Климента Охридского 8-го гл.: ѣднна ѣсн нераздѣлна ѣствомъ. троице прѣсвршеннаѣ. (2-й тр. 3-й п.);
Канон св. Троице Климента Охридского 8-го гл.: не въ трн богы раздѣлѣжъ ѣднного сщцства. (2-й тр. 8-й п.) и свѣ сн прнсносщченъ въ ѣднномъ сщцствѣ (2-й тр. 1-й п.);
доафонские триоди ѣство, сщцство;
Путьямина минея оусна, сщцство; *κατ' οὐσίαν* – ѣствомъ;
русские минеи на декабрь сщцство (17), сщцине (1), ѣство (3).

б. ὁμοούσιος

ѣмооуси *Белг*; ѣдннороденъ *Крсб* – ѣднносщченъ *Заг, Бит, Син 20, ЦСО* (1-й тр. 1-й п., канон Кресту 6-го гл., сред.);
доафонские триоди омооуси, ѣднносщченъ, паучесщченъ, прѣсщченъ, равностщченъ;
Путьямина минея омооуси, ѣднносщченъ;
русские минеи на декабрь ѣднносоущченъ (6), ѣднносоущствьнъ (1).

II. ὑπόστασις, ἐνυπόστατος

ѣпостаснаѣ *Крсб, Белг*; ѣднноѣпостасна- *ЦСО* – собствьннаѣ *Заг* – състѣвнаѣ *Син 20* (2-й тр. 8-й п., канон Кресту 6-го гл., сред.);
 трнѣпостасноѣ *Крсб, Арх*; трнѣпостасноѣ *НБКМ 172* – трнсъстѣвно *Тин 79*; трѣсъстѣвноѣ *Син 19* (троич. 7-й п., воскр. канон 6-го гл.);
Канон св. Троице Климента Охридского 8-го гл.: не въ трн богы раздѣлѣжъ ѣднного сщцства. нѣ въ трн санунаѣ (2-й тр. 7-й п.);

Канон св. Троице Климента Охридского 8-го гл.: ѣднна ѣсн трѣе нераздѣланна славѣж. нн нпостасн же. нн собствн. нн нменемъ дѣланна. (1-й тр., 7-й п.);
доафонские триоди ѣпостасъ, състѣвъ; въ ѣпостасѣхъ, сѣлануьнъ;
Путьямина минея ѣпостасъ; ѣпостасьнъ;
русские минеи на декабрь соущство (2), състѣвъ (2); оупостасьнъ, соущствьнъ (1), състѣвънъ (2).

III. φύσις, φύσει

родомъ *Стр, Белг, Крсб, Гилф 26, НБКМ 172, НБКМ 989, Тин 72* – ѣствомъ *Заг, Арх, Соф 122, Тин 79, Син 19, ЦСО* (2-й тр. 6-й п., воскр. канон 6-го гл.); родомъ богъ мноствнъ;
 родомъ *Крсб, Заг, Виен 37* – ѣствомъ *Син 20, ЦСО* (3-й тр. 5-й п., заупокойный канон 6-го гл., суб.); ѣдннъ родомъ мноствнъ;
 родомъ *Крсб, Виен 37* – ѣствомъ *Син 20, ЦСО* (3-й тр. 9-й п., заупокойный канон 6-го гл., суб.); сѣн родомъ хѣ мствнъ;
 родъ *Заг, Белг* – ѣство *Син 20, Кф* (бог. 8-й п., покаянный канон 6-го гл., вторн.);
сщцва Стр, Заг, Крсб, Гилф 26, НБКМ 172, НБКМ 989, Арх – ѣства *Син 19, Кф, ЦСО* (бог. 3-й п., воскр. канон 6-го гл.); всѣка сщцства чннъ прѣходнтъ;
φύσιν τῶν ἀνθρώπων – сщцство *Заг* – ѣствомъ *Крсб, Син 20, Кф, ЦСО* (2-й тр. 1-й п., канон Кресту 6-го гласа, пятн.);
ὑπὲρ φύσιν... κατὰ φύσιν – выше ѣбыага мтрѣ. по ѣбыагаѣ двѣж *Стр, Сол, Крсб, Белг, Заг, Бит Гилф 26* – паучѣ ѣства мтрѣ. по ѣствомъ двѣж *Син 20, ЦСО* (ирм. 9-й п. 7-го гл.);
 ѣство *ЦСО, Барб, Крсб, Син 20* (1-й тр. 3-й п., канон ангелам 6-го гл., понед.); всѣ ѣство словесно нъ небытнаѣ прнведѣ. сѣдѣвъ ѣство;
 ѣствомъ *Крсб, Белг, Син 20, Кф, ЦСО* (7-я п., бог. канон 6-го гл., воскр.); ѣство *Крсб, Син 20, Кф, ЦСО* (муч. 1-й п., канон Кресту 6-го гл., пятн.); сѣгнѣ покорн ѣство.
доафонские триоди родъ, ѣство, сщцство;
Путьямина минея ѣство, сщцство;
русские минеи на декабрь родъ (6), вещь (2), ѣство (36), ѣствьнъ (4).

б. διπλοῦς φύσει

сѣгьбѣ по състѣвоу *Стр* (6-я п., бог. канон 7-го гл., пятн.);
Канон св. Троице Климента Охридского 8-го гл.: сѣгьбѣ ѣствомъ (бог. 1-й п.; бог. 5-й п.; бог. 8-й п.; бог. 9-й п.);
Догматик 6-го гласа: φύσει Θεός ὑπάρχων, καὶ φύσει γενόμενος ἄνθρωπος δι' ἡμᾶς, οὐκ εἰς δυάδα προσώπων τεμνόμενος, ἀλλ' ἐν δυάδι φύσεων ἀσυγχῶτως γνωρίζομενος.
 ѣствомъ ѣъ сѣн. ѣствомъ ѣлкѣ насъ радн бывъ. не въ двѣнцѣ лицн раздѣлѣемъ. нѣ н въ двоичѣ ѣствомъ. несмѣсно славнмъ. (*Крсб*, л. 54а);
 ѣствомъ ѣъ сѣн, н ѣствомъ бывъ ѣлкѣ на рѣн. не въ двою лицн раздѣлѣемъ. нѣ въ двоичн_ѣстѣстѣвъ несмѣсно познаваемъ. (*Син 19*, л. 134б).

в. ὑπερφῶς – о зачатии св. Богородицы
 прѣсѣщнаго *Стр*, *Бит*, *Гилф* 26; прѣсѣщѣно *НБКМ* 172, *Кф*; прѣсѣщѣна *НБКМ* 989, *Тин* 72; прѣсѣщѣствѣно *Крсб* – пауе ества *Заг*, *Арх*, *Соф* 122, *Тин* 79, *Син* 19; прѣестѣственнѣ *ЦСО* (бог. 3-й п., воскр. канон);
Канон св. Троице Климента Охридского 8-го гл.: вѣше іѣства (бог. 3-й п.; бог. 8-й п.)
доафонские триоди пауе рода, пауе ества, прѣестѣствѣнѣ;
Путьятина минея вѣше іѣства (около 10-и случаев), прѣвѣзысно, съвѣзыше;
русские минеи на декабрь вѣше рода (1), пауе рода (1), пауе іѣства (7), прѣвѣзысно (3), прѣвѣзыше (1).

IV. Примеры предпочтения вариантам, которые встречаются регулярно и в доафонских редактированных гимнографических источниках

а. αἰδίως / αἰδιος
 прѣбытно *Крсб* – прѣсносѣщнѣ *Син* 19, *ЦСО* (1-й тр. 7-й п., канон ангелам 6-го гл., понед.);
доафонские триоди вѣуынѣ, прѣсносѣщнѣнѣ;
Путьятина минея съпрѣсносѣщнѣнѣ; прѣсносѣщнѣнѣ;
русские минеи на декабрь прѣсносѣнѣ (6), вѣноу сын (1), прѣсносѣщнѣнѣнѣ (1);

б. ὀρθόδοξος
 правовѣрно *Крсб*, *НБКМ* 172, *Арх* – православно *Син* 19, *Кф*; липсва в *ЦСО* (тр. ич. 8-й п., воскр. канон 6-го гл.); правовѣрно *Стр* – православно *Син* 19, *ЦСО* (прм. 9-й п., покаянный канон 6-го гл., вторн.); правовѣрнѣ *Заг* – православно *Син* 20, *ЦСО* (2-й муч. 9-й п., покаянный канон 6-го гл., понед.) ... направлѣет с- ѡртодоξωμѣ анкѣ *Крсб* – ...православнемъ ... *Сол* (богор. канон 7-го гл., пятн);
доафонские триоди вѣуынѣ, прѣсносѣщнѣнѣ;
Путьятина минея правовѣрнѣнѣ;
русские минеи на декабрь ὀρθόδοξος – правовѣрно; ὀρθοδοξία – правовѣрнѣ (1), простославнѣ (1); ὀρθόδοξος – правовѣрнѣнѣ (6), простославнѣнѣ (1).

в. εὐπρέπεια
 лѣпотож *Стр*, *Барб*, *Крсб*, *Белг*, *НБКМ* 989, *Тин* 79 – бл̄голѣпнѣ *Син* 20, *ЦСО* (1-й тр. 1-й п., канон ангелам 6-го гл., понед.);
доафонские триоди бл̄голѣпнѣ, бл̄голѣпнѣнѣ, лѣпота, прѣлѣпота;
Путьятина минея εὐπρεπής – бл̄голѣпнѣнѣ, краснѣнѣ;
русские минеи на декабрь εὐπρέπεια – бл̄голѣпнѣ (3); εὐπρεπής – оустроенѣнѣ.

г. θεοπρεπής
 б̄подобно *Крсб*, *Заг*; подобно б̄жтвѣ *Арх* – б̄голѣпнѣ *Гилф* 26, *НБКМ* 172, *НБКМ* 989, *Стр*, *Син* 19, *Кф*, *ЦСО*, (бог. 4-й п., воскр. канон 6-го гл.).
доафонские триоди θεοπρεπής – боголѣпнѣнѣ; θεοπρεπώς – боголѣпнѣ, вѣлѣлѣпнѣ;

русские минеи на декабрь θεοπρεπής – боголѣпнѣнѣ (2), подобнѣнѣ (1); θεοπρεπώς – боголѣпнѣ (13).

д. ἐνώω, ἔνωσις
 совѣкоупленнемъ *Заг*, *ЦСО* – ѣдиненіемъ *Син* 19 (муч. 7-й п., покаянный канон 6-го гл., вторн.);
 съвѣкоупшаго *Заг* – съединиша *Син* 19, соединишаго *ЦСО* (муч. 7-й п., покаянный канон 6-го гл., вторн.); съвѣкоуплена *Крсб*, *Белг*, *Барб* – съѣдиши с- *Син* 20, *ЦСО*, (2-й тр. 5-й п., канон ангелам 6-го гл., понед.);
доафонские триоди ἐνώω – прѣмѣснѣнѣ с-, съвѣкоупнѣнѣ, съѣднѣнѣнѣ, оуѣднѣнѣнѣ; ἔνωσις – съвѣкоупленнѣ;
русские минеи на декабрь ἐνώω – вѣднѣнѣнѣ (4), съвѣкоупнѣнѣ (1), съѣднѣнѣнѣ (1), оуѣднѣнѣнѣ (1); ἔνωσις – ѣднѣннѣ (1), вѣднѣннѣ (2), сѣмѣшеннѣ;

V. Варианты, которые редко встречаются в доафонских редактированных гимнографических источниках

а. παντοδύναμος
 вѣсемогын *Крсб*, *Стр*, *Белг*, *Заг*, *Гилф* 26, *НБКМ* 172; всемоган *Арх*, *Тин* 72 – вѣсѣснѣнѣ *Син* 19, *ЦСО* (1-я вечер. воскр. стихира); вѣсемогын *Крсб*, *Заг*, *Гилф* 26, *НБКМ* 172; всемоган *Арх*, *Тин* 72 – вѣсѣснѣнѣнѣ *Син* 19, *ЦСО* (2-я воскр. вечерн. стихира);
доафонские триоди вѣсемогын, вѣсеомощнѣнѣ, вѣсѣснѣнѣнѣ;
русские минеи на декабрь вѣсемогын (6), вѣсѣснѣнѣнѣ (3).

б. μὴ ὄντων
 небытнѣ *Крсб*, *НБКМ* 989, *Тин* 79, *Барб* – несѣщнѣнѣ *Син* 20, *ЦСО* (1-й тр. 3-й п., канон ангелам 6-го гл., понед.);
Синайский евхологий ἐκ τοῦ μὴ ὄντος – отъ небытнѣнѣ (2); отъ несѣщнѣнѣнѣ (1);
Супрасльский сборник ἐκ τοῦ μὴ ὄντος – отъ несѣщнаго;

VI. Инновации, которые не встречаются в доафонских гимнографических источниках

а. εὐσπλαγγία, εὐσπλαγγνος
 м̄рднѣ *Стр*, *Крсб*, *Белг*, *Заг*, *НБКМ* 172, *НБКМ* 989, *Соф* 122 – бл̄гожт̄рѣнѣ *Син* 19, *ЦСО* (2-й тр. 5-й п., воскр. канон 6-го гл.); м̄рдын *Стр*, *Крсб*, *Заг*, *Соф* 122 – мнѣотнѣнѣ *Бит* – бл̄гожт̄рѣнѣнѣ *Син* 19, *ЦСО* (седал. 6-го гл., понед.).
доафонские триоди εὐσπλαγγνος – м̄зномнослѣдѣ, бл̄гомнослѣдѣ; εὐσπλαγγία – бл̄госрѣднѣ;

Путьятина минея мнѣость; мнѣостнѣнѣ;
русские минеи на декабрь мнѣостнѣнѣ (6), мнѣосрѣдѣ (9).

б. μονογενής

Сокращения источников

доафонские

- Арх* – Шестоднев служебный, № 171 Археограф. комиссии БАН, XIV в., русский.
- Белг* – Белградский, Рс 104 НБС, + 3 I 110 Музея Сербской православной церкви, сер. XIII в., болг.
- Бит* – Битольский, изборный Октоих, ХАНУ, III. а. 45–46, сер. XIII в., болг.
- Виен 37* – Шестоднев служебный, Cod. Slav. 37 Австрийской национальной библиотеки, кон. XII – нач. XIII в., русский.
- Гилф 26* – РНБ, Гильф. 26, XIV в., серб.
- Заг* – Загребский (Михановичев), ХАНУ, III.а.9., вт. пол. XIII в., болг.
- Крсб* – Карансебешский, № 450 Библиотеки Румынской академии наук в Бухаресте, кон. XIII – нач. XIV в., болг.
- НБКМ 172* – НБКМ 172, XIV в., серб.
- НБКМ 989* – НБКМ 989, кон. XIII в., серб.
- Сол* – Солунский, НБКМ 556 + 922, кон. XIII в., болг.
- Стр* – Струмишский, ГИМ, Хлуд. 136, перв. пол. XIII в., болг.
- Соф 122* – изборный Октоих, РНБ, Соф. 122, XIII в., русский.
- Тип 72* – Шестоднев служебный; РГАДА, Син. тип. 72, сер. XIV в., русский.
- Тип 73* – Параклитик, РГАДА, Син. тип. 73, сер. XIV в., русский.
- Тип 77* – Шестоднев служебный; РГАДА Син. тип. 77, втор. пол. XIV в., русский.
- Тип 79* – Параклитик, РГАДА, Син. тип. 79, втор. пол. XIV в., русский.
- Тип 80* – Параклитик, РГАДА, Син. тип. 80, кон. XII – нач. XIII в., русский.

новоизводные

- Син 19* – Октоих, № 19 Библиотеки монастыря «Св. Екатерины» на Синае, XIV в., болг.
- Син 20* – Параклитик, № 19 Библиотеки монастыря «Св. Екатерины» на Синае, XIV в., болг.
- Кф* – Килифаревский октоих Библиотеки Митрополии Велика Тырнова, 1492 г., болг.

печатные

ЦСО – Октомнух сръбъх Осмогласникъ. Москва, 1921 г.

Сокращения библиотек

- БАН Библиотека РАН, Санкт-Петербург
- ГИМ Государственный исторический музей, Москва
- НБКМ Национальная библиотека «Св. Кирилл и Мефодий», София
- РГАДА Российский государственный архив древних актов, Москва
- РНБ Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
- ХАНУ Библиотека Хорватской академии наук и искусств, Загреб
- НБС Народная библиотека Сербии, Белград

Литература

- Аргировски 2003 – Аргировски М. Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели. Скопје, 2003.
- Баранов, Марков 2003 – Баранов В., Марков В. Новгородская служебная минея на май XI век (Пуत्याтина минея). Текст. Исследования. Указатели. Ижевск, 2003.
- Бончев 2002 – архим. А. Бончев. Речник на църковнославянския език. Т. 1. А-О. София, 2002.
- Вайер, Миклас 1986 – Вайер Е., Миклас Х. Преводачески похвати в Богословието на Йоан Екзарх в сравнение с по-късни паралелни преводи. – Старобългарска литература. 1986, № 19. С. 29–59.
- Верещагин 1981 – Верещагин Е. Начальный этап формирования философской терминологии в древнеболгарском литературном языке (IX–XI вв.). // Първи международен конгрес по българистика. Доклади. София, 1981. С. 135–138.
- Верещагин 1982 – Верещагин Е. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества. // Вопросы языкознания. 1982, № 6. С. 105–111.
- Верещагин 1988 – Верещагин Е. Терминотворчество Кирилла и Мефодия. // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 91–100.

Гезен 1884 – Гезен А. Очерк истории славянского перевода Символа веры. СПб., 1884.

Дьяченко 2004 – Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 2004 (репринт).

Илиева 2001 – Илиева Т. Ментализацията (осмислянето) при терминообразуването в Йоан-Екзарховия превод на Богословието. // Традиция, приемственост, новаторство. В памет на Петър Динеков. София, 2001. С. 578–588.

Йовчева 1999 – Йовчева М. Новооткрити химнографски произведения на Климент Охридски в Октоиха. // *Palaeobulgarica*. 23. 1999. № 3. С. 3–30.

Йовчева 2004а – Йовчева М. Солунският октоих в контекста на южнославянските октоиси до XIV в. (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 16). София, 2004.

Йовчева 2004а – Йовчева М. Новоизводният славянски Октоих по най-ранния препис в кодексите № 19 и 20 от манастира «Св. Екатерина» в Синай. // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 205–234.

Карабинов 1910 – Карабинов И. Постная триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910.

Пентковский 2004 – Пентковский А. Иерусалимский устав и его славянские переводы в XIV столетии. // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 153–171.

Попов 2004 – Попов Г. Среднобългарският светогорски превод на Триода от първата половина на XIV век. // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 173–184.

Славова 1990 – Славова Т. Някои предварителни наблюдения върху редактирането на евангелския текст в Света гора. // *Palaeobulgarica*, 14. 1990. № 1. С. 72–81.

Славова 2003 – Славова Т. Атонска редакция на старобългарските книги. // Старобългарска литература. Енциклопедичен речник. 2-ро прераб. изд. Велико Търново, 2003. С. 57.

Тасева 2000 – Тасева Л. Езикът на преводача Закхей: между книжовното наследство и формалистичните тенденции на епохата. // *Slavia*. 69. 2000. С. 189–210.

Търновска книжовна школа 1971–2003 – Търновска книжовна школа. Т. 1–7. Велико Търново, София, 1974–2003.

Христова 2001 – Христова И. // Средновековна християнска Европа: Изток и Запад. София, 2002. С. 349–369.

Христова-Шомова 2004 – Христова-Шомова И. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. София, 2004.

Юрченко 1988 – Юрченко А. Изборник 1073 года: интерпретация основных древнерусских терминов. – Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 75–90.

Christians 2001 – Christians D. Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch – griechisch – deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts. (= *Patristica Slavica*. Bd. 8). Wiesbaden, 2001.

MacRobert 1995 – MacRobert C.-M. Problems in the Study of the «Athonite» Redaction of the Psalter in South Slavonic Manuscripts. // Проучавање средновековних јужнословенских рукописа. Зборник радова са III међународне Хиландарске конференције, одржане 28.–30. марта 1989. Београд, 1995. Р. 195–213.

Molnár 1985 – Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavonic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. (= *Slavistische Forschungen* 47). Köln-Wien, 1985.

Trost 1978 – Trost K. Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen. München, 1978.

Voss 1997 – Voss Ch. Die Paränesis Ephraims des Syrers in südslavischen Handschriften des 14.–16. Jahrhunderts. Zur Lexik der altbulgarischen Erstübersetzung und ihrer Überlieferung. (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris XXXVIII*). Freiburg, 1997.

Weiber 1972 – Weiber E. Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen. – Anzeiger für slavische Philologie, 6, 1972, 138–159.

иеромонах Петр (Гайденок П.И.)
Казань

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК
КАК ГАРАНТ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ КИЕВСКОЙ РУСИ
(КОН. X - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XI ВВ.)

Особого внимания заслуживает деятельность Владимира Святославича и Ярослава Мудрого в области «книжного» образования. Необходимо заметить, что никому в домонгольской Руси летописи не присваивают столько заслуг в деле просвещения, как этим великим князьям. «<...> Володимерь землю разора и умягчи, рекше крещениемъ просветивъ. Сий же Ярославъ, сынъ Володимерь, насея книжными словесы в сердца верныхъ людей, а мы пожинаемъ, учение приемлюще книжное»¹. Текст летописи, в своей части касающейся успехов в деле просвещения, едва ли не самый большой по объему, живописный и образный по содержанию панегирик в адрес великих киевских князей домонгольского периода. Несмотря на то, что по справедливому замечанию проф. П.В. Знаменского «Древняя Русь имела у себя лишь элементарное школьное образование»², не стоит его недооценивать на начальном этапе становления русского государства. Как нам видится, обучение в киевских школах проводилось скорее всего на родном, славянском, языке. Едва ли организация училищ³ при Владимире имела целью «создание русских кадров священнослужителей»⁴. Здесь необходимо сразу заметить, что в этот период образовательная политика еще не согласована с нуждами по возвращению национального духовенства. Правда, Никоновская летопись дает понять, что организация обучения имела целью «как наипаче утвердити православную веру»⁵. Однако мы знаем о тенденциозности, которая была свойственна автору этой летописи⁶, а также и близкому по времени Никоновскому своду позднему русскому летописанию второй половины XVI века, расходившемуся с царскими хронографами⁷. Поэтому едва ли можно доверять сообщениям Никоновской летописи

в этой части ее повествования. ПВЛ ясно указывает, что определение священников в новые храмы предшествовало сбору (в редакции автора «ловле») детей лучших людей для книжного обучения⁸. Да и юный возраст учеников никак не давал им право претендовать на священнические места.

Можно вполне согласиться с мнением М.Б. Свердлова о том, что свои отношения с церковью князь Владимир и его потомки строили из «реалий отечественной действительности» «методом проб и ошибок». Однако Владимир Святославич был в отношении еще не с Русской церковью, как пишет М.Б. Свердлов⁹, а с греческой иерархией, которой еще предстояло «обрусье». Именно это непонимание, а, возможно, и явное нежелание считаться с нуждами молодого Киевского государства стало причиной отстраненности первых митрополитов от великокняжеского двора¹⁰. Оформление древнерусской церкви как института происходит только при Ярославе¹¹. Именно в период его единодержавия церковная политика государства трансформируется «в политику культурно-христианского просвещения народа»¹². Своего рода «форпостом» этого стал огражденный крепкой каменной стеной храмовый комплекс св. Софии¹³. Под его сенью были объединены и митрополия, и переводческая школа, и библиотека. К сожалению, необходимо признать, что инициатива и безусловная заслуга в исполнении этого грандиозного по своим масштабам замысла принадлежала не церковной иерархии¹⁴ (указания на её якобы имеющиеся заслуги впервые появились лишь через 500 лет после упоминающихся нами событий), а великому князю¹⁵. Именно с просвещением и созданием национального литературного фонда (на родном языке), основа которого была представлена «в виде церковно-религиозной книжной культуры»¹⁶, связывал летописец успех христианской проповеди¹⁷. Это обстоятельство создавало основу для приобретения славянским языком статуса языка сакрального и вместе с тем государственного. Именно на этом этапе мы можем начинать говорить о зарождении церковнославянского языка, а вместе с ним и нового национально-религиозного самосознания на Руси. Сомнительно, чтобы язычество было способно решить задачи, стоявшие перед новой, но «все рассыпающейся»¹⁸ евро-

пейской русской монархией. Генрик Ловмянский вполне резонно отмечает, что источники не дают прямых указаний на то, чтобы, принимая вопрос о крещении, «князья и знать руководствовались желанием укрепить с помощью церкви государственный аппарат или устранить идеологические различия между отдельными племенами»¹⁹. Однако мы стоим на позиции, что всего вероятней, христианство на Руси было призвано сохранить династические права Рюриковичей, «объединить племена, создать в обществе, еще не связанном экономически, что-то единое для всех племен»²⁰. Как ни странно, преследуя с политической точки зрения консервативные цели, крещение нарушило поступательное развитие событий²¹, ускорив внутренние процессы в государстве. Теперь, трансформируясь в национальную идеологию, христианство по природе своей «нуждалось в значительном письменном фонде»²², способном разрешать не только религиозные и мировоззренческие задачи²³, но и задачи социально-политического характера. Неслучайно летописец называл литературу Киевской Руси «реками напаяющими вселенную»²⁴. Воспользовавшись успехами и опытом Болгарии в деле распространения славянской письменности²⁵, Русь не повторила ее роковых ошибок, среди которых было и то, что греческий продолжительное время оставался придворным языком болгарских правителей. Однако заметим, что «русское христианство» X–XI вв. далеко не тождественно греческому понятию церковности того же периода.

Ярким свидетельством самобытного характера русской школы могут служить результаты раскопок в Новгороде. На основании добытого материала можно сделать вывод, что образование носило явно выраженный национальный по языку и светский по своим целям характер, при котором усваивались главным образом начальные молитвы²⁶. Конечно, значительная часть письменных документов, найденных в городе, принадлежит более позднему периоду (середина и вторая половина XIII века). Тем не менее, учитывая особенности малоподвижности сознания жителей средневековой Руси, мы можем предполагать, что подобная ситуация была и в Киеве XI века. Как бы нам ни казались малозначительными и архаичными приемы и принципы

школьного образования того периода, однако историческая справедливость требует признать, что для своего времени (конца X – первой половины XI вв.) это было несомненное достижение, поражающее воображение не только современников, но и умы последующих поколений. Заметим, что создатель ПВЛ, восхищенный успехами Ярослава, преподобный Нестор Печерский (1113), отстоит от 1037 года более, чем на 70 лет²⁷. Что же касается уровня грамотности тех же новгородцев XII–XIII вв., способных вести взаимную переписку и оформлять различные документы, то он был весьма высок и возник не на голой почве.

Мы склонны сомневаться, чтобы греческая иерархия оказывала великим князьям в этот период существенную помощь в деле просвещения. В древнейших наших летописях высшие иерархи никак не замечены на «ниве» народного просвещения. Да и священство оставляло желать лучшего²⁸. Тем не менее, все авторы ранних сводов в один голос свидетельствуют о заслугах Владимира Святославича и его сына Ярослава. Был ли это откровенный саботаж миссии, или же это являлось следствием неудачного подбора византийского духовенства, отправлявшегося в Киев²⁹, - сказать трудно.

Формирование национального языка богослужения, а в последующем и национальной литературы, разрешавшего затруднения в проведении новой государственно-религиозной доктрины в областях идеологии, политики и экономики, едва ли бы способствовало укреплению дружеских отношений между Русью и Константинополем, известным своим снобизмом в отношении к «варварским» народам. Приселков видел причину разрыва отношений Ярослава и митрополита Феопемпта прежде всего в проблемах историко-культурологических³⁰. Едва ли отсутствие литературных памятников в конце X – первой половине XI в. может быть объяснено только господством в сознании народа «возможностей устной традиции», не ощущавшем «нужду в письменной фиксации» событий³¹. Более вероятна ситуация, при которой греки бы не стремились приобщать Русь к общемировому наследию. Как отмечает Л.П. Найденкова, разделяющая позицию Я.Н. Щапова, обстоятельства таковы, что «культурное и политическое развитие Руси шло иногда без представителей

Константинополя в Киеве, а иногда и вопреки им»³². Необходимо признать, что при всем положительном влиянии греческой культуры греческое влияние в церковных институтах представляло для Руси не меньшую опасность, чем и для Болгарии³³. Поэтому оформление славянского языка не только как языка бытового общения, но и литературного, освящение его новым религиозным духом имело самые серьезные последствия для дальнейших судеб Киевской Руси.

Примечания

¹ ПВЛ С. 194.

² Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001. С. 5.

³ Б.Д. Греков называл эти школы «государственными» (Греков Б.Д. Киевская Русь. – Л.: Издательство политической литературы, 1953. С. 405).

⁴ Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 252.

⁵ ПСРЛ. Т. IX. С. 58.

⁶ Там же С. V.

⁷ Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. Учебное пособие. М., 1997. С. 21.

⁸ ПВЛ С. 162.

⁹ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI - первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 290–291.

¹⁰ Петр (Гайденко), иером. Место русского митрополита в системе церковно-государственных отношений домонгольской Руси (постановка вопроса) // Православный собеседник: Альманах Казанской духовной семинарии. Казань, 2004. Вып. 1(6). С. 146–152.

¹¹ Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 89

¹² Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI - первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 383.

¹³ Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1970. С. 32.

¹⁴ О.М. Рапов, напротив, склонен к версии Татищева о том, что инициатива открытия школ принадлежит митрополиту, однако и он вынужден признать отсутствие таких свидетельств в летописи (Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 253).

¹⁵ ПВЛ С. 194.

¹⁶ Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI – XVII вв. Минск, 2001. С. 33.

¹⁷ ПВЛ С. 194.

¹⁸ Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004. С. 47.

¹⁹ Ловмянский Г. Религия славян и её упадок (VI–XII вв.). СПб., 2003. С. 225.

²⁰ См.: Ермолаев И.П. С. 47 на проблему. Казань, 2004. С. 47.

²¹ Фроянов И.Я. Об историческом значении «Крещения Руси» // Начала Русской истории. Избранное. М., 2001. С. 788.

²² Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков: Учеб. пособие. М., 1990. С.57.

²³ Там же С. 57–58.

²⁴ ПВЛ С.194.

²⁵ Сабев Т. Болгарский вклад в церковно-культурный расцвет Киевской Руси // Тысячелетие крещения Руси: Международная церковно-историческая конференция. Материалы. М., 1988. Кн. 1. С. 77.

²⁶ Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984. С. 12.

²⁷ Творогов О.В. Повесть временных лет Комментарий // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 419.

²⁸ Так, Ярослав вынужден был повелевать священникам «учити людей, и приходити часто к церквамъ» (ПВЛ С. 194). Более чем странное назидание в адрес духовенства. Значит последние не только не учили других, но и сами крайне редко бывали в храмах.

²⁹ В книге Воейкова «Церковь, Русь и Рим», впрочем, без указаний на источник говорится, что Русская митрополия первоначально занимала 70 место в диптихе епархий и митрополий Византии (Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. Джорданвилль, 1983. С. 207). Правда, Герхард

Подскальски указывал 62 место (Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 2001. С. 53). Однако в любом случае ожидать при таком положении дел достойных иерархов и священников из Византии было бы делом неоправданно наивным.

³⁰ Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.. – СПб., 1913.– 414 с.

³¹ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 450.

³² Найденова Л.П. Русская Православная церковь в исследованиях Я.Н. Шапова // Отечественная история. 2003. №2. С.138.

³³ Ф.И. Успенский признавал немалую «заслугу» в распаде и гибели Болгарского царства греческой иерархии // Успенский Ф.И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). – М., 2002. Т. 3. С. 475–478.

Сокращения

ПВЛ	Повесть временных лет
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей

Список источников

Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Том 9. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с.
Повесть временных лет / подготовка текста и комментарии О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. – СПб.: Наука, 1997. С 62–315

Список литературы

Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1983. – 512 с.

Греков Б.Д. Киевская Русь. Л.: Издательств политической литературы, 1953. – 568 с.

Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.

Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 392 с.

Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб.: «Летний сад»; «Коло», 2001. – 800 с.

Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск: Экономпресс, 2001. – 352 с.

Ловмянский Г. Религия славян и её упадок (VI–XII вв.). СПб.: Академический проект, 2003. – 512 с.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.

Найденова Л.П. Русская Православная церковь в исследованиях Я.Н. Шапова // Отечественная история. 2003. №2. С.136–140.

Петр (Гайденко), иером. Место русского митрополита в системе церковно-государственных отношений домонгольской Руси (постановка вопроса) // Православный собеседник: Альманах Казанской духовной семинарии. Казань: изд. Отд. КГЭУ, 2004. Вып. 1(6). С. 136–167.

Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.. С.Пб., 1913. – 414 с.

Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высш. Шк., 1988. – 416 с.

Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. – 240 с.

Сабев Т. Болгарский вклад в церковно-культурный расцвет Киевской Руси // Тысячелетие крещения Руси: Международная церковно-историческая конференция. Материалы. М.: Московская Патриархия, 1988. Кн. 1. С. 70–78.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI - первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. – 736 с.

Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. Учебное пособие. М.: МАЛП, 1997. – 200 с.

Творогов О.В. Повесть временных лет. Комментарий // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. – 413 с.

Толочко П.П. Древний Киев. Киев: Наукова думка, 1970. – 80 с.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). М.: Астрель, АСТ, 2002. Т. 3. – 800 с.

Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. 276 с.

Фроянов И.Я. Об историческом значении «Крещения Руси» // Начала Русской истории. Избранное. М.: Издательский дом «Парад», 2001. С. 763–788.

РОЛЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ*

Святые равноапостольные учителя славянские Кирилл и Мефодий были создателями не только славянской письменности, но и первого письменно-литературного языка славянства. Именно на этот язык (старославянский, русский извод которого известен как церковнославянский язык) были переведены первые Священные книги, созданы первые письменные нормы, включающие в себя элементы разных уровней системы этого языка, в том числе и словообразовательные модели: суффиксальные – с формантами *-ние, -тие, -ость, -ство, -ствие, -тель, -изна* и др., префиксальные – с формантами *из-, прѣ-, прѣдѣ-, чрѣзь-* и др. При переписывании текстов-образцов, а также при переводе новых богословских, богослужебных и других текстов христианского вероучения древнеславянские писатели широко использовали языковые формы (особенно словообразовательные), поняв их как принадлежность определенных жанрово-стилистических разрядов. Таким образом, эти словообразовательные форманты, безусловно, имевшие общеславянские основы, составили арсенал книжно-славянского языка, применявшегося в церковной литературе.

Природа и судьба так называемых старославянских формантов интересовала исследователей, которые отвечали на стоявшие перед ними вопросы с прямо противоположных позиций, хотя основывались при этом на одном и том же языковом материале. Одни ученые (А.А. Шахматов, А.М. Селищев и др.) считали эти форманты старославянскими, поскольку они издревле встречаются в основном в книжно-славянских текстах и в восточнославянских памятниках появляются, несомненно,

под влиянием книжного языка. Достаточно сказать, что их очень мало или они совсем отсутствуют в таких древнерусских памятниках, как «Правда Русская», «Слово о полку Игореве», в новгородских берестяных грамотах и др.

Другие специалисты (С.П. Обнорский и его последователи) считают эти форманты исконно общеславянскими, которые распространялись в каждом славянском языке независимо от старославянского языка. Одним из главных аргументов этих ученых является широкое распространение данных формантов в западнославянских языках, которые испытали наименьшее влияние старославянского языка на их письменность как языка православной славянской книжности.

Однако эти аргументы оказались не столь безупречными, чтобы можно было положить их в основу доказательств. Известно, что чешский и словацкий языки, явившиеся наследниками языка жителей древней Моравии, на земле которых впервые занимались миссионерской деятельностью свв. Кирилл и Мефодий, несут в себе значительное число южнославянизмов. Недавно Б.А. Успенский доказал, что до окончательного отпадения католичества от Вселенской католической церкви старославянский язык был церковным языком и на польской земле.

Таким образом, интересующие нас словообразовательные модели имеют, безусловно, общеславянские основы, но распространялись они в литературных языках славян под значительным влиянием языка старославянского как первого книжного языка всех славян. И в современных славянских языках эти модели характерны для их книжных стилей.

Показательно, что свв. Кирилл и Мефодий, отправляясь к западным славянам в Великую Моравию, перевели Священное Писание на язык, в основу которого они положили язык южных славян (жителей Солуни и прилегающих к этому городу земель). Этот факт имеет большую объяснительную силу для понимания распространения церковнославянского языка на Руси, так как свидетельствует о значительной близости всех славянских языков (или диалектов) в древний период их истории. Поэтому у нас нет оснований сомневаться в справедливости слов Нестора-летописца, говорившего, что славянский и рус-

* Работа выполнена при поддержке Минобразования РФ (проект № Г02-1.6-294)

ский язык были на Руси одним языком. Конечно, по происхождению они были разными языками, в определенной мере различались они и функционально: церковнославянским языком русичи «говорили с Богом», а свой язык использовали в деловой и светско-литературной жизни. Считать, что на Руси было двуязычие или диглоссия у нас нет достаточных оснований: было взаимодействие двух литературно-письменных стихий, которое ярко проявлялось в древнерусских (в том числе и в создававшихся на Руси церковно-книжных) текстах. Важно в этом отношении отметить такой, казалось бы, парадокс: церковнославянский язык развивался в славянских странах по законам местного языка, в частности, на Руси по законам русского языка. Одновременно в русских и славяно-книжных текстах проходило падение редуцированных гласных (в южнославянских языках это произошло значительно раньше), разного рода ассимилятивные и диссимилятивные процессы, смягчение заднеязычных согласных и т.д. Этого почему-то не учитывают сторонники двуязычия и диглоссии.

В последнее время в науке все громче раздаются голоса о значительной роли церковнославянских памятников в изучении истории русского языка. Применительно к словообразованию можно определенно сказать, что начальная история имен на *-тель*, *-ость*, *-ство*, *-ствие*, *-ние* и других подобных формантов в русском и других славянских языках может быть изучена только на основании славяно-книжных текстов. Церковная книжность на Руси, а также в Болгарии, Сербии и других южнославянских странах дает нам образцы языковой градуальности текстов применительно к этим словообразовательным типам. В полном объеме эти модели продуктивны в текстах высокого церковно-поэтического содержания, таких, как церковная гимнаграфия (служебные минеи, триоди, октоихи и др.), высокая христианская проповедь и т.п. Их меньше в повествовательных жанрах (жития святых, патерики, прологи и т.п.). В Древней Руси через славяно-русские тексты великих русских церковных писателей (Илариона Киевского, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, Епифания Премудрого и др.) они попадали

в древнерусский литературный язык, в летописные тексты, в художественную литературу.

Другим путем распространения этих словообразовательных моделей в русском литературном языке были тексты церковно-делового содержания (кормчие книги, мерила праведные, типиконы, синодики и т.п.), в которых наиболее тесно переплетались славяно-книжные и исконно восточнославянские языковые элементы.

Особое внимание при изучении истории словообразования славянских языков и роли церковнославянского языка в процессах словопроизводства следует уделить калькированию греческих лексем. На этом основании возник конфиксальный способ словообразования в славянских языках (производные слова на *bez...ьje*, *сь...ьje* и т.п.). Словообразовательные модели этого типа, заданные в старославянском (церковнославянском) языке, получили свою продуктивность уже в конкретных славянских языках.

Русский литературный язык в своей истории оказался особенно тесно связанным с церковнославянской стихией. Многие словообразовательные модели старославянского характера, широко развившиеся в русском языке, впоследствии стали образцом для развития соответствующих моделей даже в южнославянских языках (болгарском, сербском), которые были прямыми наследниками старославянского языка.

И.П. Климов
Минск

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В РЕЦЕПЦИИ СЛАВЯНСКОЙ РЕФОРМАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Введение

В соприкосновение с давней кирилло-мефодиевской традицией Реформация входила только в тех регионах, куда ещё в до-реформационное время проник католицизм. Это происходило в Северо-Западной Хорватии, Белоруссии и Украине, Закарпатской Руси, находившейся под властью Венгрии. В целом Реформация в землях с кирилло-мефодиевской традицией получила довольно ограниченное распространение, во многом обязанное влиянию соседних католических стран (Словения, Польша, Венгрия), где протестантизм достиг особенного расцвета.

В славянском мире Реформация столкнулась с церковнославянским языком, который с эпохи Моравской миссии употреблялся среди православных славян (а также румын) и отчасти среди католиков (у хорватов-глаголяшей). Реформация активно использовала церковнославянскую традицию прежде всего в целях пропаганды, направленной на православное либо (как среди хорватов-глаголяшей) католическое население. По мнению многих протестантов, эта традиция возникла в глубокой древности (6 в.), а её создателем был Св. бл. Иероним, переводчик Вульгаты. Эти курьёзные взгляды происходят из учёной книжности католического мира.

Церковнославянская версия Св. Писания использовалась протестантами при переводах на народные языки. В одних случаях она служила оригиналом, как для хорватского и белорусского переводов, в других выступала вспомогательным источником, как для некоторых польских и словенских переводов. Это привело к появлению в языках переводов церковнославянских заимствований, вольных или невольных. Церковнославянский язык служил протестантам одним из источников для создания

собственной религиозной терминологии на народных славянских языках. В то же время отношение протестантов к графике и орфографическим конвенциям церковнославянского письма было более самостоятельным.

Переводы

Протестантская доктрина требовала отбрасывать тексты-посредники и пользоваться только оригиналами. В своих изданиях славянские протестанты всегда подчёркивали, что их переводы выполнены с греческих и еврейских оригиналов. Но в большинстве случаев главными источниками для них служили Вульгата и церковнославянский текст, а также европейские переводы на народные языки – прежде всего Лютера и французский перевод. Это объясняется как слабым усвоением эразмианской филологии, так и недостаточным знанием библейских языков. В таких условиях церковнославянская версия служила заменой текста оригинала (прежде всего греческого), более понятной и доступной для многих славянских переводчиков, чем библейские языки.

Издательская и переводческая деятельность хорватских протестантов протекала в эмиграции, в Германии, при поддержке богатых немецких князей и городов. Там увидели свет хорватские переводы Св. Писания, выполненные в основном с немецкого или словенского языков и выходившие разными графиками: глаголицей, кириллицей, латиницей (Урах, 1561–65; Регенбург, 1568). Хорватские переводчики опирались на церковнославянский текст хорватской редакции, который они заимствовали из латинического лекционария по венецианскому изданию Бернардина Спличанина (1495) либо Зборавича (1543), а также из некоторых глаголических источников (Polović 1908; Vučar 1910: 216–221; Murko 1925: 102). К другим версиям (в предисловиях упоминаются немецкие и итальянские источники) в работе над Св. Писанием переводчики обращались тогда, когда им не хватало церковнославянских источников (Polović 1908: 62–71). Кроме церковнославянской версии важным источником для них служила Вульгата. Любопытно, что в начале переводческо-издательской деятельности в Урахе соби-

рались только оптимизировать глаголическую версию церковнославянского Св. Писания (Вицаг 1908: 22–24).

Протестантские переводы Св. Писания на старобелорусский язык немногочисленны и представлены двумя изданиями, вышедшими в Белоруссии (катехизис 1562 г., составленный Сымоном Будным, и Евангелие (ок. 1580 г.), переведённое Василём Тяпинским), и двумя рукописями, созданными на Украине (Евангелие 1581 г., переведённое Валентином Негалевским, и т. н. Креховский Апостол, переведённый в 1560–70-х гг.). Свой перевод Евангелия Василь Тяпинский целиком основал на церковнославянской версии, хотя и с учётом некоторых польских переводов (Анічэнка 1969: 258–259; Клімаў 1997). Более того, в издании Тяпинского церковнославянский оригинал помещён параллельно тексту перевода; источником церковнославянского текста ему послужило одно московское издание (Климов 2001; Климов 2003). В кириллическом издании Будного присутствует большое количество церковнославянских цитат и синонимов, вставленных в авторский текст, написанный на типичном старобелорусском языке (Жураўскі 1967, 188–189; Супрун 1999). Хотя основными оригиналами протестантских рукописных переводов Украины служили польские источники, но в них ощутимо и воздействие церковнославянского текста (Назаревский 1911; Соболевский 1910:198–199, 202–203; Огієнко 1922; Огієнко 1930).

Практически все польские переводчики игнорировали церковнославянскую версию, в т. ч. и те, которые переводили в Белоруссии, что видно по Радзивилловской (Брестской) Библии (Брест, 1563). Только один из них, Симон Будны, издавший свой перевод с различной редакцией в 1570–74 гг. в Несвиже и Лоске, активно использовал церковнославянскую версию для перевода Библии на польский язык (Frick 1989: 111–115; Frick 1994: 327). В максимальной степени церковнославянский текст был учтён им в Библии 1572 г., хотя в своей работе Будный пользовался несколькими библейскими оригиналами – еврейским, греческим, латинским, а также различными славянскими переводами (Merczyng 1913: 43–48, 52, 57–58, 84–85, 89–90, 94; Порецкий 1961: 38–59; Czerniatowicz 1969: 49–53; Altbauer 1966;

Frick 1989: 87 и сл.; Frick 1994: 321 и сл.). Относительно церковнославянской традиции польские протестанты питали иллюзии, полагая, что она избавлена многочисленных (хотя и не всех) недостатков римского обряда (Tazbir 1993: 32). Однако вскоре Будны пришёл к выводу об ошибочности таких представлений и в Новом Завете 1574 г. изгнал церковнославянизмы, введённые ранее в библейский перевод 1572 г. (Pełowski 1978: 332). Библейская филология Будного оказала значительное влияние на других старобелорусских переводчиков (Frick 1989: 115; Frick 1994: 336–339).

Издательская и переводческая деятельность словенских протестантов, как и их хорватских коллег, протекала в основном в эмиграции, в Германии (Тюбинген – Урах, 1550–67, 1574–95; Регенсбург, 1566–67; Виттенберг, 1584–85), хотя в 1575–80 (или 1582) гг. им удалось издание реформационной литературы и у себя на родине, в Любляне (Лайбахе). Главным оригиналом для них служил немецкий язык, а также Вульгата, в редких случаях они привлекали чешскую версию, но церковнославянская ими не использовалась. Только один из словенских протестантов, Себастиан Крель, при переводе своей постиллы пользовался глаголическим переводом хорватских протестантов Конзула и Далматы (Rupel 1962: 133). Ведущий словенский протестантский писатель и переводчик Примож Трубар, некоторое время сотрудничавший с хорватскими переводчиками, отказывался использовать хорватские источники в своей работе (Rupel 1962: 108; Rupel 1966: 80–81; Seitz 1998: 230, 232; Rotar 1984: 77). Тем не менее при переводе он иногда использовал хорватский лекционарий, напечатанный латиницей в Венеции (1495, 1543, 1586).

Язык

Церковнославянское влияние заметно прежде всего в языке переводов, степень этого влияния зависит от установок и стратегий переводчиков. В одних случаях они стремились слиться с существующей церковнославянской традицией либо приблизиться к ней, в других, наоборот, оттолкнуться от неё. К первым переводам относятся хорватские переводы, ко вторым – бело-

русский перевод Тяпинского, польские переводы Будного и словенские переводы. В этом случае степень церковнославянского влияния оказывалась минимальной и проявлялась в синтаксисе и передаче некоторых грамматических явлений, либо в использовании церковнославянских цитат, как в кириллическом катехизисе Будного.

В языке большинства хорватских переводов церковнославянские черты смешиваются с диалектными, прежде всего чакавскими элементами: *prilika, kruh, čovik, čekati, zlamenje, pripovidanec / pripovédovac*. Слова и формы выступают у них то в церковнославянском, то в хорватском облике: *slnce – sunce, plk – puk, u tlmáčeňu tumačenie istomačena, čto ča što, Jakov – Ekač, ħidovski – ħud(ja), mitari očitnici, daħe – dari*. Синтаксис библейских переводов сохраняет свой книжный характер, в т.ч. и Dativus absolutus (Fancev 1916: 168–177). При этом в кириллических и глаголических изданиях степень церковнославянского влияния выше, чем в латинических, что обусловлено графикой. Фактически, у протестантских переводчиков выступает смешанный хорватско-церковнославянский язык. Это обусловлено влиянием отечественной литературно-языковой традиции, которая развивалась под сильным церковнославянским воздействием (Murko 1925: 75).

В переводе Тяпинского, как и в рукописных переводах, происходящих с Украины, наблюдается противоположная картина: количество церковнославянизмов сведено к минимуму (Жураўскі 1967: 204 и сл.), хотя в старобелорусской письменности того времени они были не редки (Martel 1938: 38–44; Жураўскі 1967: 34, 58–59, 79–82). Тем не менее и в них сохраняется Dativus absolutus, хотя чаще всего неправильно (причастие заменяется деепричастием, см.: Жураўскі 1967: 212, 214).

При переводе библейских текстов Сымон Будны буквально следовал своим оригиналам и перенимал их стилистические, грамматические и синтаксические структуры. Наиболее заметными из них являются: а) тавтологические конструкции, типичные для древнееврейского языка: *idąc idzmy, kupuiąc kupię, rzekąc rzeziesz, miercią umresz, nienawidzieć nienawi cią, budowanie*

budowali, świątynia świątyń, dzień w dzień ‘ежедневно’, *rok od roku* ‘ежегодно’, *ręka do ręki*; б) инфинитивные конструкции, свойственные греческому языку: *nie powiedaj nikogo być błogim, żywot jego mniłali być szalony, który się mienił być ofiarownikiem, który mowią nie być powstania, domniłali się ducha widzieć*; в) абсолютные конструкции типа Accusativus duplex: *mowili go być Boga*; г) конструкции с причастием при глаголе: *był lud czekając, był uczący ich, rzekł mowiąc* (Moszyński 1994: 363 371, 387 388, 398 402). Однако эти же конструкции встречаются и в церковнославянском переводе, а спорадическое появление у Будного Dativus absolutus позволяет подозревать, что многие из таких конструкций он сохранил в польском переводе под влиянием как раз церковнославянского текста.

Минимально было церковнославянское воздействие на словенские переводы, копирующие немецкие оригиналы. Только у Себастьяна Креля синтаксис его переводов приближается к церковнославянским образцам (Orožen 1987: 25–26, 30–37).

Орфография

Глаголические и кириллические издания славянских протестантов отражают нормы местной традиции, которая издавна находилась под церковнославянским влиянием. Многие из таких норм были архаичны и нестабильны, и издатели стремились их модернизировать или унифицировать, нередко следуя образцам чужого письма.

Глаголические и кириллические издания Ураха сохраняли такие особенности церковной письменности, как *pořina sacra* и использование букв в цифровом значении (числовое значение кириллических букв ошибочно было приравнено к значению глаголических, но к 1563 г. эта ошибка была в целом устранена). Также влиянием церковнославянских источников было обусловлено сохранение слогаобразующего *l*: *plk, dlę, młčali*, хотя рядом встречается *puk, dug, mičali*, но в латиническом издании 1568 г. вокальные *r, l* передаются как *ar, al* (Fancev 1916: 41–47; Jembrih 1993: 31). Хорватские издатели используют удвоение графем (например, *nn* в глаголических изданиях) или надстрочные знаки над графемами для обозначения мягких со-

гласных фонем *lj*, *nj*, а также гласного *й* (Fancev 1916: 15; Jembrih 1993: 31).

До конца не ясен вопрос о первом издании, с которого набирались следующие хорватские издания иной графикой (Murko 1925: 76–77 и сн. 1). В основном кириллические издания представляли собой транслитерацию глаголических, не всегда точную и правильную. Так, не совпадают надстрочные знаки и постановка *ь*, буква *ч* ошибочно ставится на место глаголических графем *щ* или *ћ*, а *ш* на место *ж*, в некоторых заимствованиях глаголическая графема *s* передаётся в кириллице как *ш* (*biskup* – *бишкуп*), отличаются отдельные грамматические формы, встречаются даже пропуски слов или строк, механические ошибки (Murko 1925: 77–79, 89–90; Rupel 1930: 542–549). Кириллическая орфография хорватских изданий более архаичная, чем глаголическая за счёт широкого употребления *ь*, использования *ω* вместо *о*, сохранения слогообразующего *l* и сочетаний согласных типа *праздникъ* (Fancev 1916: 12, 14–15, 43; Murko 1925: 89; Иванова 1992: 23).

В кириллических изданиях Будного и Тяпинского проблема дублетов и лишних графем, которые достались в наследство от церковнославянского письма, решалась двумя путями: а) дистрибуция (хотя и непоследовательная) отдельных дублетов и б) удаление лишних букв (в т.ч. в грецизмах) либо употребление их в только в цифровом значении (Клімаў 1999). У Будного ещё сохраняются *nomina sacra*, но Тяпинский уже стремится к их ликвидации. Церковнославянский текст в своём издании-диглотте Тяпинский издал по нормам старобелорусской письменности.

Графика и стилистика шрифта

Выбор графики и стилистики шрифта в эпоху Реформации был выбором этнокультурной и конфессиональной ориентации, поскольку люди того времени воспринимали письменность по внешнему виду её графики. В христианском мире графика письменности на народном языке предопределялась тем письмом, в котором существовал религиозный ритуал. Но для протестантов прежняя письменная традиция, связанная с ортодоксией,

была не совсем приемлема. Они желали порвать с этой традицией и положить начало новой. Тем не менее, полностью проигнорировать прежнюю традицию они не могли, иначе это грозило отрывом от потенциальной аудитории. Поэтому в большинстве случаев славянские протестанты использовали традиционную графику, только изменяя её стилистику.

Для польских, словенских и, в общем, белорусских, как и украинских протестантов альтернативы в выборе графики своих изданий не было (хотя словенец Крель симпатизировал кириллице, см.: Kidrič 1938: 82; Rigler 1968a: 117, сн. 2, 219). Графика их произведений была предопределена всем предшествующим развитием местной письменности на народном языке.

Однако ситуация для хорватских протестантов была гораздо более сложная. В Далмации, Боснии и Герцоговине, где западный ритуал встречался с восточным, соотношения график были более сложными: здесь употреблялись кириллица и латиница, а также глаголица (Ивић 2001: 131–135; Prohaska 1911: 11, 15–16; Hercigonja 1991: 82–83). На кириллице также выходила богатая церковнославянская литература в Сербии, Боснии и Валахии. Кроме того, кириллицу и глаголицу приносили в 16 в. в окрестности Загреба и на словено-хорватское пограничье (и далее, в Штирию, в Горицу и Триест) беженцы-переселенцы из-под турецкой неволи.

Основным своим шрифтом хорватские протестанты избрали глаголицу, на ней вышло более всего (13) книг в Урахе (Vorndran 1976), хотя с 16 в. начинается упадок глаголизма (Hercigonja 1991: 57, 81–86). Хотя глаголица считалась в католическом мире полностью правоверной графикой (её создание приписывалось Св. бл. Иерониму), но время от времени отдельные католические прелаты с подозрением глядели на необычное письмо, нарушавшее единство западного мира. Наверное, поэтому Реформация отдала преимущество глаголице. Хорватское письмо и язык в сознании того времени были связаны с глаголицей (Hafner 1971: 373–375).

В Урахе хорватские издания также выходили кириллицей (7) и латиницей (6), но показательно, что Св. Писание латинским шрифтом так и не было издано. Кириллица уражских

изданий, близкая к босанской графике, отличалась от сербской кириллицы рисунком и значением некоторых букв. Это босанское письмо стихийно сложилось в Боснии и представляет собой только курсивный вариант (скоропись) сербского письма, но в 16 в. именно этот вариант называли сербским письмом (Prohaska 1911: 12–14).

Белорусские протестанты отказались от церковнославянского шрифта и взяли себе за образец шрифт изданий Франциска Скорины начала 16 ст. (Грушевський 1912: 54, 56; Клімаў 1994б), который восходит к венецианской кириллице (в босанской версии), выполненной в стиле антиквы. Этим шрифтом в 16 ст. в Венеции печатались католические издания для Боснии и Далмации, именно они и служили образцом не только Скорине, но и для хорватских протестантов. В своём предисловии к кириллическим изданиям хорватские переводчики писали, что они придерживались первых сербских изданий в Венеции, хоть кириллические шрифты их типографии немного отличались и от сербских, и от венецианских шрифтов (Plavčić 1962: 252). Кроме того, образцом при создании кириллических шрифтов для них служили также шрифты Скорины (Stčkl 1940: 224–225), поэтому урахские издания близки белорусским по шрифту (Лабынцэў 1990: 176).

Религиозная терминология

Появление в христианском мире новой религиозной доктрины и практики привело к созданию новой религиозной терминологии. Этот процесс шёл в языках всех протестантских общин несколькими путями: а) создание новых слов, б) изменение семантики прежних терминов, в) устранение либо избегание прежних терминов, которые конфликтовали с идеями Реформации или чья этимология казалась неудачной (Gyrski 1962: 233–235, 269; Novak 1986). Но вместе с тем сохранялась значительная часть прежней терминологии.

У словенских протестантов сохранился ряд древних терминов, известных ещё по старославянским Фрейзингским отрывкам: *gospod*, *sin*, *milost*, *zlo*, *greh*, *duh*, *blago*, *vernik*, *močenik*, *kriř*, *sveti prerok* / *prorok*, *kajati se*, *iskubati*, *sodni den*, *sluřabnik bořij*.

У Креля этот круг расширился за счёт отдельных церковнославянизмов: *vreme*, *slovo*. Некоторые из таких терминов воспринимались как архаизмы, в реформационных изданиях они имели более новые варианты книжного или чаще разговорного происхождения, нередко заимствованные из немецкого, реже романских языков (Novak 1986, 391–399; Oroћen 1986, 405–414): *řivot* – *leben* – *řivljenje*, *sel* – *angel* – *krilatec*, *joger* – *mlajři* – *apostol*, *milost* – *gnado*, *ofrovati* – *darovati*, *řenkinga* – *dar*, *narod* – *folk*, *farstvo* – *jerejstvo*, *gloria* – *čast*, *zlodej hudič*, *devica jungfrava dečla* – *deklica*, *nuc* – *prid* – *řpiřa*, *porodni greh* – *erbnj greh*.

У хорватских протестантских переводчиков в употреблении оставалась древняя терминология глаголических и латинических лексиконов: *bog*, *blag(oslovljen)*, *gospod*, *otac*, *sin*, *duh*, *nebo*, *grih*, *tilo*, *řvet* / *řvit*, *mučitel*, *moliti (se)*, *krst(iti se)*, *radi ovoga*, *řivot veči*, *sveti prorok*, *glas variuči*, в т. ч. и древние заимствования: *anjel* / *angel*, *djeval* / *djaval*, *evangelje* / *evanoelje*, *řidovski* / *řudejski* / *judejski*, *sinagoga*, *subota*, *crikve*, *pop*. Но рядом с ними выступают и более новые варианты чакавского, реже штакавского происхождения: *objed* – *sitost*, *plah* – *div*, *zlamenje* – *glasilo*, *porok* – *madeř*, *řenitva* – *brak*, *naslidnik* – *odlek*, нередки и неславянские заимствования (романские, реже германские): *biskup*, *eksempli*, *artikili*, *řtampa(ti)*, *řigur(an)*, *plac*, *řridiga(r)*, *tařka*, *ura*, *testament*, *kamel*, *ofar*, *ofrati*, *kraljevstvo bořje* (Fancev 1916: 138–168; Jembriћ 1993: 32).

Польские протестанты стремились решительно порвать с прежней религиозной терминологией и активно создавали собственную. Новые варианты представляли собой книжные новообразования, реже заимствования из иностранных языков, в т.ч. и церковнославянского. Термин *kořciol* ‘сообщество верующих’ заменялся на *zbor*, *zebranie*, *zgrupowanie*, *cerkiew* / *cyrkiew*, *gromada bořa*, *pospolitowanie*, *pospolstwo*, *obcowanie*; термин *ksiadz* заменялся на *minister*, *minister zboru*, *pastor*, *pop*; термин *biskup* – на *superintendent* (для более низких степеней – на *senior*, *prezbiter*). Вместо прежнего термина *kapłan* Лаврентий Крышковский ввёл новообразование *ofiarownik*, а Симон Будны предложил церковнославянизм *ř(y)rec*, *řerecki*. Термины для таинств, в большинстве случаев отсутствующих в протестантизме, были

заменены новообразованиями: *pokuta* – *upamiętanie się*, *(po)kajanie się*, *uznaie*; *eucharistia* – *wieczera Pańska*, анабаптисты и антиринитарики заменяли *chrzest / krzest* на *ponurzenie / zanurzenie*, *omycie* (Gyrski 1962: 239–240, 243–265; Czerniatowicz 1969: 52; Rospond 1985: 110; Szymczak 1987: 53–54). Вместе с тем много прежних терминов оставалось в употреблении: *evangelia*, *antihrist(a)*, *apostol* (хотя было предложено *posłaniec*), *grzech*, *duch*, *syn*, *wiara*, *święty*.

В старобелорусском языке до прихода Реформации существовала церковнославянская конфессиональная терминология, в которой видное место занимали грецизмы. Однако с 14 в. из польского и латинского языков начинает проникать и католическая терминология, состоявшая в основном из полонизмов и латинизмов. В результате, в религиозной сфере в 16 в. образовалось много семантических параллелизмов (Клімаў 1994а: 27–28): *господь* – *пань*, *церковь* – *костель*, *поп* – *ксен(д)зь*, *епископ* – *бискупъ*, *крест* – *крижъ*, *идол* – *болванъ*, *таин(-а, ство)* – *сакра(ментъ)*, *мзда* – *заплата*, *плоть* – *тело*, *завет* – *тестаментъ*, *монастырь* – *кляшторъ*, *проповедь* – *казань*, *с(о)боръ* – *синодъ*. Такой параллелизм присутствует и в языке белорусских и украинских переводов, где сосуществуют два пласта – церковнославянский и польский (Супрун 1999: 15–17, Жураўскі 1967: 196–199; Огієнко 1930): *господь* – *пань*, *милость* – *ласка*, *жертва* – *офяра*, *покои* – *миръ*, *совесть* – *сумненье*, *спаситель* – *збавитель*, *уповати* – *уфати*. В переводах Тяпинского и Негалевского наблюдается осознанное стремление создать единую терминологию путём замены церковнославянизмов полонизмами либо книжными новообразованиями по продуктивным моделям: *архиереи* – *переднейший оферовник*, *благоволение* – *уподобание*, *возлюбити* – *умиловать*, *господь* – *пань*, *лукавый* – *злый*, *мир* – *свет*, *синагога* – *згромаженье*, *соблазн* – *згоршенье*, *царствие* – *королевство*, *прелюбы творити* – *чужоложить* (Клімаў 1997). Вместе с тем сохраняется и часть прежней терминологии: *ангелъ*, *д(ь)яволь*, *небо*, *богъ*, *духъ*, *сынъ*, *грехъ*, *крестъ*, *отець*, *светый*.

Именник

Обычно без изменений сохранялся в литературе славянских протестантов именник, хотя в нём иногда ощущается влияние иноязычных традиций либо народной речи. У белорусских и украинских протестантов именник одинаков с церковнославянским: *Аврам*, *Иосия*, *Иоанъ*, *Исаия*, *Иосифъ*, *Матфей*, *Петръ*, *Яковъ*, хотя изредка в нём попадаются полонизмы (*Тобіяшъ*, *Емануель*, *Рахель*) и восточнославянские формы (*Еремеи*, *Василей*). Также у хорватских протестантов выступает без существенных изменений именник хорватских лекционариев, близкий к церковнославянскому: *Isus*, *Isk(a)rst*, *Osip*, *Jakov* / *Ekav*, *Ilija* / *Elija*, *Isaia* / *Ezaija*, *Ivan*, *Irud*, *Petar*, *Moisej*, *Juna* / *Jona*, *Iude*, хотя некоторые редко употребляемые имена заимствуются из Вульгаты: *Abias* (хотя *Avija*), *Osias* (хотя *Josija*), см.: Fancev 1916: 166–167.

Текстология

Некоторые протестанты провели весьма глубокие даже по меркам современной науки текстологические исследования церковнославянского перевода Св. Писания. Они сравнивали между собой различные редакции этого перевода или сопоставляли его с греческим оригиналом и латинской версией. Результаты таких исследований были отражены ими в изданиях в виде маргиналий и глосс или непосредственно в самом тексте. Примерами могут служить Евангелие Тяпинского и библейские переводы Будного на польский язык. Тяпинский собрал и поместил в маргиналиях своего издания уникальные сведения о ранних церковнославянских редакциях Евангелия. Будный с помощью церковнославянской версии пытался улучшить чтения Св. Писания и достичь достоверного и внутренне непротиворечивого текста. Текстология в случае Тяпинского служила важным подспорьем в религиозной пропаганде, поскольку позволяла наглядно показать изменчивость и нестабильность текста Св. Писания во времени. В случае Будного впервые признавалась значимость церковнославянской традиции для библейской текстологии.

Заклучение

Несмотря на то, что протестантизм вышел из западной церкви, в славянских странах он активно использовал церковнославянскую традицию. Рецепция церковнославянского языка в группах славянских протестантов была достаточно глубока, хотя и прагматична. Она отражает высокий престиж этого языка как носителя древней традиции и как культового языка православного мира, а также католической хорватско-славянской общины. Но при таком внимании к церковнославянскому языку ни одна группа протестантов не использовала этот язык для ведения религиозной пропаганды. Причиной этого парадоксального факта может быть как недостаточное владение языком для продуцирования на нём текстов, так и специфический статус церковнославянского в языковой ситуации 16 века.

Литература

Анічэнка 1969 – Анічэнка У.В. Беларуская-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі. Мінск, 1969.

Грушевський 1912 – Грушевський М. Культурно-національний рух на Україні в XVI–XVII віці. Київ; Львів, 1912.

Жураўскі 1967 – Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. 1. Мінск, 1967.

Иванова 1992 – Иванова Н. Реформация в истории литературного языка южных и восточных славян // Белорусско-болгарские языковые паралели. Минск, 1992. С. 19–28.

Ивић 2001 – Ивић П. Српски народ и његов језик. Сремски Карловци; Нови Сад, 2001.

Клімаў 1994а – Клімаў І. П. Польскамоўны кампанент у «Прадмове Васіля Цяпінскага» // Веснік БДУ: Серыя 4. 1994. № 1. С. 25–28.

Клімаў 1994б – Клімаў І. П. Скарынінскі тып шрыфту // Беларуская лінгвістыка. 1994. Вып. 44. С. 42–46.

Клімаў 1997 – Клімаў І. П. Пераклад Евангелля В. Цяпінскім // Беларуская лінгвістыка. 1997. Вып. 47. С. 54–60.

Клімаў 1999 – Клімаў І. Фармаванне старабеларускай арфаграфіі ў першадрукаваных тэкстах // Belarusistyka = Беларусістыка: Die wissenschaftliche Zeitschrift für aktuelle Fragen des weißrussischen Sprache. Berlin, 1999. S. 139–147.

Климов 2001 – Климов Игорь. Изучение текстологии церковнославянского Евангелия: отношения между изданиями XVI в., печатанными в Москве и на Беларуси // Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира: К 500-летию Геннадиевской Библии; Сборник материалов международной конференции, Москва, 21–26 сентября 1999 г. Москва, [2001]. С. 181–199.

Климов 2003 – Климов И. П. Московский оригинал церковнославянского текста в старобелорусском «Евангелии Тяпинского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2002–2003; Сборник статей. Москва, 2003. С. 372–388.

Лабынцаў 1990 – Лабынцаў Ю. Пачатак Скарынам: Беларуская друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу. Мінск, 1990.

Назаревский 1911 – Назаревский А. А. Язык Евангелия 1581 г. в переводе В. Негалевского. Киев, 1911.

Огієнко 1922 – Огієнко І. Новий завіт в перекладі на українську мову Валентина Негалевського 1581 року. Тарнів, 1922.

Огієнко 1930 – Огієнко І. Українська літературна мова XVI ст. і Крехівський апостол 1560-х рр. Варшава, 1930. Т. 1–2.

Порецкий 1961 – Порецкий Я. И. Симон Будный – передовой белорусский мыслитель XVI века. Минск, 1961.

Соболевский 1910 – Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. С.-Петербург, 1910.

Супрун 1999 – Супрун А. Е. Мова Катэхізіса 1562 г.: Паміж Slavia Orthodoxa і Slavia Latina // Belarusistyka = Беларусістыка: Die wissenschaftliche Zeitschrift für aktuelle Fragen des weißrussischen Sprache. Berlin, 1999. S. 14–23.

Altbauer 1966 – Altbauer M. O technice prekladovej Szymona Budnego // *Studia językoznawcze, poświęcone profesorowi doktorowi Stanisławowi Rospondowi*. Wrocław, 1966. S. 85–96.

Bučar 1908 – Bučar F. Однољаји Primoža Trubarara prama hrvatskoj tiskari u Würtemberlkoj // *Trubarjev zbornik / Ured. F. Peľič*. V Ljubljani, 1908. S. 21–44.

Bučar 1910 – Bučar F. Povijest hrvatske protestantske književnosti za Reformacije. U Zagrebu, 1910.

Czerniatowicz 1969 – Czerniatowicz J. Niektore problemy naukowe greckistyki w pracach biblistow polskich XVI i XVII w.: Teksty greckie a polskie przekłady. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1969.

Fancev 1916 – Fancev F. Jezik hrvatskih protestantskih pisaca XVI. vijeka: Prilog historičkoj gramatici jezika hrvatskoga ili srpskoga. U Zagrebu, 1916.

Frick 1989 – Frick D. A. Polish sacred philology in the Reformation and the Counter-Reformation: Chapters in the history of the controversies (1551–1632). Berkeley, 1989.

Frick 1994 – Frick D. The biblical philology of Szymon Budny: Between East and West // *Budny S. Biblia, to jest Księgi Starego i Nowego Przymierza*. Nieśwież; Zasław, 1571 1572 / Hrgb. H. Rothe, F. Scholz. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1994. Bd. 2. S. 309–349.

Gyrski 1962 – Gyrski K. Zagadnienie słownictwa Reformacji polskiej // *Odrodzenie w Polsce*. 1962. T. 3: Historia języka. Cz. 2. S. 233 270.

Hafner 1971 – Hafner S. Die slowenische Reformation und der Glagolismus // *Slovo*. 1971. № 21. S. 365–376.

Hercigonja 1991 – Hercigonja E. Glagoljaštvo u društvenom ivotu i kulturi hrvata od IX. do XVII. stoljeća // *Ricerche slavistiche*. 1991. Vol. 38. S. 53–90.

Jembrih 1993 – Jembrih A. Postilla iz 1568. za gradišćanske hrvate // *Dalmatin A., Konzul A.: Postilla 1568. Ratisbona, 1568 [facsim. izd.]* Pazin, 1993. S. 18–37, 50–59.

Kidrič 1938 – Kidrič F. Zgodovina slovenskega slovstva od začetkov do Zoisove smrti: Razvoj obseg in cena pismenstva književnosti in literature. V Ljubljani, 1929–1938.

Martel 1938 – Martel A. La langue polonaise dans les pays ruthines: Ukraine et Russia Blanche; 1569–1667. Lille, 1938.

Merczyng 1913 – Merczyng H. Szymon Budny jako krytyk tekstow biblijnych. Krakow, 1913.

Moszyński 1994 – Moszyński L. Zur Sprache der Bibelübersetzung Szymon Budnys von 1572 // *Budny S. Biblia, to jest Księgi Starego i Nowego Przymierza*. Nieśwież; Zasław, 1571 1572 / Hrgb. H. Rothe, F. Scholz. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1994. Bd. 2. S. 354–415.

Murko 1925 – Murko M. Nekoliko reči o jeziku srpsko-hrvatskih protestantskih knjiga // *Даничићев зборник*. Београд; Љубљана, 1925. С. 72–106.

Novak 1986 – Novak F. Razvojne tendence v besedišču slovenskih protestantskih piscev // 16. Stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi: Mednarodni simpozij v Ljubljani od 27. do 29. junija 1984. Ljubljana, 1986. S. 389–402.

Orožen 1986 – Orožen M. Pomenska i stilistična izraba «Registra» v sobesedilu Dalmatinove Biblije // 16. Stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi: Mednarodni simpozij v Ljubljani od 27. do 29. junija 1984. Ljubljana, 1986. S. 403–425.

Orožen 1987 – Orožen M. Kreljev jezikovni koncept // XXIII. seminar slovenskega jezika, literature in kulture: 6–18. julij 1987; Zbornik predavanj. Ljubljana, 1987. S. 19–40.

Peplowski 1978 – Peplowski F. Zmiany jezykowo-stylistyczne w «Nowym Testamencie» Szymona Budnego z 1574 r. // *Tekst; Język; Poetyka: Zbior studiow*. Wrocław, 1978. S. 319–342.

Plavšić 1962 – Plavšić L. Das Drucken kyrillischer Bücher in Urach (Tübingen) während des siebenten Jahrzehnts im 16. Jahrhundert // *Gutenberg-Jahrbuch*: 1962. Mainz, 1962. S. 251–255.

Polović 1908 – Polović I. Evangelij sv. Matevža v protestantskem glagolskem «Prvem delu Novoga Testamenta» iz l. 1562. // *Trubarjev zbornik / Ured. F. Peľič*. V Ljubljani, 1908. S. 56–73.

Prohaska 1911 – Prohaska D. Das kroatisch-serbische Schrifttum in Bosnien und der Herzegowina: Von den Anfängen im XI. bis zur nationalen Wiedergeburt im XIX. Jahrhundert. Zagreb, 1911.

Rigler 1968 – Rigler J. Začetki slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1968.

Rospond 1985 – Rospond S. Kościół w dziejach języka polskiego. Wrocław etc, 1985.

Rotar 1984 – Rotar J. Delo Primoža Trubarja za glagolsko in cirilsko knjigo // Protestantismus bei den Slowenen = Protestantizem pri Slovencih: Beiträge zur 3. Slavistentagung der Universitäten Klagenfurt und Ljubljana; Klagenfurt, 26.–28. Mai 1983. Wien; Ljubljana, 1984. S. 57–88.

Rupel 1930 – Rupel M. Glagolski in cirilski Artikuli in njih razmerje do Trubarjevih // Slavia. 1929 1930. Roč. 8. S. 271 288, 526 550.

Rupel 1962 – Rupel M. Primož Trubar: Življenje in delo. Ljubljana, 1962.

Rupel 1966 – Rupel M. Slovenski protestantski pisci. [2-a dop. izd.] Ljubljana, 1966.

Seitz 1998 – Seitz E. Primus Truber - Schöpfer der slovenischen Schriftsprache?: Versuch einer Antwort unter besonderer Berücksichtigung seines Satzbaus. München, 1998.

Szymczak 1987 – Szymczak M. Protestantism and the development of the Polish language // Полата књигописњая. 1987. № 16. Part. 2: Supplement. P. 48–55.

Stökl 1940 – Stökl G. Die deutsch-slavishe Südostgrenze des Reiches im 16. Jahrhundert: Ein Beitrag zu ihrer Geschichte dargestellt an Hand des südslavischen Reformationsschrifttums. Breslau, 1940.

Tazbir 1993 – Tazbir J. Reformacja w Polsce: Szkice o ludziach i doktrynie. Warszawa, 1993.

Vorndran 1976 – Vorndran R. Kurzer Überblick über die Drucke der Südslavischen Bibelanstalt in Urach // Gutenberg-Jahrbuch'1976. Mainz, 1976. S. 291–297.

Д.Г. Демидов
Санкт-Петербург

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ В УСВОЕНИИ СЛАВЯНСКОГО ФОРМО- И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Вопрос о месте, способах и задачах преподавания исторических чередований вновь и вновь встает на повестке дня, поскольку его не обойти при практическом наиболее точном и полном усвоении правил славянской грамматики. Как расширение русской грамматики она неизбежно глубже членит слово на морфемы и актуализирует изменения на их стыках. Занятия славянской грамматикой возвращают доверие к традиционным описаниям исходя из слово- и формообразования, а не фонологии или морфемики.

1

Нет никакой необходимости специально описывать церковнославянскую морфонологию, поскольку все чередования и их условия хорошо известны. Ее гораздо легче выстраивать, чем русскую, поскольку отсутствует неконтролируемое стихийное словотворчество, особое словообразование с непрямыми задачами, например, многочисленные и очень трудные для морфонологического описания модели образования уменьшительно-ласкательных слов. В языке церковных книг степень фразеологизации в процессе словообразования минимальна, степень аналитизма ниже, фузия представлена хуже, зато морфемная членимость намного выше, чем в обиходной речи, внутренняя форма слова сохраняется лучше, функциональная нагрузка морфем выше, грамматическая система реализуется регулярнее, способность к транспозиции выше, линейная грамматика с развитыми обязательными согласованиями используется полнее (использованы параметры, выделенные Е.А.Земской).

Практика церковной печати смелее использует грамматико-символическую разновидность морфологического принципа орфографии. Так, в некоторых изданиях даже слова *обитель* и *оружие* пишутся через омегу, обозначая приставку и, соответственно, чередование В//ноль звука в начале корня. Именно

церковнославянская орфография приводит к тому отрадному факту, что непозиционные грамматические чередования, наподобие *сух - сушь, зелен - зелень, удар - ударь*, фактически отсутствуют в церковнославянском, поскольку хотя бы графически окончание всегда выражается и позиция так или иначе обнаруживается. Иногда к историческим чередованиям подталкивает именно такой посторонний повод, как орфография. Так, чтобы усвоить правописание корневых ятей, необходимо быстро и точно выделять и отождествлять корни с ятем, напр., -вѣт- с чередованиям В//ноль звука и Т//Щ//С; -вѣ- в словах *вѣтьвь, вѣяти*; рѣ- в словах *рѣка, рѣяти*; -вѣд- с чередованием Д//ноль звука//С, в отличие от -вед- с чередованиями Е//О, Д//ЖД//Ж//ноль звука.

Выделение в слове мельчайших значимых единиц и наблюдение за их варьированием непременно связано с происхождением слов и их родственными отношениями. Никакие синхронные ассоциации в духе квадратов Гринберга или подмены отношений словопроизводства мотивационными отношениями не могут поколебать исторических предпосылок. Всякое сопоставление слов с тождественными морфемами имеет в качестве своего основания генетическое родство, то есть общее происхождение. Тождество морфемы по функции и по форме выводится только из единого происхождения. Так, слова *говядина* и *буженина* сопоставляются с *кожиной* и *осетриной*, но не с *ангиной*, *картиной* и *сардиной*, т.к. единство происхождения суффикса -ин- в исконных словах берется как **данное**, как результат этимологических разысканий. Случаи вторичного сближения и исторического отождествления морфем в говорящем сообществе оставляют свои следы и рассматриваются особо, напр. *ширьни* - *ширина*. Само понятие морфемы было открыто в науке именно как результат этимологических разысканий, и перенос этого понятия в синхронное языкознание всегда связан с молчаливым, но обязательным выполнением условия единства происхождения части слова: исследователь сопоставляет слова, **уже** будучи убежденным в их родстве. Ограничения в сопоставлениях связаны только с неведением до возможного конца эти-

мологического анализа. Сопоставляя словоформы *рука - руцѣ* или слова *рука - вручити*, мы **уже** начинаем этимологический анализ.

Церковные книги дают больше материала для синонимии морфем. Так, окончания Р.п. мн.ч. -ов и -ей не находятся в отношении дополнительного распределения: -ов известно не только для твердых основ, -ей - не только для мягких. Основы на нынешние твердые шипящие дают -ей (*карандашей*), основы на мягкий j, наоборот, дают *остриев, сараев*. Известен и третий, бывший мягкий вариант «твердого» окончания -ов (*оконцев, пальцев*), причем в церковнославянском в сильной позиции под ударением: *отцевъ*. Все это препятствует объединению окончаний -ов и -ей в единую морфему. Но даже если бы морфематическое отношение дополнительного распределения и имело место, данные единицы не стали бы алломорфами, поскольку не содержат, по выражению Бодуэна де Куртенэ, общих прафонем и фонемы в них не чередуются друг с другом. В окончании -ов (-ев) возникает истинное историческое чередование О//Е на месте прафонемы О, а в окончании -ей (-ий) - историческое чередование Е//И на месте редуцированной прафонемы Ъ, причем вторые варианты являются славянскими.

К сожалению, лучшей и непревзойденной классификацией чередований остается бодуэновская. Происходит это потому, что на выдвинутые Бодуэном принципы почтительно ссылаются, но они, за редким исключением, не кладутся в основу новейших практических разработок. По Бодуэну, любая альтернатива - это «различие соответствующих друг другу фонетических точек или частей **этимологически** (выделено мною - Д.Д.) родственных морфем» (С.273). Так случилось, что пока единственным из наших современников, кто сделал правильный вывод из этого положения, является доц. М.Б. Попов. Он утверждает, что никаких, кроме исторических (в самом тесном содержательном смысле этого слова), межфонемных чередований не существует. Особенно важно это понять в школьной грамматике: «Итак, если в душе говорящего индивида образовалась прочная связь, прочная ассоциация между отношением фонетической структуры подобных слов и отношением их смысловых

оттенков, то традиционная альтернатива *eo ipso* (тем самым - Д.Д.) превращается в корреляцию, и данный индивид обогащает тем самым запас своих психофонетических средств, служащих для выражения морфологических и семасиологических оттенков» (Бодуэн..., С.330). Фактически учащийся просто повторяет работу своих предков. Чем лучше и сознательнее такая работа происходит, тем быстрее достигается успех.

Выражаясь словами Ф.И. Буслаева, преподаватель «приводит в сознание то, что прежде употребляли бессознательно» (С.64). Таким образом, «отрешенная от исторических преданий языка и письменности, практическая грамматика не имеет ни твердой научной основы, ни здоровой логической системы. Исходя от ложного основания, она и ведет по пути ложному» (С.65). Заметим в скобках, насколько это суровый приговор нынешним школьным программам по русскому языку.

Если И.А. Бодуэн де Куртенэ явился основоположником функционального подхода в морфонологии, то Н.С. Трубецкого можно назвать основоположником формально-фонетического подхода. В центре внимания первого оказывается происхождение и социолингвистические функции чередований. В центре внимания второго оказывается варьирование морфемы. Такая морфонология привлекает формо- и словообразование лишь во вторую очередь, отталкиваясь от фонетического материала. На практике гораздо важнее усвоить модели формо- и словообразования, и уже в рамках этих моделей, то есть во вторую очередь - правила мены звуков. Для славянской грамматики оказывается поэтому более актуальным функциональный подход: чтобы хорошо двигаться от текста к смыслу, необходимо смоделировать движение от смысла к тексту и от текста к исторически обоснованной системе языка.

В новейшей научной литературе к разнообразным направлениям функционального подхода можно отнести труды В.Г. Чургановой, Ю.С. Маслова, В.Б. Касевича; к разным реализациям формально-фонетического подхода - труды В.В. Лопатина, Е.С. Кубряковой, Ю.Г. Панкрац, С.М. Толстой.

Если привлекать антитезы С.М. Толстой, то можно сказать, что между грамматическим и словарным подходами в морфоно-

логии приходится выбирать словарный, т.е. корнесловы, между реляционным и операциональным подходами - операциональный, между анализирующим и синтезирующим - синтезирующий, между ненаправленной и направленной морфонологией - направленную, между синтагматикой и парадигматикой - парадигматику, поскольку при разборе текстов синтагмы уже даны, остается восстановить правильную парадигму. В целом мы вынуждены признать, что синхронные морфонологические описания русского языка формально-фонетического толка мало что дают для славянской грамматики.

2

В практической славянской грамматике очень полезно учитывать тот факт, что при образовании форм слов и новых слов звуки чередуются строго определенным образом. Представления о возможных чередованиях помогают быстрее образом отождествить слово и распознать родство слов, определить значение вновь услышанного слова по знакомым значимым частям. Так, зная, что суффикс *-ят-* чередуется с *-я-* и обозначает молодых животных, нетрудно определить значение слова *орля*: *ж(е)ребята* - *ж(е)ребя*, *ослята* - *осля*, следовательно и *орлята* - *орля*. Здесь полезно производить обратное формообразование - единственное от множественного, а не наоборот. Именно так бывает часто в 4-м именном склонении: *христиане* - *христианин*.

Чередования, связанные с формообразованием, целесообразно рассматривать в соответствующих разделах по частям речи. Например, к//ц в формах *рука* - *руцѣ* объясняется при обзоре 1-го склонения. Предварительные наблюдения показывают, что все случаи исторического чередования можно разделить на четыре группы: именное формообразование, глагольное формообразование, словообразование и славяно-русские чередования, дифференцирующие фонетические славянизмы и русизмы. Последняя группа необходима для славянской грамматики как расширение русской. В каждой группе сначала даются примеры чередований с сохранением объема (одна фонема//одна фонема, две фонемы//две фонемы), затем - примеры чередова-

ний с изменением объема (одна фонема//ноль звука от редуцированных прафонем и в случае некоторых групп согласных, две фонемы//одна фонема при дифтонгических чередованиях, две фонемы//три фонемы при неполногласии-полногласии, частном случае дифтонгического чередования).

1) Если обобщить список чередующихся звуков при формообразовании имен и местоимений, без полного перечня словоформ, он будет довольно скромным:

к//ч, *отрокъ - отроче*,

г//ж, *Богъ - Боже*,

х//ш, *монахъ - монаше*,

ц//ч, *отець - отче*,

з//ж, *князь - княже*,

к//ц, *отрокъ - отроцы*,

х//с, *монахъ - монаси*,

г//з, *книга - въ книзѣ*,

ск//ст, *(дѣла) человѣческая - (нрави) человѣчестіи*,

ѣ//а, *сильнѣйшій - высочайшій*,

о//-, е//-, (так называемые «беглые гласные»), *пятокъ - пятка, конецъ - конца*,

согласный//его отсутствие (при возможном изменении гласного, в 4-м склонении и у местоимений), напр., *(о)в//ы, любве - любви, ен//я, мене - мя*.

2) При формообразовании глаголов к вышеперечисленным добавляются:

т//щ(ч), *освятити - освященъ* (ср. *светить - свечу*),

зд//жд, *пригвоздити - пригвожденъ*,

зг//жд, *изгоню - иждену*,

т//с, *плету - плести*,

д//с, *паду - пасти*,

о//е, *идохъ ('я шел') - иде ('он шел')*,

о//ы, *мою - мыю*,

е//я, *лещи - лягу*,

ѣ//я, *имѣхъ - имяхъ ('я имел')*,

у//м, *надути - надмень*,

д//жд(ж), *насадити - насажденъ* (ср. *посажен*),

ст//щ, *простити - прощенъ*,

ск//щ, *взыскати - възыщу*,

и//(ь)и(й)-, *бити - бию (бийю, ср. бью)*,

ѣ//о(й), *пѣти - пою (пойю)*,

ы//ов, *открыти - откровенъ*,

ов//у, ев//ю(у), *бесѣдовати - бесѣдую, врачевати - врачую*,

п//пл, *озлобити - озлобленъ*,

б//бл, *возлюбити - возлюбленъ*,

м//мл, *посрамити - посрамленъ*,

в//вл, *уловити - уловленъ*,

я(а)//(е)м(л), *взяти - вземлю*,

я(а)//(е)н, *почати - почну*,

(е)ре//р, *умрети - умру*,

(оро)ра//ор, *братися - борюся*,

(оло)ле//ел, *млети - мелю*,

(оло)ла//ол, *заклати - заколю*,

выпадение согласного (перед -ти, -щи[-чь]): *реку - рещи, могу - мощи*.

Считаем принципиально важным относить Щ к чередующимся суффиксальным согласным Т//Ч//Щ, что влечет за собой нуль корневого согласного. Часто ими бывают «определители корней», которые срastaются с суффиксом и отходят к нему (Поржезинский, С.5).

3) При словообразовании к перечисленным добавляются:

о//а, *творити - тварь*,

ы//-, и//-, *называти - назвати, сбирати - собрати*,

е//ѣ, *седло - сѣдѣти*,

я//у, *спрягати - супругъ*,

у//он, *звук - звонъ*,

в//-, *витати - обитати* (жить) и некоторые другие.

Специальные занятия этимологией увеличивают число возможных чередований. Необходимо только обязательно знать границы действия исторических чередований.

4) Очень важно представлять регулярные чередования, связанные с постоянными звуковыми соотношениями славянизмов и русизмов. После Бодуэна де Куртенэ ими перестали заниматься, поскольку они не находятся в отношении дополнительного распределения и вообще такой проблемы нет ни в гер-

манистике, ни в романистике. В отличие от приведенных в пп.1–3, чередования этого типа напрямую не зависят от формы слова и часто встречаются в одних и тех же словах и отдельных словоформах. В составе славянской нормы обычны славянизмы, русизмы лишь изредка допустимы (*утверженіе, утвержу, оборотъ*). В составе младшей русской нормы славянизмы имеют высокую стилистическую окраску и отвлеченное метафорическое значение. Непроизводные слова, как правило, имеют и славянскую, и русскую огласовку. Перечислим основные чередования типа славянизм//русизм.

Неполногласие//полногласие, а именно ра//оро, ре//ере, ла//оло, ле//оло: *градъ - город, брегъ - берег, гладъ - голод, млеко - молоко*; в приставках: *пре- - пере-, пред- - перед-, чрез- - через-*; в глагольных корнях: *братися - бороться, умрети - умереть, клати - колоть, облещися - оболочиться*.

Сложный (двойной) согласный//простой шипящий на месте т (гт, кт) или д: (т//)щ//ч, (д//)жд//ж: *свѣща - свѣча, плеще - плечо, ношь - ночь, рождати - рожать*; в неопределенном наклонении глаголов: *рещи - речи* (сказать), *пеци - печь, стрещи - стеречь, мощи - мочь*.

В начале слова:

е//о, *единъ - один,*

ю//у, *юдоль - удолье,*

а//я, *агнець - ягненок,*

я//ѣ, *яство - ѣда,*

ра//ро, ла//ло, *разумъ - роспись, ладия - лодка,*

ы//о, и//е: *святый - святой, мьетъ - моет, крыеть - кроет, Сергій - Сергей, Алексій - Алексей.*

е//ё. По-славянски Е никогда не произносится как Ё: *небо - нёбо, мертвъ - мёртв, насажденный - посажёный.*

Беглая гласная//ее отсутствие, а именно о//-, е//-, и// -: *боръ - сборъ, восходъ - всходы, греческій - грецкий, мужески - помужски, воскресение - воскресенье, житие - житьё, біеть - бьёт, Божія - Божья.* Более редким является обратное соотношение: *ссати - сосати, сславити - сославить, устийи - усопишие, пришлецъ - пришелец.*

Чередования звуков, различающие славянизмы и русизмы, образуют произносительные, стилистические и смысловые варианты слов. И только в производных словах может закрепляться либо только славянская, либо только русская огласовка. Так, при высоком *брегъ* и среднем *берег* возможны производные славянское *прибрежнѣй* и русское *набережная*; при высоком *градъ* и среднем *городъ* возможны производные славянское *градостроеніе* и русское *пригород*. Славянское невозможно без русского, русское невозможно без славянского: и то и другое объединились в дополняющих друг друга словообразовательных моделях. Следовательно, преподавая славянскую грамматику, можно смело опираться на огромный арсенал светских славянизмов. Об этом хорошо написал Бодуэн де Куртенэ, но это, к сожалению, плохо учитывают в новейших разработках по морфонологии.

Итак, полагаем, что исторические чередования необходимо преподавать именно в том объеме и в той последовательности, как это сделано в учебнике иеромонаха Алипия, а именно сначала вслед за азбукой и правилами правописания изучить чередования как мену звуков безотносительно к типам морфем, то есть исходя из фонетики; в соответствующих разделах словообразования и словоизменения по частям речи усваивать основные морфонологические особенности уже исходя из морфологии слова. В качестве повторения и обобщения можно предложить обзор чередований по четырем изложенным выше разделам: именное и местоименное формообразование, глагольное формообразование, словообразование, славянизмы-русизмы. При строгой бинарной классификации: I. отношения дополнительного распределения по морфемным позициям, 1) формообразование, а) неглагольное словоизменение, б) глагольное словоизменение, 2) словообразование, II. отношения свободного чередования (славянизмы - русизмы). Исторические чередования вычлняются в максимально непродуцированных корневых и аффиксальных морфемах: «То, что с точки зрения данного соотношения фактов является корнем, с точки зрения истории может оказаться производной основой» (Поржезинский, С.5).

В грамматике о. Алипия на С.32 можно отметить одну неточность, которая, правда, вполне извинительна, поскольку соответствующий процесс неудовлетворительно описывается в академической науке. Речь идет о чередовании губных с сочетаниями губных с Л' типа любить - люблю. Йот в этом случае, действительно не исчезает, но возникает не «вставка» эль (ошибочное название «эль эпинтетикум»), а замещение.

Язык русских церковных книг представляет собой величайшую сокровищницу, которая проясняет, уточняет и объясняет родственные связи вообще и исторические чередования в частности. Их усвоение способствует легчайшему пониманию нашего общего отечественного национального языка.

Литература

Бодуэн де Куртене И.А. Опыт теории фонетических альтернатив // Избр. тр. по языкознанию. Т.1. М., 1963. С. 265–347.

Буслаев Ф.И. О преподавании церковно-славянского языка в средних учебных заведениях // ЖМНП. СПб., 1867, Ч. СXXXIII. С. 58–75.

Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Касевич В.Б. Морфонология. Л., 1986.

Кубрякова Е.С. О типах морфологической членимости слов, квази-морфах и маркерах // ВЯ. 1970. №2. С.78–90.

Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. М., 1983.

Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977.

Маслов Ю.С. О типологии чередований // Звуковой строй языка. М., 1979. С.195–201.

Попов М.Б. Чередования фонем в синхронии и диахронии (Существуют ли живые фонетические чередования в русском языке?). СПб., 1998.

Поржезинский В.К. Сравнительная морфология древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков. Ч.1. Склонение имен. М., 1916.

Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 115–118.

Чурганова В.Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973.

Trubetzkoy N/ Das morphonologische System der Russischen Sprache [=TCLP, 1934. Т.5, Ч.2].

К ИССЛЕДОВАНИЮ
ДРУЦКОГО ЕВАНГЕЛИЯ XIV ВЕКА*

В Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН хранится уникальная пергаменная рукопись XIV века — Друцкое Евангелие (далее Дрц.). Рукопись названа так по предполагаемому месту первоначального хранения и содержит две записи.

Первая из них датируется 6509 (=1001) годом и, как полагает акад. Н. Н. Покровский, была переписана одним из писцов Дрц. с протографа рукописи². Ср.:

[188 в] **Въ лѣтѣ** „з.ф.ѳ.“³ к створена **бы** цркви снѣ стага бца. въ градѣ во дрютьсцѣ. а служити въ ней вседньнага служба. викию млстью и кго прчстѣна мтрѣ. и равомъ бнимъ кназемъ василькъмъ миханловичемъ. и кго кнагиинею василисою. а положи^л късмь съ своєю женою **вжстѣ**^{но}къ коуанглик. и оковалъ. да далъ късмь стѣн **вцѣ** село моравьничн. и съ людьми и со всѣми пошлинами. и съ медовою данью. и съ селици и с пожнами. что ис того села **завѣ**даютъ а что ис той да^{ни} пошлина шла ключнику. та пошлина понама^{рю}. которыхи служить оу стын вци. да далъ късмь стѣн **вцѣ** исъ свогго села **из** видиничъ десатину и съ жита. а по мокъмъ животѣ не **надовѣ** въступати сѣ ни монимъ дѣтемъ. ни монимъ тивуно^{мъ}. ни иному которому **на**слианику. а кто иметь **поис**кывати тотъ дастъ [188 г] **отвѣ**тъ передъ **вмь** на **страшнѣ**мъ сѣдѣ. а которымъ члвкъ **сиди**тъ на поротвинѣ земли. **тотъ** дакът .е-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (грант Г02-1.6-293). Автор статьи искренне признателен заведующему Отделом редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН к. филол. н. В. Н. Алексееву и д. филол. н. профессору НГУ Е. И. Дергачевой-Скоп за постоянную помощь в работе с рукописью Друцкого Евангелия и консультации и с глубочайшей благодарностью вспоминает д. филол. н. профессора Л. П. Жуковскую, благословившую занятия автора языком и составом чтений Друцкого Евангелия.

. **пудовѣ** **меду** проскурницѣ на **заоупоконны** кануны. **къ** стѣн **вцѣ**. да далъ късмь на **памать** лѣкъ **но** такимово на **худа**вѣ. **полу**лѣконьк. а **вы** **вы** **мон** дѣти **тѣмъ** **ма** поминали. а **мо**го **вы** **кѣ**сте слова не починили.

Во второй записи говорится о Дрц. как о вкладе, сделанном в Виленский храм в лето 6949 (= 1441 г.).

[188 г] **Въ лѣтѣ** „з.ѳ.“³ сотное .м.ѳ. **лоу**^н.ди. инди^к .д. м^сца. **марта** .зи. **днь**. на **пам**тѣ **прп**авнаго **вца** **нше**го. **але**ксѣя **члв**ка **вж**іа. **пр**і **вели**ко^м **кн**зи **каз**имирѣ **коро**левичи **пе**рва^г **год**ѣ **кн**женья **е**^г. **се** **па**з **рав**ѣ **ви**ни **конон**ѣ **мѣ**сти^ч **вель**ньскѣ^н **поло**жи^л **с**іе **сто**е **еу**а^гліе **въ** **стѣ**мъ **три**днєвно^м **воскр**снѣи **х**с^вѣ. **въ** **градѣ** **вил**ни. а **што** **бы** **то** **бы**ло **не**подвижно. **а**ще **кто** **по** **нашо**^м **животѣ** **и**мет **сѣ** **оу**стоупати **оу** **тоу**е **еу**а^гліе. **или** **сил**никъ **кото**ры^н. **или** **по**^н. **да** **разс**ѣдит **сѣ** **со** **мно**ю **пре**а **в**гомь.

Между л. 143 и л. 144 утрачен один лист. Лл. 139–145 составляли одну тетрадь (ѳі, по нумерации писца), но это всего 7 листов. Не хватает соответствия листу 141, этот последний в рукописи подклеен к обороту л. 143. На утраченном листе находилось завершение чтения на литургии в Великий Четверток и начальные стихи 1-го страстного Евангелия⁴.

Традиция связывает Дрц. с белорусским изводом церковнославянского языка. Те факты языка, которые могли бы свидетельствовать о белорусском происхождении рукописи, очень и очень немногочисленны и достаточно условны. Сюда можно отнести несколько примеров на отвердение р, фрикативное г, уь вместо в и некоторые другие.

Отвердение *r'* характерно для западнорусских памятников и отмечено в качестве белорусской черты с XIV в.⁵ Ср. в Дрц.: 35в Мф XII 44 **обра**цетъ [Мст. 37в **овря**цетъ]; 60в Мф. XXII 13 **скро**жетъ [Мст. 61г **скръ**жѣтъ]; 64в М. VII 22 **ху**ла. **про**зорьство **везу**мнѣ [Мст. 65в **пре**ѣорьство]; 74в Л. VI 47 **всѣ**къ **во** **градѣ**ни **ко** **мнѣ** [Мст. 75б **гряд**ни]; 87г Л. XII 58 **иде**ши **съ** **суп**орникъ **сво**нмъ [Мст. 88б **съ** **соуп**ръникъмъ]; 167а Л. II 18 **пасты**рь (Р. мн.). Но эта же диалектная черта отмечена и новгородскими берестяными грамотами⁶.

О фрикативном **г** можно говорить, если иметь в виду следующий пример: 141в Мф. XXVI 17 **присѣпиша оучѣнѣци ко исѣу глѣце кмѣ кдѣ хоѣеши оуѣхотоваѣмъ ти пасѣхѣ части** [фрикативное **г**]. Так же в единственном случае отмечено **оу**, ср.: 173а в заглавии чтения **Оу срѣтениѣ гѣа наШго исѣа хѣа**. Оба эти примера можно считать условной чертой белорусского извода церковнославянского языка изучаемого списка, поскольку соответствующие черты характерны и для некоторых русских говоров. В частности в новгородских берестяных грамотах, по свидетельству Андр. Анат. Зализняка, встречается частичная нейтрализация противопоставления **в** и **ѡ**⁷, а изменение **г** в **ѡ** «для части говоров новгородского диалекта» было характерно еще до падения редуцированных⁸.

Вместе с тем вопрос об участии белорусских писцов в создании рукописи мною не снимается. Равным образом в дальнейшем должна быть проверена гипотеза о раннем протографе рукописи, созданном в Друцке.

Пока мы можем говорить о том, что рукопись была изготовлена в Новгородской земле, на это недвусмысленно указывает целый ряд языковых особенностей писцов. Покажу это на материале языка первых трех писцов. Им в начале рукописи принадлежат соответственно лл. 1в — 15г 4, 15г 5 — 25а 8, 25а 9 — 32г.

Графические отличия второго почерка от первого заключаются прежде всего в том, что он не такой сжатый, как первый. Диакритическому «&» 1-го писца соответствуют две точки 2-го, ср.: **о**ѣцъ и **оцѣ**. Во 2-м почерке начальное широкое **а** не так четко противопоставлено **о** узкому. На конце строки находим уже не **і** (как в 1-м почерке), а слегка перечеркнутое посередине **І**.

У 3-го писца титла имеют специфический вид, исчезают две точки в качестве диакритического значка над начальным гласным (правда позже, с л. 26в, они появляются), еще менее различимы отличия между широким и узким **о**. Покрытие над выносными буквами в 3-м почерке напоминают не полукружие, а угол.

Ниже для анализа отобраны такие особенности орфографии, которые могут свидетельствовать, с одной стороны, о культурно-языковой ориентации писца, с другой — о его диалектной

принадлежности. Свидетельства первого рода, как правило, ограничены стилистически маркированными вариантными формами, составляющими оппозицию «славянизм — русизм». Диалектные же особенности писцов наиболее ярко проступают при анализе рефлексов древних **e*, **c*, **s* и под.

Что касается **первого писца**, то с всей уверенностью можно говорить, что он был ориентирован на древнерусские традиции письменной речи. Так, например, регулярно отмечается **ж** в словах разных корней, ср.: **на осѣжениѣ** 2в, **нѣжаста** 2в, **преже дажь** 3в, **роженок** 3г, **прихожахѣ** 4в, **всаженъ** 4в, **вижь** 5б, **одежу** 8б, **межи собою** 2в, **жажю** «жажду» 13б и др. Исключение составляет два примера употребления одного глагола: и **грѣдыдѣцаго ко мнѣ не ижденѣты вонъ** 9а И. VI 37, **аще мене изгнашаты и вастъ ижденѣтъ** 9в И. XV 20, но ср.: и **кѣда свѣтъла овца иженеть и предъ ними ходитъ** 15в И. X 4. Ср. при этом вариативное употребление **межи** и **межю**: **межи собою** 9а И. VI 43, 52 и **межю же сихъ** 13 г И. IV 30.

На то же указывают, во-первых, рефлексы плавных с редуцированными: **дерьзнѣвъ** 8а М. XV 43, **оумертъ** 8а М. XV 44; во-вторых, тот факт, что приставка **пре-** представлена только в таком своем виде: **предати** 10г, **пренди** 11а, **преполовениѣ** 11б, **превѣдете** 12в, **превѣвакѣтъ** 12в дважды, **превѣс** 14а, **прелазѣ** 15а.

В отрывке мало примеров, говорящих об изменении исконого **ѣ**. В словах **свѣдѣтельстввати**, **свѣдѣтельство** регулярно на место второго **ѣ** встречаем **и** (более 20 случаев), например: **ѣже видимъ и свѣдѣтельствѣмъ. и свѣдѣтельства нашего никто не жѣтъ не прикметъ** 4а И. III 11. Мена **ѣ** на **и** — явление, обычное для новгородских памятников, но данное слово не является здесь показательным. Отмечая аналогичные примеры в языке Галичского Евангелия 1357 г., Л. П. Жуковская⁹ допускала возможность проникновения данного написания однокоренных слов из южнославянского протографа и ссылалась на мнение И. В. Ягича, который писал по поводу орфографии **свѣдѣтельство** — **свѣдительство**: «Давно указывается также на форму «свѣдительство», свойственную преимущественно южнославянским памятникам. За этими и другими подобного рода

в ударной флексии Р. ед.: **на нвѣѣ** 25б дважды, **развѣѣ словесѣѣ** 26в, **изъ оцѣѣѣѣ** 29б Мф. VII 4 (дважды), **очесѣѣ** 29б Мф. VII 5; в ударной флексии Д. и М. ед.: **приложити телесѣѣ** **свокъмьма** **лакоть кдинѣѣ** 32а Мф. VI 27 (Мст.: **телеси**); **о одежѣѣ** **что са** **печетеѣ** 32б Мф. VI 28 (Мст.: **одежди**).

Что касается типично новгородских форм, то наряду с формой **мнози** 27г находим **оувозѣѣн** **блговѣѣствують** 32д Мф. XI 5 (И. мн.). Эта диалектная особенность отмечена выше и как черта речи второго писца.

Достаточно многочисленны случаи взаимной мены **ч** и **ц**. **Ч** на месте **ц**: **рчи в цркѣѣ** 25а Мф. XVIII 17, **кротчи** «кроткие» 25в Мф. V 5, **ѡсѣѣчи ю** 26в Мф. V 30, **предѣѣ очмь монмь** 27б Мф. X 32 (и здесь же следом в Мф. X 33: **предѣѣ оцмь монмь**), **.р.кратытичею** 27г, **очь вашь** 28а, **ѡ вольча** 28б Мф. VII 16, **сучечь** **изъ оцесѣѣ** 29б Мф. VII 4, **на пѣсчѣѣ** 31в Мф. VII 26, **нарнчакьмаго** 29в Мф. IV 18, **ловча** (Мст.: **ловца**) 29в Мф. IV 19.

Ц на месте **ч**: **язъѣѣцникъ** 25а Мф. XVIII 17, **алцюце** 25г Мф. V 5, **цимь...** **ни к цемѣѣ** 25г Мф. V 13, **бѣла** или **церна** 26г Мф. V 36, **снѣѣ чавць** 27в, также 30г, **сучечь** **изъ оцесѣѣ** (форма **оцесѣѣ** дважды, но ниже **очесѣѣ**) 29б Мф. VII 4

В качестве яркой диалектной морфологической черты отмечу флексию **-ѣѣ** в Р. ед. первого склонения твердой разновидности¹³: **правдѣѣ ради** 25г Мф. V 10. А. А. Зализняк считает это окончание в данном склонении (в твердом варианте) нормой для древненовгородского диалекта¹⁴.

Наконец, еще одна яркая новгородская черта — **дожгь** (вместо **дождь**), см. 27б Мф. V 45, 31в (дважды), Мф. VII 25 и Мф. VII 27. Форма **дожгь**, отмечена уже Новгородской I летописью¹⁵. В старобелорусском языке при обилии вариантов данного слова (*дожджъ, дождзъ, дождчъ, дождь, дождь, дожджъ, дождчъ, дождь, дожджъ, дождчъ, дождь*¹⁶) вариант *дожджъ* отсутствует.

Что касается состава чтений Дрц., то здесь интересным было бы сравнение с составом чтения такой полноапракосной рукописи, как Мст.

Так, в ряде заголовков чтений 5-й седмицы по Пасхе в Дрц. произошел сбой наименований. Киноварные заголовки заполня-

лись писцом уже после того, как основной текст был помещен на листы рукописи. Писец ошибочно указал на л. 14г **втогырникъ .е. неА.**, вместо **среда**; на л. 15б оказалось **въ сред .е. неА.**, тогда как это чтение четверга; на л. 15г находим непонятное **вТѣѣ .е. нед.** Там, где должна быть отмечена суббота, буквы не читаются — они смыты, а на л. 16в строка, предназначенная для киноварного заголовка, оставлена чистой. Далее соответствие заголовков чтений их назначению восстановлено.

Во вторник и среду 7-й седмицы по Пасхе в Мст. находим соответственно чтения И. XVI 2–13 и И. XVI 15–23. В Дрц. эти чтения поменялись местами: на **«втрнкъ .з. неА»** помещен отрывок И. XVI 15–23, а чтение И. XVI 2–13 — **«въ среА .з. неА»**.

Седмица, начинающаяся Пятидесятницей, в Мст. («неделя 50») заканчивается пятком, следующая далее суббота озаглавлена уже как суббота 1-й недели (седмицы) по Пятидесятнице. Соответственно следующая, 2-я, седмица начинается 2-й субботой. В Дрц. седмица по Троице именуется 8-й неделей и заканчивается в пяток, далее так же, как и в Мст., идет суббота 1-я по Пятидесятнице (**сѣѣ .а. по пантѣѣ**, см. л. 27а). Но тот же заголовок **«сѣѣ .а.»** (л. 29а) имеет и следующий субботний день, так что 2-я седмица по Пятидесятнице начинается с недели (воскресенья) и представлена только этим, воскресным, чтением, ибо далее идет уже понедельник 3-й седмицы по Пятидесятнице (в Мст. это — понедельник 2-й седмицы по Пятидесятнице). В результате нумерация дней недели в чтениях от Пятидесятницы до Нового лета в Мст. и Дрц. различается, хотя общее количество седмиц (семнадцать) одно и то же. При этом в Мст. седмица начинается субботой и завершается пятком, а в Дрц. — начинается понедельником и заканчивается неделей (воскресеньем). Нумерация седмиц Нового лета совпадает.

Из отличий, бросающихся в глаза при первичном сравнении, в составе чтений данных двух рукописей еще отмечу отсутствие в Дрц. чтений на 1-й, 3-й, 6-й и 9-й час в Великий Пяток; после 12-го страстного Евангелия здесь сразу же идет чтение на литургии в Великий Пяток.

Безусловно, анализ состава чтений в Дрц. должен стать предметом специального исследования.

Примечания

² *Покровский Н.Н.* Христианская традиция в российской и сибирской истории // *Филологъ.* № 2. 2001. С. 11.

³ По техническим причинам титла не обозначаются.

⁴ Ср. л. 143г завершается отрывком из Мф. XXVI 69, а л. 144а начинается отрывком из И. XIV 12.

⁵ *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1979. С. 315.

⁶ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 64.

⁷ Там же, С. 65.

⁸ *Горшкова К. В.* Из истории консонантных диалектных различий русского языка // *НДВШ. Филологические науки.* 1964. № 4. С. 17.

⁹ *Жуковская Л. П.* Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского Евангелия 1357 г.) // *Труды Института языкознания.* Т. VIII. М., 1957. С. 52.

¹⁰ *Ягич В. И.* Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889. С. 27

¹¹ Мстиславово Евангелие (сокращенно Мст.) цитируется по изданию: *Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л. П. Жуковской.* М., 1983.

¹² *Соболевский С. И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 47.

¹³ Там же, С. 46.

¹⁴ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 80.

¹⁵ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 4. М., 1977. С. 285.

¹⁶ *Гістарычны слоўнік беларускай мовы.* Вып. 8. Мінск, 1987. С. 200.

Н. Родич
Белград, Сербия

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЕ, ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ СЛОВАРИ И СЛОВАРИ ИЗВОДОВ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В XIX И XX ВЕКАХ¹

Начало старославянской (церковнославянской) лексикографии восходит ко второй половине XIX века. Ему предшествовали сбор и систематизация древних памятников письменности, содержащих лексику, которая впоследствии будет подвергнута обработке. Известно, что в начале XIX века, по мере пробуждения национального самосознания, начался поиск древних текстов, их обнаружение и собирание. Так было положено начало пополнению фондов многих национальных библиотек, а также частных собраний коллекционеров (существовавших и прежде); эти собрания войдут позднее в фонды многих известных ныне библиотек с богатыми коллекциями рукописей, в том числе славянских. Многие тогдашние ученые люди, дипломаты, путешественники, особенно по славянским балканским землям, многие представители церковной иерархии, посещая известные монастыри и центры церковной жизни, как на Святой Горе (Афоне), так и в других местах, различным образом доставали весьма важные письменные документы, богослужебные и другие рукописные книги. Таким образом возникли весьма значительные в наши дни и известные собрания, такие, как, например, собрание Гильфердинга в Санкт-Петербурге и Москве, собрание Григоровича в Москве, Михановича в Загребе и другие, затем собрания в национальных библиотеках европейских и славянских народов, например, в Вене, Берлине, Праге, Софии, Кракове, Одессе, Белграде (где собрание по большей части уничтожено в апреле 1941 года) и в других библиотеках по всей Европе, где встречаются глаголические или древние кириллические рукописи.

Обнаружение, собирание и публикация древних рукописей сделали возможным и изучение их языкового и текстологичес-

кого состава. Лексика имела особое значение. Собранный таким образом из рукописей разного состава, она была систематизирована в виде отдельных словарей. Хотя и ранее имели место попытки их составления (например, Алексеев П. Церковный словарь или истолкование речений словенских. Москва, 1773–1776), все же первым значительным словарем считается Словарь церковнославянского языка А.Х. Востокова (Санкт-Петербург, 1858–1861), который содержит 22000 слов из 130 рукописей X–XIII веков с греческим и латинским переводом. В его основе – русские церковнославянские памятники. Немного ранее в Санкт-Петербурге вышел Словарь церковно - славянского и русского языка, подготовленный II Отделением Императорской Академии Наук (1847, 2 изд. 1867). Непосредственно после появления Словаря А.Х. Востокова в Вене выходит известный словарь Миклошича *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum* (1862–1865, фототипическое издание Ален 1963), который основан на различных, глаголических и кириллических памятниках во временном диапазоне от X и почти до XIX века. В него полностью вошел Словарь А.Х. Востокова; использованы в нем и два прежде упомянутых словаря. Однако оба словаря, и А.Х. Востокова, и Миклошича не проводили различия между классическими старославянскими памятниками (X–XI веков) и редакционными, возникавшими, начиная с XII века.

Говоря о XIX веке, следует упомянуть еще два словаря, которые содержат церковнославянский лексический материал, правда, не в строгом смысле. Это Рјечник из книжевних старина српских I–III (Београд, 1863–1864, фототипическое издание в одном томе, Грац 1962 и Белград 1975 в трех томах), и Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (Санкт-Петербург т. I, 1893, Т. II. 1902, Т. III 1906, дополнения 1912, фототипическое издание Грац 1955–1956) И.И. Срезневского. Как видим, последний закончен в начале XX века. Пока И.И. Срезневский работал над своим словарем, Г. Дьяченко в Москве опубликовал свой Полный церковно - славянский словарь (1899 год), который содержит около 30000 слов.

Все эти словари необходимы в работе тем, кто занимается славянским письменным наследием. Вместе с тем во многих от-

ношениях они превзойдены, хотя все еще остаются незаменимыми. Все-таки эти словари возникли во второй половине XIX века, и с тех пор до нынешнего времени многое изменилось, как в лексикографии, так и в отношении числа вновь обнаруженных памятников, классических старославянских и представляющих определенный извод. Как известно, к числу классических старославянских памятников относятся памятники конца X–XI веков, глаголические и кириллические, в которых отражается состояние, характеризовавшее кирилло-мефодиевские переводы, а к числу представляющих извод - памятники, возникшие в определенных славянских землях в результате переписывания имевшихся или перевода новых, начиная с XII века. Так возникли, например, русский, болгарский, сербский, македонский, хорватский изводы.

В начале двадцатого века появилась необходимость в настоящем старославянском словаре. В двадцатые годы в Праге возникла идея начать подготовку к созданию нового словаря старославянского языка.

Это была идея чешского слависта В. Вондрака, которую позднее поддержал М. Вайганд, но лишь в 1943 году началась реализация этого проекта. А именно, в указанном году под руководством Й. Курца началась систематическая эксцерпция лексического материала старославянских и наиболее близких к ним с точки зрения архаичности памятников для будущего словаря. Так, в течение ряда лет была образована обширная картотека, состоящая из почти двух миллионов карточек, отражающих лексику 86 рукописей, старославянских в классическом смысле и наиболее близких к ним чешского, хорватского, сербского, русского, болгарского и македонского изводов. Так в Праге в 1958 году появилась первая тетрадь знаменитого старославянского словаря *Slovník jazyka staroslovenskeho*. С того времени по настоящее время вышло около 50 тетрадей и публикация *Slovníka* подходит к концу. На сегодняшний день это лучший и наиболее полный старославянский словарь. Он содержит лексику с конца X вплоть до XVI века, которая отражает языковое состояние старославянской эпохи. Можно сказать, что сокращенным изданием этого незаконченного словаря стал недавно

вышедший однотомник Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) под редакцией Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой и выполненной Э.Благовой, Р.М.Цейтлин, С.Геродесом, Л.Панцеровой и М.Бауэровой. Это - единственный настоящий старославянский словарь, поскольку он основан на 18 старославянских рукописях X–XI веков (глаголических и шести кириллических). До этого словаря и до начала выхода упомянутого пражского, Л.Садник и В.Айцетмиллер опубликовали в 1955 году в Гейдельберге *Handwörterbuch zu den Altkirchenslavischen Texten* - однотомный словарь, то есть перечень слов из семнадцати старославянских памятников, из Надписи царя Самуила и двух памятников русского происхождения (Новгородские листки и Слуцкий фрагмент Псалтыри). В другой части этого словаря дается обратный словник, в третьей части приведены лексические гнезда, группы слов с указанием литературы о них. В этом контексте следует упомянуть и о словаре Лайсета [Т.А. Lysaght. *Material towards the Compilation of a Consise Old Church Slavonic-English Dictionary*. Wellington, 1978].

В 1984 году в Болгарии вышел вводный том нового старославянского словаря Старобългарски речник. Встапителен том [БАН, Институт за български език. София]. Этот словарь должен был содержать в себе лексику старославянских памятников X–XI веков, рукописных глаголических и кириллических, а также множества эпиграфических надписей, прежде всего вновь обнаруженных в последнее время в Болгарии, кроме уже известных. Как указано в вводном томе, этот словарь будет содержать все слова, личные имена, топонимы, а также *Larax legomena*. Предполагается, что он будет состоять из трех томов и явится своего рода тезаурусом старославянского языка.

Говоря о старославянской лексикографии, следует упомянуть еще об одном проекте, над которым идет сейчас работа в Праге. Там в 1989 году начал выходить *Etymologický slovník jazyka staroslovenskeho*.

В том же году, в котором в Праге вышла первая тетрадь *Slovníka*, в Москве проходил IV Международный конгресс славистов. На этом конгрессе было принято решение начать подго-

товку к созданию Словаря церковнославянского языка всех изводов старославянского языка (русского, болгарского, сербского, хорватского, македонского, чешского и румынского), который дополнял бы пражский *Slovník*. Этот словарь мог бы отражать дальнейший этап развития старославянского языка и охватывал бы как можно более широкий круг старославянского письменного наследия, дифференцировал бы региональные характеристики. Создана была и международная комиссия, а также национальные комиссии. Однако, несмотря на то, что были выработаны принципы создания такого словаря, (это было сделано Ф.В.Марешем) и проведено несколько заседаний Международной комиссии в Загребе и Софии в 1963 году, и в Москве в 1966 году, по разным причинам совместный проект не был осуществлен. На заседании в Москве национальным комиссиям, или центрам, было предоставлено право работать над самостоятельными проектами создания церковнославянского словаря изводов. В нынешнее время решения Международного комитета прежде всего стали реализовываться в Загребе, где уже ранее, в Старославянском Институте св. Ритига, основанном в 1950 году, существовал проект создания словаря хорватских глаголических памятников. Так, уже в 1959 году начинается эксцерпция на основе принципов пражского *Slovníka* для общего церковнославянского словаря под руководством В.Штефанича и Й.Хамма. Когда идея создания общего словаря перестала быть актуальной, началась подготовка к изданию словаря извода. И в последние годы, начиная с 1991, появилось несколько тетрадей Словаря церковнославянского языка хорватского извода.

В 1963 году в Институте македонского языка началась работа по сбору материала из рукописей македонского извода под руководством Рады Угриновой. И в 1985 году в Скопле вышел *Индекс_кон_речникот на македонските библиски ракописи* [Македонистика 4, Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков»]. Работа над Словарем продолжается.

В России сложились несколько иные принципы систематизации письменного наследия древности. Обработка древней лексики проводилась в двух направлениях. Как было сказано ранее,

в начале двадцатого века был завершен труд И.И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка».

Известные русские ученые А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский и другие продолжили эту работу, желая расширить рамки его начинания. Так появился крупный проект подготовки многотомного словаря, выходящего уже около двадцати лет и называемого «Словарь русского языка XI–XVII веков». Цель его состоит в том, чтобы сделать возможным чтение русских памятников светского и церковного содержания. Материал для словаря подбирался в течение нескольких десятилетий. Можно сказать, что это своего рода словарь церковнославянского языка русского извода и исторический словарь русского языка одновременно. На сегодняшний день вышло 26 томов. Словарь, как известно, создается в Институте русского языка Академии Наук в Москве (о работе над этим словарем см. статью Богатова Г.А. От исторического словаря к исторической лексикологии русского языка // Южнославянский филолог I. Белград, 1995. С. 305–317).

В Институте русского языка Академии наук ведется работа еще над одним словарем. Это словарь древнерусского языка XI–XIV веков. Пробная тетрадь этого словаря опубликована в 1966 году. Словарь готовился к изданию под редакцией Р.И. Аванесова. Пока вышло четыре из предполагаемых десяти томов. Первый том опубликован в 1988 году, последний, четвертый, - в 1991-ом. Это словарь древнего русского языка. Лексика в нем excerpiрована из 750 источников широкого круга. К сожалению, лексика из церковно-канонической литературы, Ветхого и Нового Завета не включена в него. Она могла бы, как говорится во введении, быть представлена в отдельном словаре церковнославянского языка русского извода, который явился бы продолжением словаря старославянского языка. Тем самым был бы реализован план Международной комиссии по составлению церковнославянских словарей отдельных редакций. В этот словарь из древних русских церковных памятников, Евангелий, Апостолов, Миней и т.п. вошла лишь лексика записей и различных приписок переписчиков. Тем не менее этот словарь будет исключительно полезен не только русистам, но и всем исследо-

вателям древнеславянского письменного наследия. Два эти словаря определенным образом дополняют друг друга.

В Белграде сбор церковнославянского материала сербского извода начался лишь в 1969 году, десять лет спустя после Московского съезда славистов. Тогда при Институте сербскохорватского языка был подготовлен проект создания церковнославянского языка сербского извода. Труды по excerpiции древнесербского письменного наследия взял на себя Д. Богданович. Работа началась с excerpiции Мирославова Евангелия (сокращенно – Мир.) как хронологически древнейшего памятника сербской редакции. Excerptия была тотальной, вне зависимости от того, сколько раз то или иное слово появляется в тексте. За основу словарной статьи был взят принцип пражского Slovníka. Этот основной текст дополнялся текстом, не имеющимся в Мир. из близкого к нему Вуканова Евангелия (сокращенно – Вук.). Поскольку два этих Евангелия являются апракосами, евангельский текст, отсутствующий в них, восполнялся текстом из Рашеко-хиландарского четвероевангелия, то есть Хиландар 22 (сокращенно Рх. второй четверти XIII века), по тому же принципу.

На обратной стороне этих листков были выписаны лексические различия, разночтения также из следующих апракосов: Црколез I (Црк. середина XIII в.), Хиландар 8 (Хил. 3 четверть XIII в.), Гильфердинг I (Гильф. около 1284 г.), Романово, Хиландар 9 (Ром. 1337г.), Станевичево, Хиландар 14 (Стан. 3-ья четверть XIV в.), а также из двух рукописей Евангелие-Апостол: САНУ 2 (Акад. 1336–71), Дечани 4 (Деч. 2-ая четверть XIII в.) и из следующих четвероевангелий: Мокропольское (Мп. середина XIII в., Богданове (Бд. конец XIII - начало XIV в.), Шишатовачское (Ши. конец XIII в.), Груйич 3–1–25 (Гр. последняя четверть XIII в.), Народной библиотеки Сербии 643 (Нб. около 1300 г.), Милутиново, Хиландар I (Мл. 1316), Хиландар 12 (Хн. первая половина XIV в.), Душаново, Хиландар (Дш. 1345), Слепчанское (Сл. середина XIV в.), Якова Серского (Як. 1354 г.), Патриарха Саввы, Хиландар 13 (Св. 1354–75), монаха Григория, Хиландар II (Гг. третья четверть XIV в.), Куманичское (Км. конец XV - начало XVI в.), Руянское (Рн. напечатано в 1537 г.) Таким

образом, был создан лексический фонд евангельских текстов сербской редакции с конца XII до начала XVI века.

Помимо этого, тем же методом было эксцерпировано десять Апостолов. Возник вопрос, как поступать с собранным материалом из новозаветных текстов. Появилась идея создания евангельского словаря сербской редакции. Еще в 1977 году М. Пешикан и Н. Родич представили краткий обзор предполагаемого словаря сербских евангельских текстов [Оглед_обrade речи у јевангелском речнику српске редакције. Јужнословенски филолог. Вып. XXXIII, С.165–171] (Далее Огл. – Ред.). Несколько лет спустя М. Пешикан разработал и сформулировал рекомендации по составлению такого словаря. В соответствии с этими рекомендациями в Отделе старославянского языка Института сербского языка Сербской Академии Наук (САНУ) началась работа над словарем. Были подготовлены статьи, относящиеся к буквам А и Б, в процессе работы буквы Д и Г. Чтобы показать принципы обработки материала, я привел бы здесь в качестве примера одну лексему на букву Б, то есть подготовленную мною словарную статью. В ходе дальнейшей работы, вероятно, произойдут изменения, улучшающие качество обработки материала, поэтому приветствуются любые советы и замечания. В качестве иллюстрации я выделил слово **вагрѣница**.

Вагрѣница (вагърѣница) ж., ст.сл. **вагърѣница**. Спорадическое употребление в сербском Евангелии, инновация вместо ст.сл. Т0 **хламида**, **прапрждъ** (сербскослав. **прапроудъ**) и **порфира** подтверждено уже в Огл. Слово низкой частоты (в пяти местах).

Вагърѣница - хламида (греч. *χλαμύς*) Мф. 27–28. **Багреницею ч'рвленою ѡдѣше его**. Гильф. – **хламидо** Мир. и др. **одеждею** Сл. (ВНЗ: надели на Него багряницу); Мф.27:31 **влѣкоше с него вагрѣницоу** Стань **вагреницѣ**, Рн. **вагреницоу** Јк. Гг. Км. **хламидоу**, Мир. Рх. и др. – **чръвленицоу** Св. (ВНЗ: сняли с Него багряницу).

Вагрѣница - прапроудъ (греч. *πορφύρα*) Мк. 15:17 и **ѡвлѣкоше и въ вагрѣницоу** Вук. Хил. Гильф. Рх. Мп. Сл. Св. **вагреницоу** Гр. Км. **въ ваг'рь** Гильф.1**въ прапроуд** Мир. **въ прапроудоу** Јк. **въ прѣпроудоу** Црк. Бд. Шч. Вв.Хл. Хн. Гг. Рн. (ВНЗ: надели на

Него багряницу): Мк.15:20 **ѡвлѣкшше съ него вагрѣницоу** Хил. Гильф.2. Рх. Мп. Мл. Сл. Св. **вагреницоу** Гр. Км. **Багърь** Гильф.1**прапроудъ** Мир. **прѣпроудоу** Вук. Рн. **сѡвлѣкоше и с прѣпроуды** Црк. Бд. Шч. Вв. Хл. Хн. Јк. (ВНЗ: сняли с него багряницу).

Багрѣница - порфира (греч. *πορφύρα*: Лк 16:19 и **ѡблчаше се въ вагрѣницоу и въ чръвленицоу** Хил. Гильф. Рх. Хл. Мл. Дш. Сл. **въ вагреницоу** Гр. Мп. **въ ванреницю** Црк. **порфиру** – **порьфиру** Мир. Вук. Стань. Ром. Км. Рн. (ВНЗ: который одевался в пурпур и шелк). Во фрагментах Пз. подтверждается: **въ форфиру вагрѣноу**.

Боснийские евангелия сохраняют вариант из Т0, кроме Мф. 27:21 **одиждоу** и в Мф. 15:17: **вагрѣонцоу** /!/ Форма **вагрѣница** встречается чаще, чем **вагреница**. Вопрос здесь состоит в образовании с помощью **ѣ** или спорадическом с **л - е** (ср. **вагърленицоу** Мк. 17:20). Этимология основы не ясна. Исп. **вагърь**, **прапроудъ** (**прапроуда**), **порфира**, **хламида**, **чръвленица**.

Таким образом, этот словарь будет во многом отличаться от других. А именно, цель состоит в том, чтобы показать, насколько сербскославянская лексика евангельских текстов XII–XIV веков (периода создания, укрепления и расцвета сербской державы) эволюционировала по отношению к каноническим евангельским текстам X–XI веков. В качестве опоры на старославянскую лексику взято Мариинское Евангелие, изданное В. Ягичем, и оно в этом словаре обозначается как Т0; это подразумевает также, что будут приведены и варианты из разночтений В. Ягича. В конце приводятся также возможные варианты из боснийских Евангелий. Для подтверждения подлинности старославянских примеров служат пражский Slovník и московский Словарь. Так легче увидеть все трансформации в области лексики, происшедшие в сербских землях, в сербском изводе. Выявятся все инновации в лексике, лексическая синонимия, приспособление к среде, а вместе с тем и индивидуальные решения переписчиков и переводчиков. Этот словарь продемонстрирует лексическое варьирование внутри самой сербской редакции. Он покажет вместе с тем и лексические соответствия или варьирование по отношению к классическим старославянским Еванге-

лиям. Сделает возможным сопоставления с лексикой евангельских текстов других редакций.

Таким образом, в будущем мог бы быть создан общий словарь евангельских текстов всех редакций - что я здесь и предлагаю. Так мог бы быть, по крайней мере, отчасти, реализован давно задуманный проект общего церковнославянского словаря, который, судя по нынешнему положению дел, реализован не будет. Могла бы вестись работа и над словарем Нового Завета в целом, поскольку почти во всех редакционных центрах именно эта лексика эксцерпирована полностью. Считаю, что это имело бы смысл.

Не претендуя на полноту картины, я показал краткими штрихами то, что было в течение двух веков сделано в области старославянской, церковнославянской и редакционной лексикографии. И привел лишь наиболее значительные лексикографические достижения и те из них, которые, возможно, получат свое развитие в третьем тысячелетии.

Примечания

¹ Перевод с сербского языка Л.К. Гаврюшиной.

Л.П. Рупосова
Москва

ЦЕРКОВНЫЙ ЯЗЫК XI – XVII ВВ.: ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ПЕВЧЕСКИХ СБОРНИКОВ И ПЕСНОПЕНИЙ.

История терминов *церковнославянский язык (церковно-словенский, древнецерковнословенский, церковнославянский русского извода, церковнославянский русской редакции), церковный язык (язык церковных книг)* с опорой на труды ведущих отечественных лингвистов и собственные разыскания рассмотрена в монографии С.И. Щербины (Щербина 2003: 71–124) в аспекте психохронотопа. Название *церковные книги* - позднего происхождения. Словарь русского языка XI – XVII вв. фиксирует в этом значении традиционные формы *книгы (книги)* и словосочетания: *святыя книги; духовныя, божия* (СлРЯ XI – XVII вв., Вып. 7:196). Певческие рукописи также назывались *книги*, в то время как культовое пение православных именовалось *церковным*. Синонимы словосочетания *церковное пение (пение церковное)* указывают на красоту исполнения, воздействие на прихожан: *краснопение, сладкопение, благоразумное, благочинное пение* или на его «высокое» начало: *божественное (ангельское) пение, пение духовное*. Видовые названия связаны с указанием на время соответствующих служб: *утреннее пение, всенощное пение* и под.

Церковное пение пришло на Русь вместе с христианизацией. Князь Владимир привез с собой после крещения певцов *от славян*, а с Анной прибыли в Киев греческие певцы. Возникают певческие школы в Киеве, Смоленске, Владимире, Новгороде Великом, позже – в Москве, в Белозерье, на Русском Севере. Крылосы – церковные хоры появляются в разных городах, где было возведено до татаро-монгольского нашествия около 10 тысяч храмов, для которых потребовалось минимально 90 тысяч служебных книг (ЭСРЦ, 2000: 642). Самая распространенная из них – Псалтырь (книга для чтения и для пения). Отрывок

Псалтыри на бересте, открытый в Новгороде экспедицией В.Л.Янина, – древнейшая церковная книга Руси. В летописях сообщается о владении певческим искусством некоторых князей и о народном пении во время перенесения мощей свв. Бориса и Глеба. По образцу стихир и на их мелодию по поводу перенесения мощей св. Николая в Бар (1087 г.) были распеты стихиры Феодосию Печерскому (1095 г.) и Борису и Глебу (1108г.). Позже встала задача распева разных текстов о других канонизированных отечественных святых. Собором 1274 г. было принято постановление относительно специальной подготовки певцов. Для обучения и для практической деятельности были написаны певческие книги с параллельными славянским и греческим текстами. Над распетыми текстами ставились особые знаки по образцу византийской нотации и западноевропейских невм. Древнейший вид нотации (XI – XIII вв.), называемый в исследовательской литературе *кондакарное знамя*, не поддается расшифровке. Расшифрованы и распеты современными церковными хорами, как и хорами II половины XIX – начала XX вв., параллельные знаменно-нотные тексты конца XVII века. Кондакари в сборнике кондаков у восточных славян известны с конца XI века.

Не только певческие рукописи, но и Уставы, Правила, Синодики, Месяцесловы и др. источники содержат наименования певческих сборников и песнопений, распространенных на Руси: позднегреческие, южнославянские, включая старославянские, восточнославянские по происхождению. Поэтому мы называем язык таких источников *церковным*, учитывая время, территорию, среду обращения и функциональный аспект, а не генетический. При значительном распространении грамотности в Киевской и Московской Руси традиционные певческие названия широко представлены и в посланиях, дарственных, хождениях и т.д. (СлРЯ XI – XVII вв.; Указатель источников: Справочный выпуск, 2001; СДРЯ XI – XIV вв.; авторская картотека). Частотность употребления таких специальных слов и словосочетаний заметно возрастает в XVII веке. Они использованы и в старообрядческих рукописных источниках и в печатных книгах, которыми пользуются старообрядцы, XVIII – XX вв. (Богомолова,

Кобяк 1982: 162 – 227). Эти наименования отражены в словаре В. Даля. Известность таких специальных лексем и словосочетаний привела к появлению общепринятых сокращений в рукописных источниках изучаемого периода, типа: *сед.* – седален, *бо(г)* – богородичен, *по(к)* – покаянный, *ка(н)* – канон, *ка(ф)* – кафизма и под. Кроме того, в источниках среднерусского периода книги в четверть и в полдествь могут обозначаться диминутивами: *псалтырка, октаець, обиходничекъ*.

Певческие рукописи Киевской и Московской Руси изучались и изучаются не только искусствоведами, но и филологами. Наименования певческих сборников и песнопений в Служебных Минеях и в «Типографском» Уставе анализировались в докторской диссертации М.Ф. Мурьянова и в публикациях автора (Мурьянов 1986. Литература вопроса). Из словарных материалов наибольший интерес представляет работа Г. Дьяченко (Дьяченко 1900). Мы же остановимся на проблеме номинации названных выше специальных слов и словосочетаний, которые в источниках XI– XVII вв. сочетаются с формами глагола *пети* и производными от него. Нужно учитывать достаточно хорошее знание воцерковленными лицами греческого языка, способствующее пониманию смысла грецизмов.

Сборники песнопений православной церкви на Балканах и на Руси получали названия с учетом следующих показателей: - постоянного состава по структуре и материалу: *ирмологий* (*ермологий, ирмолой, ермолой, ирмологъ, ермологъ, ирмоломъ*). Под 1289 г. в Ипатьевской летописи находим название *ермолой*, наименование *ирмологий* известно с XVI в. – сборник, содержащий *ирмосы* (*ермосы*) (с XI в.) – начальные, вступительные стихи как указания на содержание прочих стихов каждой песни канона по гласам, а внутри гласов – по песням; *триодь* (*треодъ, триод, трепесневецъ*) (XI в.) – сборник неполных канонов, т.е. содержащий три песни канона, вместо девяти, для подвижных дней церковного года, начиная с недели о мытаре и фарисее, кончая неделей всех святых; праздники – сборник служб малой и великой вечерни и утрени) на двенадцатые праздники, начинаемые с Рождества Богородицы. Триоди в своих названиях имели определения, указывающие на время пользования: *три-*

одь цветная – с XI в., *триодь постная* – с конца XII века. Триодь цветная содержала песнопения цветной недели. Кроме того, источники изучаемого периода упоминают *триодныя синоксари* – книги, содержащие сведения о жизни святых; *трефолои (трефологионъ)* – с XV в., сборник праздничных песнопений; *псалтырь (псалтирь, псалтыря, псалтиря, Псалтырь)* с XI в., в Лавр. лет. под 898 г., – часть Библии; песнопения; книга псалмов – гимнов; *октоихъ (октаецъ, охтаецъ, октаикъ, охтаикъ, октай, охтай, октоикъ, охтоикъ, октой)* с XI в., в Лавр. лет. под 898 г., – сборник гимнов, сгруппированным по восьми недельным циклам, каждый из которых имеет свой глас. В последнем случае учитывается цикличность песнопений. Октоихи могут различаться между собой по песнопениям утрени.

Из древних книг Октоихи не только один из самых распространенных на Руси, но и самых интересных с точки зрения состава песнопений и соответствующих специальных наименований. Они включали в себя *антифоны*, песнопения, исполняемые на Руси с конца XII в. попеременно двумя клиросами; *богородичны (богородицины, богородичины)* – песнопения в честь Богородицы, которыми заканчивалась каждая песнь канона (XII– XIII вв.); *светилны* – песнопения на: «Свете тихий», *седалны* (кафизмы) – песнопения, при которых разрешалось сидеть и др. – непостоянного состава: *стихирарь (стихерарь)*, содержащий *стихиры (стихеры, стихыры)* (с XI в.), т.е. похвальные *тропари* малой и великой вечерни, утрени – песнопения неподвижных служб различных праздников и святых по месяцеслову (с 1 сентября по 31 августа). Стихирари известны у восточных славян с XII века. Лексикографические материалы свидетельствуют, что с XVI в. преобладает как тип *стихирарь постный*. Стихиры имеют свои разновидности, а по их количеству в службах, а также наличию или отсутствию, образуют полный или краткий стихирари. Каждая служба, как и каждый вид стихир, заканчивается *славой* – хвалой, благодарением, прославлением (Бога, святых). С XV в. появляется название *славникъ*, стих, включаемый в стихирари, перед которым читается или поется «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», т.е. имеющий определенное место в службе, хотя и названный по предшествующе-

му тексту. Славники и стихиры различались, о чем свидетельствует контекст: *...светымъ многимъ стихиры и славники роспелъ* (Предисл. осмогл. пен., 22.1652 г.). В источниках XVI в. появляется название *кануникъ*, а с XVII в. – *канонникъ (каноникъ)* – сборник, содержащий каноны, песнопения из нескольких песен в честь святых или церковного праздника, хотя сами лексемы *канонъ и канунъ* со значением «песнопение» известны у восточных славян с XI века. Форма *канунная* – с XVI века.

- времени использования: *миня (меня, мения, месячникъ)*. Представляет интерес факт, что название *месячникъ* известно с XII в., а грецизм *миня* с XIII века. Миней членились на *месячные* (службы от одного месяца до трех), *общие*, включавшие по одной службе, которая читалась для любого из пророков, апостолов, святителей. Только лексема *миней* получила переносное значение «сюжет»: 12 месячных образов иконы. Особое место среди текстов непостоянного состава занимает *обиходъ (обиходникъ)*. Эти наименования – со второй половины XVII в. по первичному значению слова: «повседневный». Эти книги содержали песнопения: неизменяемые, чаще всего исполняемые на повседневных службах; песнопения изменяемые из миней и триодей; песнопения Псалтыри; сюда же могли включаться песнопения частного богослужения, чаще всего – заупокойные. Именно с обиходами, как и с октоихами, оказались связаны разновидности песнопений: светилны, седалны и др.

В славянских литургических книгах, как и в византийских, всякое песнопение сопровождалось определенными пометами. Всегда указывался глас. Кроме канона, все песнопения имели характеристику: самогласно (сам; самоглас; самог; смгсли, греч. *ιδιομελα*) или подобно (под.; греч. *просομοια*): стихра.глас В под.егда от древа (РНБ, Соф. 207: 89. 1439г.). Сборники образцов распева (греч. *αυτομελα*) назывались «Подобницы» (ГТГ, К- 5349, № 142) или «Подобны», а сам образец – *подобникъ* (РНБ, Q. п. I.32.: 78. XII– XIII вв.); под. о себе (РНБ, F. п. I 74.: 92об. XIII в.). (Момина, 1998: 165- 184). Словарь русского языка XI– XVII вв. фиксирует названия самогласень (самогласень) стихъ и самоподобень, которые позже вошли в печатные служебные книги XVIII века. Из собственных назва-

ний распетых стихов наибольший интерес вызывают именно подобники, некоторые из них получили соответствующие именованья: По акафистове каноне на хвалитехъ въ самогласномъ стисе (Чел. Савв., 33.1662 г.). Ср. начала стихов: «Хвалите Господа во святыхъ» (Пс 150), «Хвалите Господа съ небесь» (Пс 134).

Таким образом, фактический материал свидетельствует, что многие названия песнопений пришли на Русь через посредство старославянского языка раньше, чем наименования соответствующих сборников. Некоторые «вечные» лексемы ранее всего фиксируются не в канонической, а в славянской форме (*октоикъ*). Явно великорусского происхождения названия-диминутивы. Ряд названий песнопений – позднего происхождения (XVI– XVII вв.). Это дает нам основание различать старославянизмы и церковнославянизмы.

Литература

Беляев В.М. Древнерусская музыка. М., 1962

Богомолова М.В., Кобяк Н.А. Описание певческих рукописей XVII– XX вв. ветковско-стародубского собрания МГУ// Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С.162–227.

Бражников М.В. Древнерусская теория музыки. М., 1972.

Владышевская Т.Ф. К вопросу об изучении традиций древнерусского певческого искусства// Из истории русской и советской музыки. М., 1976. С. 41–52.

Металлов В.М. Русская симиография. М., 1912.

Момина М.А. Самоподобные песнопения (*αυτομέλα*) в церковнославянских богослужебных рукописях // Русь и южные славяне. СПб., 1998. С. 165–184.

Морохова Л.Ф. Подобники как форма музыкально-теоретического руководства в древнерусском певческом искусстве// Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 182–186.

Мурьянов М.Ф. Гимнография Киевской Руси (филологическое исследование). Дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1986.

Скребков С.С. Русская хоровая музыка XVII – XVIII вв. М., 1969.

Смоленский С.В. О древнерусских певческих нотациях. СПб., 1901.

Успенский Н.Д. Образцы древнерусского певческого искусства. М., 1972.

Щербина С.И. Развитие русской терминологии сравнительно-исторического языкознания. М., 2003.

Т.Л. Миронова
Москва

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА К Р Е С Т

Слово **крест** (**крѣсть*) во всех славянских языках означает «распятие», «орудие смертных страданий» Господа Иисуса Христа. Происхождение данного слова в этимологических словарях имеет однозначное толкование. Утверждается, что оно «заимствовано из древневерхненемецкого (или готского) формы имени Христа в докирилломефодиевское время в придунайских землях» (ЭССЯ Т.13. С.76; См. также Фасмер II С.374). Таким образом, предполагается, что еще до того, как Моравия, а в ее лице и все славяне, получила славянскую письменность, слово **крѣсть** в ней знали, заимствовав у немцев или готов, но переосмыслили его и отнесли это имя не к Самому Христу, а к главному символу христианства, который у греков именовался *stavros* (что первоначально означало *кол*, а затем *крест*) и у латинян – *stix* (также с изначальным значением *кол*, а впоследствии *крест*).

Если данное утверждение верно, то Св. Кирилл, создавая первый перевод Евангелия и богослужебного чина на славянский язык, воспользовался уже укоренившимся у славян представлением о том, что «распятие» - орудие смертных страданий Господа - напрямую связано с Его именем и фактически обозначается им.

Данная этимология никогда не оспаривалась, хотя логическая натяжка ощущалась в ней многими (Мурьянов). Предъявим и мы несколько вопросов, ставящих под сомнение это прямолинейное и по видимости простое решение. К примеру, слова **окрѣсть** и **окрѣстни**, которые существуют уже в первых Евангельских переводах, причем означают там «вокруг» и образованы префиксацией от слова **крѣсть**, имеют ли отношение к христианскому кресту и имени *Христос*? Контексты их употребления в Евангелии показывают, что нет. Кроме того, слова **крѣстити** и **крѣщение** в Евангелии не имеют значения «обращать в христианство», эта семантика для них явно вторична, она по-

является за пределами новозаветного повествования о Христе, а событие крещения в Евангелии вообще имеет место до крестного подвига Господа. Слово **крѣстити** соответствует в новозаветных текстах греческому *baptidzo* (окупать, погружать, омыывать) и его первоначальное значение при опоре на данную этимологию весьма загадочно.

Безукоризненное лингвистически обоснование заимствования с переносом значения «по смежности» не дает ответа на вопрос, как в сознании верующего человека совмещалось Имя Божие и символ Его крестных страданий¹. Все народы, принявшие христианство, четко разграничивают эти слова и их значения, и только славянскому христианству приписывается такая богословская неразборчивость. Кроме того, непонятно в таком случае игнорирование славянами д.-в.-н. слова *chriuz* «крест» в применении к обозначению распятия.

Нам очевидно, что св. равноапостольный Кирилл использовал для обозначения распятия уже имевшееся у славян слово **крѣсть*, но только было ли оно заимствованием? Необходимо взглянуть в это слово в стремлении выявить в нем славянский корень и славянский изначальный дохристианский смысл, который лег в основу его нового христианского значения.

Дело в том, что в славянских языках наряду со словом **крест** находим другие лексемы – **перст**, **пест**, **шест**, сформированные по тому же образцу, и все они имеют очевидную общность значений. Слова *перст*, *пест* и *шест* – исконно славянские, образованы от глаголов движения. *Пърстѣ* – от *pereti/rygati*, *пѣстѣ* – от *richeti/rychati*, *шѣстѣ* – от *choditi/idti*. Сохранившаяся у этих русских слов общая семантика – конкретный предмет в вертикальном положении, будь то *пърстѣ* – палец (а в русских говорах этим словом может обозначаться и вершина дерева, и каменный столб, ср. аналогичный образ «чертов палец»), будь то *пѣстѣ* – деревянный или каменный стержень с округлым концом для толчения чего-либо в ступе, или *шѣстѣ* – палка или жердь, помогающая при ходьбе или межевании земель. Глаголы, от которых образованы данные существительные, отчетливо показывают направление вертикального движения обозначаемых ими предметов. *Пърстѣ* – это то, что «прет», «выпирает», «напирает» (вер-

тикальное движение направлено вверх), *пѣсть* – это то, что «пишет», «уминает», «утрамбовывает» (вертикальное движение направлено вниз), *шьсть* – это то, что «ходит», «перемещается по поверхности» (вертикальное движение направлено в сторону).

В составе каждого из этих слов ясно читается формант *-st-*, восходящий к индоевропейскому корню *-stha-*, означающему «стоять, иметь вертикальное положение». Типология образования слов с данным корнем установлена В.А. Андреевым: «Реконструируемый раннеиндоевропейский корень сохранился везде. Протосема этого корня относится к двум лексическим рядам: 1) обозначения пространственных конфигураций, 2) наименование переходов из одного состояния в другое. И звуковой состав и план содержания рассматриваемой единицы раннеиндоевропейского корнеслова богато представлены двучленными образованиями, имеющими ее в качестве второго компонента сложения. Биному, вошедшие в тезаурус (раннеиндоевропейского языка – Т.М.), в большинстве своем характеризуются ясной внутренней формой и конкретными результирующими значениями» (Андреев С.230). В числе протосем исследователь называет следующие значения: *столб, ствол, кол, шест, настил, ледостава*. В славянском языке находим образования указанной структуры с подобными значениями. Напомним, что таковы уже перечисленными нами - **пест** (=столб, кол), **перст** (=ствол), **шест** (=шест), к этому списку следует причислить также лексемы **рост** (=стебель), **мост** (=настил), **наст** (=ледостава), **руст** (=струя, фонтан), **хвост** (=пучок), **хворост** (=куст, стебель).

Назовем значения данных лексем, сохранившиеся в русском языке, с тем чтобы выявить семантику первой части данных биномов, имеющей прямую связь с глагольными корнями, как и в случае со словами **перст**, **пест** и **шест**. Лексема **рост** в русских диалектах, к примеру, имеет значение «проросший корешок, росток, отросток» (СРНГ Вып.35. С.195), которое содержит сему вертикального положения, значение корня **ро-** следует соотносить с глаголом *ora-ti/ori-ti*, что означает «пахать» и «разделять, расходится в разные стороны» (Фасмер Т.3. С.148). Слово **мост**, по данным русских диалектов, означает «настил из бревен и досок через топкое место, доски пола, доски в частях мельни-

цы» (СРНГ Вып.18. С.287–288), здесь как будто отсутствует семантика вертикальности, зато ясно устанавливается горизонтальная устойчивая пространственная конфигурация с исходным значением – «бревно или доска, переброшенная через препятствие». Этимология слова **мост** также связана с глагольными корнями. По утверждению ЭССЯ, лексема **мост** образована от **mes-ti/meta-ti*, и она родственна другим индоевропейским словам – др.-в.-нем. *mast* «шест, мачта», англосакс. *maest* то же» (ЭССЯ Т.20. С.33). Сходно с вышеперечисленными и образование слова **руст**, означающего в русском языке «ручей, струя, сильное течение»: «Кровь рустом пошла, вода рустом так и бежит» (СРНГ Вып.35. С.273). Слово это, по-видимому, тесно связано с глаголом *ry-ti/rva-ti*, и данная лексема также имеет четкую либо вертикальную, либо горизонтальную направленность. Лексема **наст** – «ледяная корка, вода, застывшая поверх снега после оттепели», а также по данным русских диалектов «лед при первых морозах у берегов рек, озер, морских заливов» (СРНГ Т.20. С.186) - хорошо этимологизируется на неславянской почве: лат. *nato/nature* («плавать»), греч. *naio* («течь»), *nao* («течь, плавать»), данный корень **па-** со значением «течь, плыть» в сочетании с формантом *-st-* образует бином, означающий «застывшая вода, ледяной мост», и такая этимология более вероятна, чем общепринятое объяснение, что «па- - предлог-приставка, а *-st-* корень, тот же, что в *стать, стоять*» (Черных Т.1. С.550). Слово это также имеет семантику горизонтальной конфигурации, устойчивости в пространстве. Лексема **хвост**, имеющая в славянских языках значение «пучок, хвост, метла, веник, гроздь» (Фасмер Т.4. С.232), также находит аналогии в других индоевропейских языках, сравним ср.-в.-нем. *Queste* («пучок, хвост»), для данного слова Трубачев вслед за Якобсоном указывает «на родство с большим кругом экспрессивных слов на **xvo-/хва-/xou-/ху-* «качать, хватать» в соединении с *-st-*» (Фасмер Т.4. С.232–233). Последнее в нашем списке слово **хворост** многозначно в славянских языках. В русских диалектах это прежде всего «сушняк, усохшие ветви и сучья» (Даль Т.4. С.545), подлежащие сожжению, в болгарском языке *храст* – это кустарник, а в сербохорватском и словенском *hrast* – дуб. Данное слово

можно сблизить с др.-в.-н. *hurst, horst* «кустарник, живая изгородь» и с англос. *Hurst* «лес» (Фасмер т.4. С.231). О.Н. Трубачев отмечает, что субстратным для этого слова является значение «дуб», а В.И. Даль указывает на возможное происхождение лексемы **хворост** от *hvor-ati*, а последнее слово, согласно данным Словаря Фасмера, соотносимо с глаголом *hvr-eti*. И в таком случае, исконное значение слова **хворост** – «больное, сухое, а потому подлежащее сожжению растение», и оно также сохраняет сему вертикальной конфигурации в пространстве.

Таким образом, все перечисленные здесь лексемы обнаруживают отчетливую семантику атрибутивов, в которых первый элемент имеет глагольную мотивацию: - **руст** – то что рвет, прорывает, **перст** – то, что прет, выпирает, **наст** – то, что наплывает, второй же элемент данных биномов хранит древнюю семантику вертикальности, и шире - устойчивости в пространстве. По мнению М.М. Маковского, «вертикальное положение в пространстве, согласно представлениям язычников, символизировало все Божественное – акт Божественного создания мироздания, первоэлементы Вселенной, Божественную гармонию созданной Божеством Вселенной в отличие от окружающего ее Хаоса, Вечность как божественную категорию» (Маковский С.253).

Мы полагаем, что по той же продуктивной в древности модели было образовано и древнеславянское слово **крест**. Глаголом, от которого оно происходит, является *kr̥siti/kr̥sati*. Приведем значение данного глагола по ЭССЯ: *kr̥sati* – «высекать, добывать огонь», *kr̥siti* – «воскрешать, оживлять»: «Семантика «ударять, сечь, высекать» у глагола *kr̥sati* не первична, а вторична, производна от устойчивого словосочетания *kr̥sati* огонь (что вполне соответствовало воззрениям на живую природу огня), стирание древней семантики выразилось в переносе семантического акцента на технику добывания огня – добывать ударом. Древнее значение глагола *kr̥sati* отразилось и в значениях раннего производного имени *krasa*, в котором этимологически исходной опять-таки оказывается не техническая семантика жара, огня и под., а семантика жизни, цвета жизни. На этом основании предполагается сближение *kr̥sati* с лат. *creo, creare* – создавать, творить, вызывать к жизни» (ЭССЯ Т.12. С.124–125). Помимо

производного от данного глагола существительного **краса**, означавшего исконно цвет жизни, ЭССЯ называет еще одно производное из данного корня слово – **кресь**, в славянских языках имеющее сходные значения: *срб.* – купальский огонь, летний зной, *словен.* – летнее солнцестояние, купальский огонь, *дррус.* – солнцеворот. Эта семантика также может рассматриваться как производная исходного, коренного значения слова **кресь** – «пик, высшая точка, расцвет жизненной силы», которую славяне связывали с солнцеворотом и огнем языческого жертвоприношения. В русских говорах это слово сохранило значение *жизнь*, то есть то, что отличает жизнь от смерти: *быть на кресу* – быть живу (Смерть у всякого на носу, а все будь на кресу), *не быть на кресу* – не ожить, не оправиться от недуга, *кресу нет* – нет житья.

Что же в таком случае может означать производное от того же глагола *kr̥siti/kr̥sati* слово **крест**?

Продуктивная модель **picheti/p̥chati* – *p̥stь*, **pereti/p̥rati* – *p̥rstь* указывает нам, что и в папе **kr̥siti/kr̥sati* – *kr̥stь* следует искать способ обозначения конкретного предмета с функцией вертикального движения. Если опираться на семантику животворения, которая ярко выявлена в форме **kr̥siti*, то *kr̥stь* – это живое растение, дерево, поднимающееся ввысь, к солнцу. Если же брать за основу значение формы **kr̥sati* – *воспламенять, иссекать огонь*, то **kr̥stь* – это *столб пламени*, то есть огонь, рвущийся вверх, воспринимаемый как животворное начало человеческого существования.

Впрочем, оба значения могли совмещаться в слове **крсть**, ибо пламя питается деревом, и зажженное дерево являло собой *жертвенники, на которые возлагали свои приношения богам язычники*. Кстати, если принять, что данная лексема имела такое, дохристианское значение, то становится понятной и семантика слова **окрсть**, понимаемого исконно как пространство вокруг жертвенника - центра духовного притяжения славянского языческого племени.

Итак, дохристианский славянский ***крсть** – это *устроенный из дерев, возженный и посвященный языческим богам жертвенник*. Такова, по нашему мнению, исконная семантика этого

слова, которому после принятия славянами христианства было присуждено новое значение – «распятие», на котором принес искупительную жертву Христос. Счастливым совпадением звучаний исконно славянского **кръсть** и д.-в.-н. **Christ** (Христос) способствовало тому, что языческий **крест** оказался переосмыслен у славян как христианский жертвенник.

Переосмысление слов, обозначающих распятие в греческом и латинском языках, говорит о том, что смена значений в этом случае – явление типическое. Греческое *stavros* обозначало исконно «кол, столб» и лишь затем оно стало значить «орудие смертных страстей Господа», латинское *crux* изначально также всего лишь «кол». Да и славянское **древ** в целом ряде старославянских богослужебных текстов также переосмыслено по той же типологической схеме и тоже является именованьем распятия. Ср. Деян. 5: 30, 10: 39 и слова Нестора Летописца в Ларентьевской летописи: «Богъ же на древе страсть прия, да древомъ дьяволъ побеженъ будетъ» (запись под 986 годом). Но все же семантика распятия, орудия искупительных страданий Господа, у славян была присвоена именно и прежде всего слову **крест**.

Но смена значения у слова **кръсть*, обозначавшего первоначально языческий огненный жертвенник, а затем крест животворящий, на котором был распят Христос, имеет совсем иную семантическую подоплеку, здесь за изменением семантики стоит глубокая богословская идея. Господь наш Иисус Христос принес Себя в жертву за всех людей, распятие явилось логическим замещением языческого жертвенника. И это христианские миссионеры IX века втолковывали на капищах славянам-идолопоклонникам, приготовлявшим свои огненные «алтари», что Истинный Бог – Иисус Христос, а истинный крест – крест Христов, истинная же жертва – жертва крестного Христова страдания, смерти и воскресения. Старому слову присваивалось новое понимание, но глубинное тождество прежнего и нового понятий – обозначение *жертвенника* - помогало миссионеру-христианину объяснить славянам, пребывавшим во тьме язычества, сущность Веры Христовой.

И слова **кръстити** (отыменное образование от **кръсть*) и **кръщение** (отглагольное образование от **кръстити*) обретают

вполне логичное обоснование своего евангельского значения. И как обычаи и обряды, искаженные языческими представлениями, христиане-миссионеры направляли Богу Истинному, так и слова, знаменующие посвящение человека языческим богам, его служение идолам, получают истолкование в новом христианском духе.

Примечания

¹ «Первоначально **кръсть* означало «Христос» и произошло из д.-в.-н. *krist, christ*. Вероятно, затем появилось значение «распятие», откуда и возникло значение «крест»» (Фасмер II. С.374).

Литература:

- 1.ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. М. ТТ.12, 13, 20.
- 2.Фасмер – Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. ТТ.II, III, IV.
- 3.Андреев – Андреев В.А. Раннеиндоевропейский праязык. М., 1996.
- 4.Маковский - Маковский М.М. Язык – миф – культура. М., 1998.
- 5.СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., ТТ.18, 20, 35.
- 6.Черных - Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т.1.
7. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т.IV.

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИЯ ЭПОХИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ: ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ ТЕКСТА И ЯЗЫКА

В рукописную эпоху постоянное движение *текста* было естественно и неизбежно – как в результате целенаправленного редактирования, так и по причине накопления в ходе переписывания случайных ошибок, «мутаций». Что касается *языка*, то здесь также могло иметь место редактирование, однако не менее важным фактором являлось постоянное взаимодействие церковнославянского языка с русским.

Казалось бы, с появлением книгопечатания положение должно измениться коренным образом. В самом деле, печатный станок способен обеспечить необходимое количество тождественных экземпляров, а штат справщиков – выправить текст и предохранить его от спонтанных изменений в последующих изданиях. Между тем в действительности имела место иная ситуация.

Ниже представлены предварительные результаты сопоставительного анализа¹ Евангелия от Иоанна (служебный текст) по пяти изданиям Московского печатного двора: 1651, 1653, 1663, 1668, а также 1703 годов.

1. Морфонология: ж // жд. Второе южнославянское влияние не обеспечило автоматического и повсеместного устранения восточнославянского рефлекса *dj; замена ж на жд происходила и в XVII в.²: по чюжѣмъ... чюжѣгъ // по чюждѣмъ же... чюждѣгъ (10:5, 1653/63); рожѣствѣ // рожѣствѣ (9:1, 1663/68). Ср., однако, тѣкоже → тѣкоже (5:19, 1653/63).

2. Морфология.

2.1. Аорист / перфект. Эта замена, представляющая собой яркую черту современного четьего текста, характерна и для эволюции служебного текста: 1) 1653/63: **соблюде / соблюлъ еси** (2:10); **свидѣтельствова / свидѣтельствовалъ еси** (3:26); **не позна / не позналъ еси** (14:9); **посла / послалъ еси** (17:18); 2) 1668/1703:

оуслыша ма / оуслышалъ еси ма (11:41); **посла / послалъ еси** (11:42).

2.2. Отдельные исправления глагольных форм.

2.2.1. дасть (аорист, 3 л. ед. ч.) / даде. Исправление осуществляется с целью устранения грамматической омонимии аористой и презентной форм. 1) 1653/63: 1:12, 4:5; 4:12; 7:19; 21:13; 2) 1668/1703: 10:29; 13:3. Ср. также **предаетъ / предаде**: 19:30 (1653/63), **подастъ / подаде**: 6:11 (1653/63).

2.2.2. вѣде (так!) / вѣмъ. В издании 1651 г. (9:25) используется форма **вѣде**, причем далее в том же стихе стоит **вѣмъ**. В издании 1653 г. и последующих в обоих случаях используется **вѣмъ**.

2.2.3. Замена -ѣ на -и во 2 л. мн. ч. повелительного наклонения глаголов I спряжения: 1) 1651/53: **познѣте / познитѣ** (18:31); 2) 1653/63: **принѣте / принитѣ** (21:20).

2.3. Краткие / полные формы прилагательных и причастий.

2.3.1. В соответствии с общей тенденцией к ограничению употребления кратких форм наблюдаются следующие замены: **дверем затвореномъ / затворенымъ** (20:26, 1653/63; 20:19, 1668/1703); 2) **въ бѣлахъ / бѣлыхъ ризахъ** (20:12, 1668/1703). Отметим, что форма **затвореномъ**, согласуясь с существительным ж. р., представляет собой, строго говоря, форму м.-ср. р., в отличие от второго из приведенных случаев, где сохраняется специфическая флексия ж. р.

2.3.2. Имеются два случая замены форм, возникших в результате аналогического воздействия местоименного склонения, «стандартными» полными формами: **ѡ оуѣнкъ іуанновѣхъ / іуанновыхъ** (3:25); **таковѣхъ / таковыхъ ищетъ** (4:23) (1651/53).

2.4. Влияние членных форм прилагательных на местоименное склонение. С другой стороны, наблюдается и обратное влияние: окончания членных форм прилагательных вытесняют исконные местоименные флексии: **ѣдиногъ / ѣдиногъ**: 1) 1663/68:10:41; 2) 1668/1703: 16:32; 17:3 (но ср. обратную замену: **видѣ ѣдиногъ / ѣдиногъ и ѣдиногъ** – 20:12, 1651/53);

ѐди́ноѡ / ѐди́ныѡ: 18:38; 19:44; 19:11 (1651/53); вса́коѡ / вса́киѡ: 17:2 (1651/53).

2.5. Исправление сѣ на сіѣ – явление, отчасти родственное предыдущему: сѣ может соотноситься с краткими, а сіѣ – с полными формами (ср. тж. ср. р. мн. ч. си / сѣ – 9:22, 1663/68). Однако здесь происходит «расщепление» словоформы: форма сѣ начинает употребляться по преимуществу в значении «вот», а форма сіѣ, отражающая процесс обобщения основы *сиј-* – как указательное местоимение среднего рода. Случаи исправления сѣ на сіѣ: 1) 1653/63: 3:32; 7:36; 18:34; 21:19; 2) 1668/1703: 6:6; 6:61; 7:39; 8:6; 12:6; 12:33; 19:13; 20:20; 20:22.

2.6. Исправление -ѡ (-ѡ) на -и (-ы) в род. п. ед. ч. или им.-вин. п. мн.ч. существительных ж. р. и в вин. п. мн. ч. м. р.: 1653/63: *посла́ша жи́дове...* *ієреѡ* / *ієрен* (1:19); *ѡ іудеѡ* / *ѡ іуден* (4:54); *ѡ галилеѡ* / *ѡ галилен* (7:52); *ѡвца* (им.-вин. п. мн. ч.) / *ѡвцы* (10:3 (bis), 4 (bis), 11, 12 (ter), 15, 16, 27; 21:16, 17); *доко́лѣ дѣша* / *дѣшы* *наша* *взѣмлеши* (10:24); *паси* *ѡгньца* / *ѡгници* *моѡ* (21:15).

2.7. Морфологическая грецизация. В изданиях 1651 и 1653 гг. в стихе 1:1, которым открывается евангельское чтение на пасхальной литургии, в соответствии с греч. читается *въ вѣѣ*; однако в издании 1663 г. и далее (в том числе и нынешних служебном и четьем текстах) представлен вариант *к вѣѣ*.

Стих 1:2 в издании 1668 и более ранних выглядит следующим образом: *Ѣѣ вѣѣ ісконі к вѣѣ*. – употреблено указательное местоимение ср. рода³. В издании же 1703 г. – *Ѣѣ вѣѣ ісконі к вѣѣ* (форма м. рода, в соответствии с греч.). Как известно, этот вариант характеризует и современный текст – как четий, так и служебный.

3. Синтаксис.

3.1. Полная форма причастия + краткая / полная + полная.

В ряду однородных членов, выраженных причастиями, одна форма могла быть полной, в то время как вторая – краткой. По всей видимости, постпозитивный «артиклъ» *и* был способен обслуживать обе формы; позднее он стал рассматриваться как морфема, входящая (или же не входящая) в состав каждой из словоформ⁴. Соответственно, отсутствие этой морфемы у од-

ного из однородных членов воспринимается как нарушение «однородности» и вызывает стремление ее восстановить. 1651/53: *видѣи сѣѡ, и вѣрѡѡ* // *вѣрѡѡи* (6:40); *не сѣѣ ли ѣсть сѣдѣи и просѣ* // *просѣи* (9:8); *и мѣѡи заповѣди моѡ, и соблюдаѡ* // *соблюдаѡи* *и хѣ* (14:21).

3.2. Устранение двойного отрицания (единичный случай): *никтоже не іѡтѣ ѣгѡ* // *никтоже іѡтѣ ѣгѡ* (8:20, 1668/1703).

4. Словообразование.

Позиция морфемы *сѡ* (ср. 1.5.4): *прѡхѣ же сѡ* // *прѡхѣсѡ же* (6:52); *воскло́нь же сѡ* // *воскло́ньсѡ же* (8:10); *ѡвѣраш же сѡ* // *ѡвѣраѣсѡ же* (21:20) (1653/63).

5. Лексика.

Интересные превращения претерпел *сognoмен* ученицы Христа: *магда́лыни* / *магда́лына* / *магда́лына* (20:1, 1651/53/68); *магда́лыни* / *магда́лыни* / *магда́лына* (19:25, 1653/63/68); *магда́лына* / *магда́лына* (20:18, 1653/56). Вариант *магда́лыни* представляет собой классическую старославянскую форму, *магда́лына* – ее модернизацию (ср. *рабы́ни* → *рабы́на*, *кѣнагы́ни* → *кнагы́на*). Лексема же *магда́лыни* является «трансплантацией» греческой формы *Μαγδαλήνη*, *магда́лына* – адаптацией этой последней на славянской почве. Таким образом, для цепочки *магда́лыни* / *магда́лыни* / *магда́лына* необходимо констатировать грецизацию с последующей частичной славянизацией. Отметим, что падежная форма от промежуточного варианта *магда́лыни* сохраняется и в нынешних служебном и четьем текстах: *іѡвѣсѡ прѣжде ма́рин магда́лыни* (Мк. 16:9); в им. п. эта форма не употребляется, будучи вытесненной лексемой *магда́лына*.

6. Текстология. Текстологические расхождения между изданиями сводятся к двум случаям (оба отличают издание 1703 г. от 1668 и предыдущих). 1) *не мѡвѣсѣѣ даде* // *мѡвѣсѣѣ даде* (7:22). Чтение 1668 г., хотя и не поддерживается ни NA, ни TR, однако имеется в Афонском тексте и отражено в Острожской Библии (см. [ЕИ 1998: С. 33 2-й пагинации]). 2) *гдѣѣ* // *жѣно, гдѣѣ* (8:10). Данный стих относится к перикопе *de muliere adultera* (Ин 7:53 – 8:11). Этот фрагмент, согласно реконструкции NA, не принадлежит к первоначальному евангельскому тексту, а в тех рукописях, где он присутствует, изобилует разночтениями. Наличие

обращения **жѣно** характерно для классических старославянских текстов (в частности, для Мариинского Евангелия), однако отсутствует в Афонском тексте и в Острожской Библии [ЕИ 1998: С. 37 2-й пагинации].

Отметим также, что все пять рассмотренных изданий в 9:20 дают **ѡвѣщаѣста же ѿма**, в то время как в современном служебном и четьем тексте стоит, в соответствии с ситуативным контекстом (родители исцеленного отвечают иудеям, о которых не сказано, что их было лишь двое) множественное число – **ѿмъ**.

* * *

Проведенное сопоставление текста Евангелия от Иоанна в составе служебного Евангелия по пяти изданиям Московского печатного двора второй половины XVII – начала XVIII в. позволяет прийти к следующим выводам: 1) любые два издания содержат более или менее существенные различия; при этом 2) имеются как разнонаправленные исправления, так и исправления, обнаруживающие определенную тенденцию. Последнее обстоятельство дает нам принципиальную возможность проследить эволюцию церковнославянского языка, не сводящуюся к перечню внешних воздействий, но имеющую причиной имманентное развитие церковнославянской языковой системы.

Примечания

¹ Считаю необходимым подчеркнуть, что в наши задачи в данном случае не входило выявление *источников* (рукописных или же печатных) тех или иных исправлений. Движение текста рассматривается с точки зрения «читателя», «пользователя»: в издании А было *a*, а в новом издании В – *b*. Следовательно, элемент *b* заменил собой элемент *a*; при этом неважно, было ли изменение *a* на *b* непосредственным или же оно явилось результатом воздействия некоего текста С.

² До конца она не доведена и по сей день.

³ Впрочем, словоформа **се** может, в принципе, трактоваться и как форма м. р. (результат изменения **сь**).

⁴ Аналогично частица **-са** в отдельных случаях может обслуживать две глагольные формы: **возвеселѣти же са ѿ возрадовати подобаше** (Лк 15:32) одинаково в современных служебном и четьем текстах.

Источники

Евангелие. М., 1651.

Евангелие. М., 1653.

Евангелие. М., 1663.

Евангелие. М., 1668.

Евангелие. М., 1703.

ЕИ 1998 – Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подготовили А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. СПб., 1998.

ВОСПРИЯТИЕ РУССКИМИ КНИЖНИКАМИ XVI В. ПЕРВЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА.

Вторая половина XVI века - время появления на Руси первых грамматических трактатов. Можно говорить о достаточной известности этих сочинений. Как же воспринимали грамматическое учение книжники того времени?

Например, ученик Максима Грека Зиновий Отенский. Он прекрасно знал о существовании грамматик, по крайней мере, греческого и латинского языков. Мог сравнить родной и «книжный» языки с греческим.

Зная о существовании в других языках грамматических норм, новгородский монах не считал нужным для себя стремиться к какой-нибудь грамматической нормализации языка своих произведений. В трактате «Истины показание...» он замечает: «Языкъ убо нашъ ... философии и грамотики не имать; темъ же *просто* (курсив наш. - М.К.) глаголется въ нашемъ языке. Греческий же языкъ в таковыхъ обученъ есть, и Максимъ учень есть, и писа о семь, мною от такового учения»[1: 953]*.

Иоанн Вишенский, столь же ревностный защитник, как и Зиновий, чистоты «книжного» языка, но уже из Юго-Западной Руси, в послании князю Острожскому писал: «По диавольскому навождению славянский языкъ обмерзель многимъ: его не любятъ и хулятъ; но онъ есть плодоноснейший и любимейший Богомъ языкъ человеческий именно за то, что *нетъ на немъ ни грамматики, ни риторики, ни диалектики, ни прочихъ коварствъ диавольскаго тщеславия* (курсив наш. - М.К.): этотъ языкъ проводить къ Богу простымъ прилежнымъ чтениемъ безо всякихъ ухищрений: онъ созидаетъ въ насъ простоту и смирение ... Латинская злоковарная душа, ослепленная и насыщенная поганскими и гордыми догматами, Божия премудрости, разума духовнаго, смирения, простоты и беззлобнаго вместилища никакъ не можетъ»[2, 21]. Далее автор противопоставляет традиционную

систему обучения той, которая появляется в юго-западной Руси: «Не лучше ли тебе изучить часословець, псалтырь, апостоль, евангелие и другия церковныя книги, и бысть простымъ богоугодникомъ, и приобрести вечную жизнь, чемъ постигнуть Аристотеля, Платона и прослыть в сей жизни мудрымъ философомъ, а потомъ отойти в геену?»[2: 21].

Таким образом, мы можем сказать, что перед нами сознательный отказ обоих писателей ориентироваться на грамматики, хотя грамматическая мысль на Руси в то время уже развивалась.

С одной стороны, грамматические сочинения приобретают на Руси достаточную известность, с другой стороны, традиционное - грамматическое противопоставляются как божественное и дьявольское, простое от Христа и коварное от лукавого. Б.А. Успенский отмечает, что подобная убежденность древнерусских книжников никак не объясняется «простым невежеством — это вполне принципиальная и в общем последовательная позиция»[3: 20].

Теоретическое изучение славянского языка, его филологическое исследование началось в Юго-Западной Руси. Для этого были свои политические и исторические предпосылки. Там организовывались братские школы и создавались типографии.

Порядок преподавания был во многом заимствован из школ иезуитов. Наряду с другими изучаемыми предметами появился славянский язык. Для его преподавания потребовалось руководство, аналогичное тем, которые уже имелись, например, для древних языков - грамматика. То есть преподавание языка в школе впервые велось от правила к употреблению.

Кроме школ, были организованы и типографии. Для справщиков тоже потребовались образцы. Впервые в Юго-Западной Руси этими образцами стали не древние книги, в соответствии с которыми нужно было исправлять новые, а практические руководства, в которых говорилось о том, как должно писать. Традиционное употребление перестало быть безусловным авторитетом. Значит, книги, в том числе и Священное Писание, можно исправлять, руководствуясь правилами.

Появилась в это время и компромиссная точка зрения на обучение и постижение грамоты. Это взгляд князя Андрея Курбского и Василия Загоровского [см. подробнее 4: 101].

Сравнивая взгляды на язык и те принципы, которыми руководствовались Зиновий, создавая свои произведения, и Смотрицкий, создавая свою «Граматику», можно сделать вывод о том, что мы имеем дело с двумя разными типами рефлексии над языком. С одной стороны, это традиция, а с другой стороны, это рациональное обоснование.

Интересно, что ссылки на старину, на традицию как на источник истины, на авторитет встречались в то время и у грамматистов. Так, в рукописном сборнике, датированном 1622 годом (РГБ, ф. 229, ед. хр. 336, лл. 1–23), есть анонимная грамматика (подробнее о ней см. [5, 59–82]).

Автор книги мистифицирует читателя, приписывая авторство греческим мудрецам, реформаторам греческого алфавита. Автор пытается убедить своего читателя, что его грамматика была составлена за 500 лет до Р.Х. «Средневековый автор, открывая или создавая новое, вольно или невольно стремился представить свое новое как чужое старое. Не было убедительней довода, чем ссылка на авторитет далекого прошлого» [6, 20–21].

Нормированным церковнославянский язык стал только с появлением первых грамматик в конце XVI - начале XVII вв. Переход от узувального мышления к нормативному совершил менее чем через 50 лет с появлением и широким распространением не только в Юго-Западной Руси, но и в северных и в восточных частях страны первых грамматик.

Проанализировав данный материал, мы можем сделать вывод, что в XVI веке властвовала, с одной стороны, традиция, ориентация на уже известные образцы, а, с другой стороны, присутствует рефлексия над языком. На наш взгляд, это зрелость определенного типа культуры, которая пока еще не дерзает на что-либо новое.

Примечания

* Здесь и далее первоисточники цитируются по упрощенной орфографии.

Литература

1. Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1863.
2. Засадевич Н. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883.
3. Успенский Б.А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.) // Избранные труды. Т.2. М.: «Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. М.: «Школа «Языки русской культуры», 1998.
5. Кузьминова Е.А. Адаптация авторитетной юго-западнорусской грамматики в Московской Руси. // Эволюция грамматической мысли славян в XIV–XVIII вв. - М.: «Наука», 1999. С. 59–82.
6. Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск: изд-во «Университетское», 1984.
7. Воскресенский Г.А. Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия. М., 1890.

М. С. Крутова
Москва

О НАЗВАНИЯХ, ЗНАЧЕНИИ
И ГРАФИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ «ЯВНЫХ»
И «ТАЙНЫХ» НАДСТРОЧНЫХ ЗНАКОВ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ СПИСКОВ XIV–XVI
ВЕКОВ
ЖИТИЯ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО)

Изучение надстрочных знаков является актуальным для лингвистики вообще и для лингвистического источниковедения в частности. К этой теме в той или иной степени подробно обращались многие исследователи: А. А. Барсов, Р. В. Бахтурина, Л. Л. Васильев, В. С. Голышенко, К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев, В. А. Дыбо, А. А. Зализняк, Л. П. Жуковская, Е. Ф. Карский, В. В. Колесов, В. Мошин, А. И. Соболевский, И. И. Срезневский, В. Е. Ушаков, Т. Г. Хазагерев, И. В. Ягич и мн. др. В то же время до сих пор нет обобщающего исследования, описывающего все названия и позиции, значения и функции надстрочных знаков. В данной статье мы представляем результаты попытки проведения такого рода исследования. Имеющиеся в научной литературе сведения были дополнены нашими наблюдениями над текстами произведений, посвященных святителю Николаю Мирликийскому (переводные и оригинальные русские), так как они были издавна очень распространены в церковнославянской письменности.

Изучение надстрочных знаков имеет давнюю традицию. Интересно в данном случае обратиться к знаменитой книге Константина Костенечского «О словесех», а также к грамматическим трактатам, опубликованным И. В. Ягичем в книге «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» [Ягич 1896]. Константин Грамматик называл надстрочные знаки «знамения», а также «сила или верхняя сила, или по-гречески синтаксис» [Ягич С. 305]. Рекомендации по поводу правил постановки надстрочных знаков были разрабо-

таны им по образцу древнегреческих «эротимат». Во введении к книге он представил известные ему начертания надстрочных знаков. Наиболее ценными в его книге нам представляются главы 11–13, 15–17, 31. В них, в частности, он говорит о том, что над начальным гласным слова (**а, е, и, оу, ѡ, ѡа, ѡе, ѡю**) должна писаться дасия или апостроф для того, чтобы не было «слияния» двух слов в одно. Однако над буквами **ѣ, ѝ** эти надстрочные знаки не пишутся, так как, по его мнению, только невежды начинают слова с этих букв [Ягич С. 126–129]. Над буквой **ї** в середине слова пишутся «два зернца», а если она является начальной буквой имени собственного, тогда над ней пишется дасия или апостроф.

Константин Грамматик делает очень важное для нас замечание о том, что над согласными ставится надстрочный знак (титло) лишь в том случае, если они употребляются в качестве цифр, а в других случаях надстрочных знаков над согласными быть не может. Любопытно, как Константин Костенечский пытается объяснить это своим читателям. Он «сравнивает согласные с мужчинами, гласные же с женщинами, последние лишь дома, в присутствии мужей, не стесняются ходить без головного убора, так и гласные в сопровождении согласных остаются без дасии и апострофа; когда же женщины одне выходят из дому, покрывают головы, так и гласные в самостоятельном положении, в начале слова, нуждаются в дасии и апострофе. Но те же знаки обезобразили бы согласные, как женский убор голову мужчины» [Ягич С. 213]. О паерке он пишет, что тот ставится тогда, «когда в слове столкнутся два слога, восходящий и нисходящий (первый оканчивается согласною, второй начинается согласною), «как сторож или свидетель, предупреждающий «претыкание». Он размышляет о «силах гласу», т. е. об ударении. В частности, он говорит, что научиться этому можно «лишь по слуху, а не по письменем» [Ягич С. 223]. Константин Костенечский предлагал различать грамматические омонимы по ударению. Так, **ѡвнѣсе, очнѣсти** - глаголы изъявительного («повестного») наклонения, а глаголы **ѡвнѣсе, очнѣти** - глаголы повелительного наклонения. В сербском языке ударение употребляется для отличия возвратного местоиме-

ния от указательного местоимения: **ѡвнѣсе** - означает «явился», а **ѡвнѣсе** - означает «явил се».

Еще одним ценным источником для изучения надстрочных знаков являются русские грамматические трактаты XVI–XVII века, также опубликованные И. В. Ягичем. Часть этих трактатов включает в себя небольшие части труда Константина Костенечского, однако они значительно переработаны. В качестве примера грамматического извлечения из книги Константина Философа и Грамматика служат сочинения **«Сѣа словеса възвратцѣ, ѡзбранна ѡ книгы Константина философа и оучителя срѣзвскаго възвшаго при блгоучствѣмь деспотоу Стефану сѣоу стго княза Лазара»**, **«ѡ тои силѣ книжнѡи рече^м здѣ възвратцѣ ѡ силах глѣсѣ»**, в которые добавлены такие надстрочные знаки: **исо** [~], **сквады** [~], **камоура** [^], **кендима** [~], **прибыльца** [!], **кавыка** [<].

В грамматических сочинениях **«Книга глаголемага воуквы иже в началѣ ѡ грамматикѣм ѡ просодѣлахъ»**, **«Ѡ грамотникѣм инока Максима Грека стгорца обавлено на тонкословнѣ»**, возможным автором которых считается Максим Грек, выделяется 10 просодий - так там называются надстрочные знаки: **оксия** [`], **вариа** ['], **периспомени** [~], **макра** ⁻, **врахиа** [~], **дасиа** [^], **псили** [>], **апотрофос** ['], **ифен**, **иподиастоли**;

По функциям они разделены на четыре группы: 1) «силы» - по силе голоса, 2) «времена» - по длительности звучания, 3) «духы» - по качеству придыхания, 4) «страсти» - знаки препинания [Ягич С. 315].

В грамматическом трактате **«Вниман разумно»** (обычно в рукописях такова заметка на полях) также приводятся названия надстрочных знаков (здесь надстрочные знаки называются «писмяны безмолвныя», а также «верхняя сила»). Эти названия надстрочных знаков уже не заимствованы из греческого, как в рассмотренных выше случаях, а являются славянскими по происхождению: «остра», «тяжка», «покрышка», «долга», «кратка», «часта», «тонко разделение», «подделение», «соединение». Они разделяются по функциям на только на три группы с меньшим указанием самих знаков: «силы», «духы», «страсти».

В сочинениях **«ѡ верхнен силѣ еллинской»**, **«Ѡ еже како просодиа достоит писати и глаголати»** и др. [Ягич С. 412–460] наблюдается вариативность в греческих и славянских названиях надстрочных знаков, появляются и новые, тоже вариативные, названия, например, «звательница», «звательницѡ», «звателцо», «звателное», «звательная». Этот знак, как следует из объяснения в трактате, должен ставиться только над «звательными», то есть над гласными. Исходя из того, что в других сочинениях это славянское название соответствует греческому названию «псилъ», можно считать, что эти два термина дублируют друг друга и обозначают один и тот же знак [`]. Также находим в этом трактате указание на такие знаки: «меньшая звательная», или «апостроф» [^], и «великий апостроф». Чем эти два знака различаются, не очень ясно, но ставятся они над словом из одной буквы (междометием, местоимением).

В сочинении **«Книга глѣмага воуквы иже в началѣ ѡ грамматикѣм ѡ просодиах, ѡ еже како во стѣхъ книгѣх каждѡ пословица писати и глѣти»** [Ягич С. 442–443], надстрочные знаки, называемые там просодии, по функции разделяются на 10 групп: 1) «протяжение», 2) «ударение пословицы», 3) «множественное», 4) «единственное», 5) «мужское», 6) «женское», 7) «тонкогласное», 8) «дебелогласное», 9) «клонительное», 10) «в таине объявительное».

Как видим, надстрочные знаки могли обозначать долготу звука, могли маркировать ударный слог, при их помощи можно было отличить единственное число от множественного, женский род от мужского, ударный слог от безударного, так мог обозначаться определенный падеж.

Имеется также некая тайная функция надстрочных знаков, которая, к сожалению, в трактатах не объясняется, но упоминается в сочинении **«Написание языком словенским о букве и о ея письменех, рекше о азбуце и о ея слове разсуждение и свидетельство»**, в котором при перечислении надстрочных знаков говорится о малой вари и малой оксии, которые ставятся тайно [Ягич С. 355].

В современной научной литературе также нет единства в названиях надстрочных знаков и определении их функций.

Литература по этому вопросу весьма обширна. Надо сказать, что во многих учебниках по церковнославянскому языку и палеографии высказывается мнение о том, что расстановка надстрочных знаков «не отражала звуковые стороны русской речи и сейчас не всегда можно представить их нагромождение» [Чаев С. 160], что «большинство из них практического значения не имели» [Тихомиров С. 11]. С этим мы согласиться не можем.

Как нам удалось установить, в рукописях XIV–XVI вв., содержащих произведения о святителе Николае Мирликийском, надстрочные знаки расставлены в соответствии с графическими позициями: 1) начало слова, после гласного в середине слова; 2) после согласного на конце слова; 3) после гласного на конце слова, 4) между согласными; 5) над однобуквенным словом из гласного (союзом, предлогом, местоимением). Графика надстрочных знаков не может рассматриваться вне фонетики, ибо основными принципами русской графики являются фонематический и позиционный [Касаткин С. 260]. Характер постановки надстрочных знаков в рукописях XV–XVI веков свидетельствует о довольно четко организованной графико-фонетической системе. Надстрочные знаки обозначают позицию фонемы в соответствии с позиционным принципом графики, который «заключается в том, что фонемное соответствие букве может быть установлено только с учетом ее позиции - соседних букв и других графических знаков. Позиционный принцип проявляется в тех случаях, когда буква многозначна или передает не все содержание фонемы» [Касаткин С. 261].

Действительно, как это проявляется в известных нам рукописях? В списке Унд-258 в русских чудесах о чудище и о половчине писец использует следующие надстрочные знаки: псилль над начальной буквой слова, псилль над гласной после гласной в середине слова и после ь для обозначения йотации, но если такой гласный находится в конце слова, то над ним ставится вария, сочетание тонкого придыхания и острого ударения ставится над начальными над гласным между согласными. Однако над ними, видимо, с целью постановки акцента, ставилась иногда оксия.

Такая же система постановки надстрочных знаков в тексте списка Унд-572, только акценты в нем проставлены более последовательно, при этом знак акцента мог иногда сдвигаться к согласной, предшествовавшей акцентуанной гласной. Над начальным оу один из надстрочных знаков, тонкое придыхание или острое ударение, мог утрачиваться (оу̀возѣмъ, оу̀видевъ): вместо сочетания тонкого придыхания и острого ударения над начальным гласным слова мог появляться знак исо, то есть сочетание тонкого придыхания и тяжелого ударения.

В списке Унд-575 наблюдаются те же основные закономерности, но есть и ряд отличий. Так, над начальными ѡу, ѣ, ѡа, ѡу, ѡа ставилась камора, а не псилль, возможно, это произошло в результате неразличения писцом этих близких по начертанию знаков. В то же время в предлоге ѡу́ и союзом ѡу̀во могло ставиться и сочетание псилля с оксией. Камора ставилась над ѣ и после гласного в середине слова. Прибавляется еще один надстрочный знак – апостроф (псилль под тяжелым ударением) в конце слова после гласного над ѡ, и, а также над союзом, начинающимся с ѡ. Над конечным гласным после согласного иногда встречается на месте псилля знак, напоминающий краткость: **постѣцаѡ** однако нам представляется, что это все-таки одно из начертаний псилля. Сравнительно-статистический анализ надстрочных знаков в Унд-575 свидетельствует об увеличении их количества в этой рукописи XVI века по сравнению с Унд-258 XV века но в то же время наблюдается вариантность в употреблении писцами некоторых знаков.

Постановка надстрочных знаков в списке Тр-788 практически совпадает с Унд-258, за исключением отдельных случаев. Так, над местоимением ѣ поставлен знак псилль под тяжелым ударением (хотѣѡ ѣ воспитати), больше акцентуанных слов (ѡсрацинъ, Никѡлу, ѡслѡша, имѡше, нѡци, скѡрѡзи, дѡлгъ, полѡтѡ и др.). В то же время в тех же словах в параллельных словах текста в списках Ег- 950, Больш-66 эти акценты отсутствуют. Над оу́ появляется кендема в слове сѡрѡѡѡѡ́ этот же знак есть в этом же слове и в списке Больш-66: сѡрѡѡѡѡ́, но в то же вре-

мя в списке Ег-950 в этом же списке этот знак вообще отсутствует.

Как видим, при общепринятой системе позиций поставки надстрочных знаков наблюдается вариантность в выборе самого знака: варьироваться могут псиль, камора, знак краткости; в случае неразличения писцом этих знаков они могут взаимозаменяться в тех же самых позициях. Над **ү** может ставиться сочетание псиля и острого ударения или только псиль (камора).

Закономерен вопрос, почему древнерусские книжники отмечали графические позиции? При отсутствии разделения текста на слова надстрочный знак над гласным начала или конца слова сигнализировал о том, что рядом стоящие слова нельзя произносить слитно. Знак над гласным, стоящим после гласного и в начале слова, свидетельствовал о йотации этого гласного, причем <j> не был ослабленным, как в современном русском языке, о чем свидетельствует регулярное проставление над ним надстрочного знака в указанных выше позициях. Таким образом, напрашивается вывод о том, что надстрочные знаки в сочетании со словами, над которыми ставились, в старорусском тексте, представляли собой нечто вроде современной фонетической или словофонематической транскрипции, однако представляли собой более совершенную, экономную систему обозначения непосредственно в читаемом тексте.

В процессе изучения диакритики текстов, содержащих произведения о святителе Николае, мы столкнулись с удивительным явлением – «тайной» постановкой надстрочных знаков.

Что значит «тайные» надстрочные знаки? К ним мы относим такие, которые проставлены незаметно для читающих, при помощи специальной техники. Это чрезвычайно мелкие надстрочные знаки, написанные обычными чернилами или кинноварью в заголовках (их можно увидеть только под сильным увеличительным стеклом). Они могут быть и обычного размера, однако написаны очень светлым составом, напоминающим по своей консистенции известь, иногда в него добавлялось вещество, напоминающее серебро. Во многих случаях эти знаки писались очень высоко над буквой. Обычно не только читатели, но и публикаторы текста не обращают на них внимания,

считая их брызгами пера, не имеющими никакой закономерности. Конечно, часть знаков в рукописи действительно интерпретирована как брызги пера.

Это явление «тайной» диакритики мы впервые десять лет назад зафиксировали в сборнике конца XIV в. из собрания Троице-Сергиевой лавры № 9, а затем отметили не только почти во всех известных нам списках жития святителя Николая, но и в других текстах духовно-богословского содержания, датирующихся концом XIV - концом XVI века. Для XVII века это явление довольно редкое и, видимо, архаичное, объясняемое, наверное, давними традициями скрипториев.

«Тайные» надстрочные знаки имеют давнее происхождение, об этом свидетельствует трактат «Написание языком словенским о букве и о еа писменех, рекше о азбуце и о еа слове разсуждение и свидетельство», опубликованный И. В. Ягичем.

Для какой цели нужна была «тайная» диакритика и для какой «явная»?

Произведения о святителе Николае находились в четырех книгах, следовательно, их должны были читать вслух. Слова друг от друга отделялись надстрочным знаком, писавшемся над первой или последней буквой слова или между ними. «Тайно» обозначалось иногда и ударение, смягчение согласного и др. Однако книги не только читались, но и должны были служить источником, с которого последующие поколения писцов делали списки. Таким образом, книгу использовали и писцы, и чтецы. И то, что было предназначено для будущих переписчиков, было в ней обозначено «тайно», чтобы не загромождать рукопись, не перенасыщать ее излишними сведениями.

Можно предположить, что явная диакритика нужна была для чтецов, а тайная для писцов. Никто, кроме писцов, и не мог знать о «тайно объявляемых» знаках вари, дасии, о которых говорится в опубликованных И. В. Ягичем трактатах. Даже сам И. В. Ягич не знал, похоже, об этом, так как сведения о правилах тайной диакритики оказались для нас со временем утраченными. Комментируя опубликованные им древние славянские грамматические сочинения, ученый высказал соображение, что малая вари и малая оксия, о которых говорится, что они тай-

но объявляются, особым знаком в рукописях не изображаются [Ягич С. 507].

Самый ранний известный нам список с тайной диакритикой - пергаменный список конца XIV века из собрания Троице-Сергиевой Лавры (ф. 304, № 9; далее Тр-9).

Тайные надстрочные знаки в Тр-9 часто обозначены коричневыми чернилами или светло-серым блестящим веществом, иногда темно-серым густым веществом с добавлением вещества, напоминающего серебро, а в заголовках – киноварью. «Тайными» надстрочными знаками, по-видимому, обозначаются мягкие или сонорные согласные **д, з, т, п, в, м, г**: **вонстинѣ, сътвориѣти, тамо, оудовлаютсѣ, чюдатсѣ, прииди, градѣ, памяти, по смѣрти, земли**. Вместо паерка для обозначения пропущенных редуцированных используются две точки, написанные одна выше другой под углом в 45 градусов: **по смѣрти, всѣ, власти (съ)твори, в латинѣ**. В то же время паерок может «тайно объявляться» запятой. Такие же две точки могут употребляться как знак ударения: **единно, тамо, ѿ градъ, вѣша**. В то же время ударный слог может обозначаться и одной точкой: **хвалъ, оудивлатсѣ, Николы створисѣ, Глѣва и др.** В возвратном глаголе над **сѣ** стоит точка, что свидетельствует о том, что в конце XIV в. **сѣ** воспринималось как местоимение, а не как возвратный суффикс: **исполнисѣ, оудивлаютсѣ, створисѣ**. В некоторых случаях поставлены два надстрочных знака над буквой: **и вижь, вѣ градѣ, ѿко**. Как видим, это служебные части речи: союзы, начинающиеся с гласного, и предлог, оканчивающийся гласным.

Вероятно, явный знак поставлен для чтецов, а тайный для писцов для обозначения служебной части речи. Не исключено, конечно, что часть надстрочных знаков обозначалась «тайно» и для того, чтобы потом обозначить их явно, если писец в процессе письма почему-либо был не уверен в том, какой знак ставить, а потом снимал возникший вопрос и возвращался к букве, тайно обозначенной, то ставил уже явный знак. Интересно, что в Тр-9 довольно регулярно (как явно, так и тайно) обозначается мягкость шипящих, которые к концу XIV в. считают-

ся отвердевшими: **Въшѣгороду, моужю, вѣша, лежить, нерушена, идѣже, вѣша, прежереченому. ѿ не оумѣюцие, реѿи**.

В сборнике Унд-258, конца XV века (л. 96-10) также устанавливаются некоторые закономерности в постановке надстрочных знаков. Как и в Тр-9, в сборнике Унд-258 «тайные» знаки в основном обозначены точками. Они стоят над согласными **т, в, р, г, н, д, з, ц**: **створите, ѿго, животѣ, дивнаѣ, вѣроу**. Они могут ставиться и между согласными вместо паерка: **воистину, оудивлаѣтсѣ, чюдатсѣ**. Над гласными «тайные» точки, видимо, обозначают ударение: **чю(до), тамо, оудивлаѣтсѣ**. «Тайными» надстрочными знаками могут быть и оксия или вария: **сътвори, всѣ**.

В сборнике Ег-950 преобладают «тайные» надстрочные знаки над «явными»: 46 «явных» и 82 «тайных». «Тайно» ставятся следующие надстрочные знаки: точка, две точки, паерок, вария. Точка ставится над согласными **в, ч, н, т, л, г, ц, ж, к**: **створи, чюдеса, тамо, села, Киевѣ, Глѣва, ходоцимъ, множеству**. Две точки одна над другой под углом в 45 градусов ставятся при обозначении ударения: **оудививсѣ, оудивлаѣтъѣ, дѣвнаѣ, грекы, Николѣ, Русь, оумножена, памяти, селъ, скажу, чюдеса**. Одной точкой также может обозначаться ударение: **многа, чюде(с), чюдеса, створисѣ, люди**. Вария может ставиться над последним гласным слова или над гласным между согласными для обозначения ударения: **слъшавъ, идѣже, чюдеса, Глѣва**. Пропущенный редуцированный обозначается запятой, точкой или двумя точками: **всѣ, всѣ, оудививсѣ, тоѿмо, власти, исполнисѣ, земли, праз(д)никъ**. Одна точка может стоять для разделения однобуквенных слов, например, союза **и**, предлога **в**.

Встретился также знак из трех точек над сокращенным словом **мчѣкѣ**.

В Тр-788, л.540 об. мы видим увеличение количества «явных» надстрочных знаков («явных» - 67, не считая титлов, «тайных» - 33). В Унд-575 «тайных» - 42 знака, а «явных» - 50. В Унд-572 в таком же по величине фрагменте из чуда о полочине (чудо о детище там отсутствует): 47 «тайных» и 33 «явных».

В Тр-788 явно ставится оксия и вария для обозначения ударения: **сѣтворі́, мно́га, дѣвна, грекѣ́, єдино́и, на ра́внаа̀, мно́жає̀, до́браа̀, па́мать.** Кендема ставится над односложными словами, над ударным слогом, а также вместо пропущенного **и́нѣ̀, в сѣрѣ́а(х), сѣ̀, бѣ̀, то̀, сѣ̀ дѣ̀внѣ́и, житі́е.** Регулярно встречается исо над начальным **оу́**, часто ставится над гласными: **о, о, и, ѿ** (но варьируется в ряде случаев с псилем): **о̀у̀трово́зы, ѿ́нѣ̀, ѿ́нѣ̀, ѿ́ко, ѿ́ма** (ср.: **о̀у̀ставленѣ̀, ѿ́ного, ѿ́ко, ѿ́ди**). Звательце употребляется, как обычно, над гласными начальными йотированными гласными: **слѣ́шаа̀ше, ѿ́го.** Изредка встречается точка над начальными согласными слова: **в лати́нѣ̀, гла́ѿи,** а также над **са̀ и́сполниса̀.** В позиции над йотированными гласными изредка встречается чашка: **моєа̀.** Этот знак может ставиться и над **ѹ́** в начале слова: **ѹ́дивитса̀.** В начертании состоящего из двусложного знака исо знак псиле может иногда передаваться как сочетание двух прямых черточек - вариет вместо псиле, возможна также замена псиле в этом сложном знаке точкой: **о̀удивляю́тса̀, о̀умно́жена.** Этот же знак пишется над гласным в середине слова, когда новый слог начинается с гласной, входящей в состав другой морфемы: **вѣ́йстинѣ̀, вѣ́ѿбражаемо̀,** а также в других случаях: **бѣ́ѿнѣ̀.** Над односложными местоимениями ставится апостроф: **вѣ́бслѣ́ѿю.**

Тайные надстрочные знаки, как правило, проставляются точками, изредка появляется вария: **и по смѣ́рти, приспе́.** Точка ставится над гласными и согласными. Над гласными для обозначения ударения ставится одна точка: **дѣ́ти`це, сѣ́дѣ`а, єди`нои, Нико`лы, ство`ри(с), вс`а, чю`деса.** Или две точки над двубуквенными словами (частицами и местоимениями) вместо кендемы: **не` `токмо, ни` `села, вѣ́`.** Над согласными ставится в следующих позициях. Над [н] перед лабиализованным носовым верхне-средним **ж**: **вѣ́нстин`ж.** Над отвердевшим шипящим [ж] встречается точка, видимо, для обозначения мягкости: **вѣ́ ж`ивотѣ́.** Интересно, что в названии жития св. Николая в списке Тр-788 встречается написание **Нѣ́колѣ́,** указывающее на твердое произношение согласного [н] (кстати, над

ним не стоит надстрочный знак). Этот факт, по-видимому, свидетельствует о том, что для писца было в основном характерно твердое произношение согласного [н], возможно, чтобы не забывать о том, что этот звук в определенных позициях должен произноситься мягко, писец ставил тайный надстрочный знак. Над [ч'] ставится точка, свидетельствующая о мягкости: **ч`юдеса.** Встречается точка над одним из двух рядом стоящих согласных для обозначения пропущенного редуцированного: **сѣ́т` ворн.** Иногда встречается одновременная постановка диакритического знака явно и тайно над одной и той же буквой в односложном слове: **и по смѣ́рти** (явно поставлен псиле, а тайно вария). Или: **в` Киевѣ́, вѣ́ єди`нои.** Предполагаем, что явный знак нужен был чтецам, а тайный писцам для обозначения начала слова, а возможно, и для обозначения качества звука.

Надстрочные знаки в Унд-572 также характеризуются целым рядом особенностей. Ударный слог обозначается знаком вариет, оксии или кендемы: **зрѣ́ци(м), дивѣ́щимса̀, в Рѹ́си.** Иногда знак ударения сдвигается писцом вправо, ближе к согласной: **мѣ́ыслию, помо́гаше, во (ѿ)рѣ́ахѣ́.** Йотация обозначается вариетом или звательницей: **враті́е, помога́а̀, ѿ́збавля́а̀, мѣ́ысли́ѿ.** Среди надстрочных знаков этого сборника преобладают точки. Они ставятся над гласными, возможно, с целью обозначения ударения или йотации: **враті́е, посл`оу́шайте, смѣ́ы`сленѣ́, Нико`лѣ́, пога`нѣ́хѣ́.** Встречается кендема: **сиречь,** оксия: **нахо́женна̀,** чашка для обозначения краткости: **на Киѣ́вѣ́.** Над согласными ставятся точки, основная их функция - обозначение мягкости. Этим знаком обозначается мягкость согласных [н, л] перед гласным переднего ряда [э]: **прин`есеніе,** а также [н, к, т, д] перед гласными переднего ряда [е, і]: **Н`иколѣ́, К`иѣ́вѣ́, врат`иѣ́.** В то же время обозначаются в середине слова смычно-проходные переднеязычные [н, л] и взрывные заднеязычные [к, г] перед гласными среднего ряда непереднего подъема [о, ѳ]: **нек`оѣ, н`ашего, цѣ́л`омѹ́дрѣ́, Иван`ѣ́.** Перед гласным непереднего ряда нижнего подъема [а] обозначены точкой переднеязычные согласные **хт, нѣ́, н`ашего, тат`а-ри(не).** Над шипящим [ш] перед гласным непереднего ряда [а],

который считается к этому времени отвердевшим, встречаем точку, вероятно, обозначающую мягкость: **посоуш[°]антѣ**. Над мягкой аффрикатой [ч'] встречаем «точку мягкости» в соответствии с традиционно установленными фонетическими закономерностями периода XIV-XVII века [Горшкова, Хабургаев С. 78].

Отличается ли характер постановки надстрочных знаков в русских по происхождению произведениях, южнославянских и переводных с греческого? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы рассмотрели по спискам киевские чудеса о детище и о половчине, житие святого Николая (разных типов) и слова на перенесение мощей святителя Николая (южнославянского происхождения, как предполагают некоторые исследователи). В большинстве случаев мы видим, что характер постановки надстрочных знаков во всех этих произведениях, находящихся в одном сборнике, одинаков. Однако иногда наблюдаются и отклонения от этого правила, как например в сборнике Унд-258. Так, в житии святителя Николая в этом сборнике (лл. 15–19 об.) почти нет «тайных» надстрочных знаков, преобладают «явные». Начертание псilia отличается вариантностью: он может быть в виде горизонтальной запятой, повернутой хвостиком влево; или в виде обычной запятой, но точки без головки у основания; или с точкой внизу, но тонким хвостиком вверх; возможен знак, одинаковый по ширине, как бы не имеющий головки и хвостика, похожий на полукрышечку, лишь с правой частью, без левой: **и, и, ѿ**. Вария почти горизонтальная, почти параллельная строке и лишь слегка приподнимается верхним левым краем линии. Ударение чаще обычного обозначается вариет: **Твоего, поѿ, Твое, егѡ, въ средоу, возлюбн(х)**, а иногда двойной вариет: **до двою часу, стрзюю**. Однако ударение может изредка обозначаться и оксией: **Николѣ, видевше, рбдителя**. Вария ставится и над последним гласным слова, если он йотированный: **Твои, ѿдиною, проавьла, полагаѿ, оучениѣ**. В то же время над начальными гласными слова и гласными после гласного в середине слова для обозначения йотации остается звательница: **своею, ѣму, проснише, юже**. Над начальными нейотированными гласными в слове ставится звательница в ви-

де псilia: **Акаласинскѣ, йма**. Над начальными **оу, ѡ, ѡ** ставится исо: **Сбразѣ, дѣво, ѡлтарь**. Точка ставится тайно и довольно редко (в сравнении, например, с чудом о детище): **именѣ, причте же, сѣтрын, постави, на слоужѣвоу, ста рѣнишина**.

Приведенные примеры свидетельствуют, что писец знал о таких основных функциях точки, как постановка ее вместо паерка, обозначение ею ударения, обозначение мягкости, как знак, отделяющий слово, оканчивающееся на гласный от слова, начинающегося с согласного.

В Сказании о перенесении мощей святителя Николая из Мир в Бар град надстрочные знаки такие же, как и в только что рассмотренном житии этого святого. Однако в киевских чудесах о детище и половчине надстрочные знаки отличаются от тех, что находим в житии и сказании о перенесении мощей. Здесь «тайные» знаки преобладают. Ударения ставятся почти в каждом слове, оно обозначается точкой справа сверху над гласной: **сѣтелѣ**. Вария также ставится над последним гласным слова, если он йотированный. Однако нет случаев обозначения ударения двойной вариет. В нескольких случаях вместо паерка присутствует точка: **кѣ полатникоу**.

Таким образом, наши наблюдения над надстрочными знаками приводят нас к следующим выводам:

1. Надстрочные знаки представляют собой не бессмысленное «нагромождение» знаков (как иногда представляется авторам учебников), а они имеют определенное графико-фонетическое значение.

2. Графические знаки в рукописях XV–XVI веков ставятся почти исключительно над гласными и обозначают следующие позиции: начало слова, после гласного, после согласного, между согласными, в конце слова, над союзом.

3. В этих позициях над гласными ставятся вполне определенные надстрочные знаки: псиль в начале, конце слова, после гласного и над союзом; сочетание тонкого придыхания и острого ударения над начальными гласными **оу, ѡ, ѡ**; острое ударение как обозначение ударного гласного; тупое ударение для

обозначения йотированного гласного, находящегося после гласного в конце слова.

4. Эти надстрочные знаки могут заменяться похожими (псиль - камора), а также частично утрачиваться, если писец не вполне отчетливо представлял причину, по которой он ставил надстрочные знаки, считая их лишь атрибутом графического оформления текста.

5. В рукописях XV–XVI веков наблюдается большее количество надстрочных знаков по сравнению с более ранним периодом, что свидетельствует об осознанной грецизации русской графики. Исследованные нами рукописи не дают возможности говорить о южнославянском влиянии на русскую диакритику, ибо в южнославянских рукописях надстрочных знаков намного меньше. Здесь мы имеем дело с осознанным перенесением на русскую почву греческих надстрочных знаков. Это совпадает с наблюдениями Л. П. Жуковской о характере письменности в указанный период.

6. Грецизация диакритики появилась не вследствие слепого копирования греческих текстов, а в результате заимствования чужих, греческих знаков для решения насущных нужд русского языка: обозначения графических позиций, обозначения многозначных фонем, обозначения акцента. Таким образом, несмотря на свою «инострannую одежду», надстрочные знаки выражали суть русских языковых явлений в логичной, довольно последовательной (несмотря на варьирование их графического выражения по спискам), четко организованной графико-фонематической системе. О том, что это не чуждое русскому языку явление, свидетельствует и тот факт, что надстрочные знаки ставились не только в переводных текстах, но и в русских текстах, каковыми, например, являются киевские чудеса о детище и о половчине.

7. Надстрочные знаки в сочетании со словами, над которыми ставились, в старорусском тексте представляли собой нечто вроде современной фонетической или словофонематической транскрипции, однако являлись более совершенной, экономной системой обозначения непосредственно в читаемом тексте.

8. В русских рукописях XIV–XVI вв., как показали наши исследования, существовали два вида надстрочных знаков: «явные» и «тайные». «Явные» знаки ставились в рукописях для чтецов, читавших четьи книги вслух, а «тайные» могли предназначаться для писцов, которые помечали для себя или для последующих переписчиков случаи, вызвавшие у них сомнения, затруднение, а возможно, тайно ставились надстрочные знаки для сохранения исчезающих орфоэпических норм.

9. Если «явные» надстрочные знаки были написаны обычным способом, то «тайные» обозначаются особым способом с использованием особых светлых веществ, напоминающих извесь или серебро. В большинстве случаев «тайные» знаки обозначены очень тонким пером, знаки настолько малы, что видны только под сильным увеличительным стеклом.

10. «Тайные» надстрочные знаки количественно превышают «явные». Интересным представляется тот факт, что писцы в конце XIV века обозначают мягкость шипящих согласных, считающихся к тому времени отвердевшими. Достаточно регулярно обозначается и мягкость согласных перед [э].

11. Поскольку науке не был ранее известен факт существования тайных надстрочных знаков, то это лингвистическое явление должно быть всесторонне изучено лингвистами-медиевистами, и в первую очередь, акцентологами, фонетистами.

12. Факт обнаружения «тайных» надстрочных знаков в «массовой литературе», каковой являются четьи книги, имеет особое значение, так как свидетельствует не о единичном явлении, а о явлении распространенном, отражающем произношение не одного или нескольких, а многих людей, живших в указанный период. Думается, что исследования в этом направлении могут во многом изменить наши представления о произношении и ударении в период кон. XIV–XVI вв.

Литература

Абакумов 1948 – Абакумов С.И. Вопросы пунктуации в трудах русских книжников XV–XVIII в. // Уч. зап. МОПИ. Т. 12. Труды каф. рус. яз. Вып. 1, 1948. С. 1–32.

Алипий 1991 – Алипий, иером. (Гаманович). Грамматика церковно-славянского языка. М., 1991.

Барсов 1981 – Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. М., 1981.

Булатова 1973 – Булатова Р. В. Надстрочные знаки в южнославянских рукописях XI–XIV в. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973. С. 76–114.

Васильев – Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. К вопросу о произношении звука **о** в великорусских наречиях // Русский филологический вестник. Т. 78. № 3–4 (1917), 1918. С. 156–186.

Гольштенко – Гольштенко В. С. Немаркированные буквенные знаки и их передача в лингвистических изданиях // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 58–68.

Горшкова, Хабургаев – Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 359 с.

Дыбо 1969 – Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения // ВЯ, 1969. № 6.

Дыбо 1978 – Дыбо В. А. Опыт реконструкции системы праславянских акцентных парадигм // Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра филолог. наук. М., 1978.

Зализняк – Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Жуковская 1982 – Жуковская Л. П. О втором южнославянском влиянии // Die slawischen sprachen. Referate des 1 Salzburger slawistengesprachs Probleme der Bulgaristik (Salzburg, 25–28 November 1982). Т. 2. Wien, 1982. P. 131–144.

Жуковская 1983 – Жуковская Л. П. Апракос Мстислава Великого - рукопись конца XI (рубежа XI - XII) века // Апракос Мстислава Великого / Отв. ред. Л. П. Жуковская. М., 1983.

Кандаурова – Кандаурова Т. Н. К истории древнепсковского диалекта XIV в.: (О языке псковского Пролога 1383 г.) // Труды Института языкознания. М., 1957. Т. 8.

Карский – Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. Переизд. с изд.: Л., 1928.

Касаткин 1989 – Касаткин Л. Л., Л. П. Крысин, М. Р. Львів, Т. Г. Терехова. Русский язык / Под ред. Л. Ю. Максимова. Ч. 1. М., 1989.

Князевская – Князевская О. А. К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в.: (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.) // Труды института языкознания. Т. 8. М., 1957.

Колесов 1972 – Колесов В. В. История русского ударения: (Именная акцентуация в древнерусском языке). Л.: ЛГУ, 1972.

Колесов 1973 – Колесов В. В. Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV–XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973.

«Лаодикийское послание» Феодора Курицына // Н. А. Казакова и Я. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–XVI века. М.; Л., 1955. С. 256–277.

Миронова – Миронова Т. Л. Графика и орфография рукописных книг киевского скриптория Ярослава Мудрого. М., 1996. 81 с.

Мошин – Мошин Владимир. Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Белград: «Кочо Рацин». Скопје, 1966. 160 с.

Мошин 1973 – Мошин В. А. Палеографическо-орфографические нормы юго-славянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». Вып. 1. М., 1973. С. 43–75.

Соболевский 1948 – Соболевский С. И. Древне-греческий язык: Учебник для высш. учеб. зав. М., 1948.

Срезневский 1867 – Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): Общее палеографическое обозрение с палеографическими указателями и выписками из подлинников и из других списков / Изв.АН. СПб, 1867.

Срезневский 1885 – Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв. СПб., 1885.

Сумникова 1960 – Сумникова Т. А. Чудовской сборник XVI в.: (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского сборника N 264) // Материалы и исследования по истории русского языка и письменности. М., 1960. С. 118–176.

Трубачев 1992 – Трубачев О. Н. В поисках единства. М.: Наука, 1992. С. 173–176.

Ушаков 1975 – Ушаков В. Е. Акцентологический словарь древнерусского языка середины XIV в. // Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975. С. 263–321.

Ушаков 1982 – Ушаков В. Е. Акцентологический словарь древнерусского языка сер. XIV в. М., 1982.

Хазагеров 1973 – Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.

Худаш Абашина – Знаки препинания в освещении восточнославянских грамматиков XVI–XVII вв. в практике современного им славянского книгопечатания // Східно-слов'янськи граматики XVI–XVII ст.: Матеріали симпозіуму. Київ: Наукова Думка, 1982. С. 74–77.

Черепнин 1956 – Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956.

Щепкин 1901 – Щепкин В. Н. Рассуждения о языке Саввиной книги, с приложением 2-х фототипических снимков с рукописи Саввиной книги/ Сб. ОРЯС Имп. АН. Т. 67. СПб.: Тип. Имп. АН, 1901. С. 1–139.

Щепкин 1967 – Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. 220 с.

Ягич 1871 – Ягич И. В. История сербо-хорватской литературы (Древний период с VII до конца ЧШМ .в.). Казань, 1871.

Ягич 1882 – Ягич И. В. Образцы языка церковнославянского: (по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности) / Сост. И. В. Ягич // Specimina Linguase palaeoslovenicae. СПб.: Тип. Имп. АН, 1882. 147 с.

Ягич 1896 – Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке: (Собрал и объяснил орд. ак. И. В. Ягич). СПб.: Тип. АН, 1896. 355.

Кузьминова Е.А.
Москва

ИЗДАНИЕ ГРАММАТИК ЛАВРЕНТИЯ ЗИЗАНИЯ И МЕЛЕТΙΑ СМОТРИЦКОГО

В 2000 г. на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова было осуществлено новое издание грамматик церковнославянского языка Лаврентия Зизания «**Грамматѣка Словенска Съвершѣнна**» искусства десми частей слова, и ноньх нуждных (Вильна 1596) (далее ГЗ) и Мелетия Смотрицкого «**Грамматѣки Славѣнскии правилое Сѣнтагма**» (Евье 1619) (далее ГС) [Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А.Кузьминовой; предисл. Е.А.Кузьминовой, М.Л. Ремнёвой. М.: Изд-во МГУ, 2000].

Как в плане фиксации книжной нормы, так и в плане разработки принципов описания языка ГЗ и ГС являются важнейшими памятниками славянской грамматической традиции. Возникшие в целях охранительной нормализации церковнославянского языка в Юго-Западной Руси, ГЗ и ГС имеют ключевое значение для реконструкции языкового сознания книжников конца XVI–XVII в. Систематизируя нормативные формы, выдвигая правила их образования и идентификации, грамматика концентрирует в себе наиболее специализированное знание о языке, понимание структуры языка его носителями, эксплицирует языковой идеал социума. Одновременная фиксация в грамматическом описании языка и мысли о языке, составляющая специфику жанра, делает грамматику потенциально неисчерпаемым источником для истории церковнославянского языка, что и определяет актуальность предпринятого издания. Своевременность данной публикации мотивирована также и тем, что не только первые издания грамматик, но и их научные переиздания, осуществленные в нашей стране и за ее пределами (например, издания, подготовленные Г.Фрайдхофом в 1972 г., О.Горбачем в 1974 г.,

В.В.Нимчуком в 1979 г. и 1980 г.), стали библиографической редкостью.

Настоящее издание помимо текстов грамматик, публикуемых с максимально точным соблюдением орфографии и пунктуации первых изданий 1596 г. и 1619 г., содержит научно-справочный материал, необходимость которого обусловлена отсутствием до настоящего времени адекватной интерпретации данных грамматических сочинений. Представленный в книге научно-справочный комплекс включает вступительную статью и три указателя: 1) указатель лингвистических терминов, который может быть положен в основу «Словаря славянских лингвистических терминов XV–XVII вв.»; 2) указатель слов и словоформ, использованных авторами грамматик в качестве примеров; 3) указатель цитат из Священного Писания.

Во вступительной статье рассматривается история создания грамматик, определяется круг их источников, выявляются нормализаторские установки их авторов, анализируются особенности представления языкового материала, прослеживается бытование грамматик во времени и пространстве.

Источниками публикуемых грамматик церковнославянского языка были грамматические описания греческого и латинского языка. Стремление вписать славянский язык в некоторую априорную схему связано, с одной стороны, с присущим тому времени универсализмом представлений о языке, с другой, с вопросом о достоинстве (*dignitas*) церковнославянского языка, с *questione della lingua* в рамках *Slaviae Orthodoxae*, актуальным для восточнославянской книжности XVI–XVII вв. [Живов 1986: 92–93]. Л. Зизаний использовал греческую грамматику «Адельфотес» и латинские грамматики Доната, Меланхтона, Лупула, Басея и Урсина, а М. Смотрицкий обращался к греческим грамматикам Меланхтона, Ласкариса, Крузия и латинским грамматикам Доната, Диомеда, Меланхтона, Линакра, Альвареса. Л. Зизаний и М. Смотрицкий синтрезировали греческую и латинскую грамматические традиции, однако использовали при этом разные способы их компиляции. М. Смотрицкий в соответствии с латинской традицией включает в состав частей речи «междометие», Л. Зизаний, напротив, в соответствии с греческой тра-

дицией выделял в составе восьми частей речи «различие». Следуя греческой грамматике Ласкариса, М. Смотрицкий различает три начертания глагола, Л. Зизаний же, как и польский латинист Басей, – два. Парадигма грамматической категории времени в ГС, как и в греческой традиции, включает шесть мест, в ГЗ, по аналогии с латинской грамматикой, – пять.

Необходимость приложения греко-латинских схем к славянскому языковому материалу мотивировала явление искусственной грамматикализации – появление в ГЗ и ГС искусственных парадигм и категорий (как, например, различение времен в инфинитиве, семичленная родовая классификация имени, введение в ГС особого разряда глагольных форм – причастодетия и т.п.).

В отличие от морфологии («этимологии») ГЗ и ГС, которая была принципиально новым явлением славянской грамматической мысли, орфография является наиболее архаичным и традиционным пластом в обеих грамматиках [Мечковская 1985]. Орфографическую позицию ГЗ и ГС характеризует стремление к семантизации знаков письма, во многом обусловленное тем, что основные трудности славянского письма были исторически связаны с выбором аллографов или дублетных букв. При этом в обеих грамматиках одним из основных принципов графико-орфографической кодификации является принцип орфографической дифференциации омонимичных грамматических форм. При помощи пар дублетных букв а – я и о – э Л. Зизаний предлагает различать совпадающие формы единственного и множественного числа. Идея орфографической дифференциации грамматических форм получит свою наиболее последовательную и полную реализацию в ГС, где по сравнению с ГЗ увеличено как число графических средств (о – ѿ, а – ѡ, е – ѣ, ү – ю, ъ – ѣ, и – ѣ, и – ї, ї – ѣ, и – ї – ѣ, оксия / вария – камора), так и число грамматических позиций, вовлеченных в противопоставление.

Содержащие лингвистическую систематизацию элементов, из которых строится текст, ГЗ и ГС были ориентированы на обучение активному владению церковнославянским языком. Именно такой тип знания церковнославянского языка культи-

вировался в ученых кругах Юго-Западной Руси и сознательно внедрялся в практику школьного образования [Успенский 1987: 265–271]. Будучи школьными учебными книгами, ГЗ и ГС были, однако, адресованы разным участникам учебного процесса: ГЗ – ученикам, ГС – учителям. Ориентация на разных адресатов определила ряд существенных структурных различий ГЗ и ГС. 1) Если ГЗ представляет собой своего рода «прескриптивный минимум», то ГС является «прескриптивным максимумом», который отличается большим объемом, большей разработанностью и детализированностью как самого языкового материала, так и системы правил и метакомментария. 2) Обращение к разной аудитории ГЗ и ГС предполагает и разный метаязык. В ГЗ использовано два метаязыка: к правилам, которые излагаются на церковнославянском языке, Л. Зизаний дает толкования на «простой мове», построенные по принципу упрощения языка дефиниций. Метатекст ГС, отличающийся не только большим объемом, но и большей изощренностью, написан на церковнославянском языке. 3) Адресуя грамматику ученикам, Л. Зизаний выбирает и особую форму ее изложения в школьных целях – катехизисную (вопросно-ответную), которая признавалась наиболее доходчивой формой обучения. М. Смотрицкий отказывается от подобной формы представления материала, используя диалог фрагментарно только в наиболее традиционной (и наименее оригинальной) вступительной части (2 первых листа из 252), содержащей определение грамматики и ее основных частей.

Граматики Л. Зизания и М. Смотрицкого являются значительным культурным явлением своего времени – времени «строительства грамматики» [Панченко 1996: 56], о чем, в частности, свидетельствует то влияние, которое они оказали на последующее развитие грамматических знаний, получив распространение не только в Юго-Западной, но и в Московской Руси.

Предпринятая публикация ГЗ и ГС открывает серию изданий славянских грамматических сочинений. Работа по подготовке к изданию московской редакции грамматики М. Смотрицкого 1648 г. ведется в настоящее время.

Литература

Живов 1986 – Живов В.М. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник: О книге: D.S. Worth. The Origins of Russian Grammar. Notes on the Russian Philology before the Advent of Printed Grammars (=UCLA Slavic Studies. Vol. 5). Columbus, 1983 // Russian Linguistics. 1986. № 10.

Мечковская 1985 – Мечковская Н.Б. Архаическое и новое в лингвистическом сознании одной эпохи (к характеристике восточнославянских грамматик XVI–XVII вв.) // Slavica Tartuensia. 1985. № 1.

Панченко 1996 – Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. XVII – начало XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 3.

Успенский 1987 – Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München, 1987 (Sagnerg Slavistische Sammlung).

С.А. Наумов
Санкт-Петербург

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о «поновлении» церковнославянских текстов путем замен отдельных слов или выражений на синонимичные, пожалуй, по своей актуальности и дискуссионности может сравниться разве что с вопросом о т.н. «русификации» богослужения. Попробуем затронуть некоторые стороны, аспекты указанной проблемы. Таких аспектов выделим семь: (1) форма существования замены, (2) заменяемое (что заменяется и почему), (3) заменяющее, (4) характер происходящих в результате замены изменений и их последствия, (5) авторы замены, (6) цели замены и, наконец, (7) способы и критерии производства замены.

1. Форма существования замены. Замены могут осуществляться в следующих формах:

1.1. В устной речи.

1.1.1. При произнесении без опоры на печатный текст (например, в чине исповедания вместо «**Ѡзъ же точію свидѣтель ѣсмь**» [см., напр.: Требник, 1882 С. 67] – «**Ѡзъ же толькв (толикв) свидѣтель**» [устная речь, г. Санкт-Петербург]);

1.1.2. При произнесении с опорой на печатный текст, напечатанный иначе (например, вместо напечатанного «**блѣжено чрево носившее тлѣ, ѡ сосца, ѡже еси ссальъ**» (Лук. ѡ, ѣз) читается «**блѣжено чрево носившее тлѣ, ѡ сосца питавшаа тлѣ**» [устная речь, Московская обл.]);

1.2. В книгах.

Замены как первой, так и второй группы могут носить окказиональный характер (например, замена в некоторых печатных изданиях **напрѡснѡ** [см., напр.: Молитвослов 2000; Православный..., б.г.] на **внезѡпнѡ** [см., напр.: Канонник 1994; Молитвослов... 2000] или **внезѡпѡ** [Молитвы... 1994]) или являться регулярной (в книжной сфере сюда прежде всего относится деятельность Комиссий по исправлению богослужебных книг [см. об

этом: Балашов 2000; Богослужебный...1999; Кравецкий, Плетнева 2001], в устной – наиболее распространенные из замен (см. пример из чина исповедания), разумеется, при условности границ между окказиональным и регулярным и наличием переходных и пограничных случаев.

Устные замены, свидетельствующие об актуальных процессах в рассматриваемой области и зачастую предсказывающие и определяющие тенденцию развития письменных замен, обычно выпадают из поля зрения исследователей по причине своей «текучести», но тем более нуждаются в записи, систематизации и анализе.

2. Заменяемое: объекты и причины замены. Объектом замены обычно являются:

Слова непонятные с точки зрения среднего и низкого стиля (**ны́рище, свѣдихъ**).

Слова, имеющие в других языковых состояниях русского национального языка иное значение (**напрѣснѣ, оудобрѣнїе**), нередко энантиосемичное (**прѣлестъ, пожрати // пожрѣти**) [большинство примеров приводится по: Богослужебный... 1999: 43], а иногда и табуированное (**бладивый**) [Дьяченко, 1993; Кравецкий, Плетнева 2001: 101].

Слова, имеющие в конфессиональных языковых состояниях других национальных языков (прежде всего греческого) параллели с другим значением, что может восприниматься как неточность перевода (**пи́ца**, если соответствует греческому **τροφ?** (наслаждение, нега) [Кравецкий, Плетнева, 2001: 101]).

Причиной, таким образом, являются возможные синхронические тезаурусные затруднения языковой личности, и в первую очередь с прямыми номинативными значениями слов; а также иное (по сравнению с предыдущими переводчиками) понимание контекстуальной синонимии и точности перевода.

3. Заменяющее. Существующая тенденция состоит в том, чтобы заменять слова указанных типов на синонимы из слоев церковнославянского языка, лежащих ближе к литературному языку. В этом случае встает еще один вопрос, требующий разработки, а именно вопрос о стратификации церковнославянского языка.

Часто заменяющие слова являются гиперонимами (**рѣка** вместо **десница**) или стилистически и экспрессивно нейтральными словами (или, во всяком случае, словами более нейтральными, чем те, которые ими заменяются). Иногда заменяемое и заменяющее связаны более сложными отношениями, затрагивающими не только лексическую парадигматику, но и синтагматику. Это происходит в том случае, когда трансформации осуществляются не в отдельной лексеме, а в рамках целой формулы [см., напр.: Колесов, 2002: 192]. Примером является замена **блжѣно чрѣво носившее тлѣ, и сосца, ꙗже еси ссалъ** (Лук. ѿ, ѳз) читается "блжѣно чрѣво носившее тлѣ, и сосца питавшаа тлѣ".

4. Изменения и последствия. Прежде всего здесь стоит вспомнить и помнить очень точные слова А.А. Потевни о том, что «язык можно сравнить со зрением. Подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все мирозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние каждой мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем незаменяемо» [Потевня 1993: 163–164]. По этой причине при замене лексической (или формульной) единицы даже на близко синонимичную можно ожидать (следовательно, нужно спрогнозировать и проанализировать) проекции возможных изменений в многомерном пространстве языка, суммарное изменение которых может произвести больший отрицательный эффект, чем непосредственно ожидаемый положительный результат замены.

В подавляющем большинстве случаев при синонимичной замене изменяется (4.1) **этимон**, т.к. чаще всего заменяющее не является однокоренным с заменяемым. Так, замена **оудъ – членъ** (притом, что корень последней лексемы присутствует в церковнославянском языке, хотя в словаре прот. Григория Дьяченко находим лишь **членѡвнѡа** 'челюсти' и **членѡкъ** 'сустав') влечет утрату семантики «снасти, сбруи, узды, уз», т.е. того, «что связывает, привязывает к земле, как нас привязывают земные уды – узы к плотским страстям» [Богослужебный... 1999: 38–39], например,

в контексте «оу́мертвѣте оубо оуды ва́ша, ꙗ́же на землѣ: блѣдъ, нечистотѣ, стра́сть, похотѣ ... ꙗ́ лихонманѣ, ꙗ́же ѣсть ѣдволослѣ жѣнѣ» (Колос. Г:Е). Изменение этимона влечет изменение (4.2) **дистрибуции** лингвистической единицы (в данном случае – корня), а значит и сети интертекстуальных отношений и связей в корпусе конфессиональных текстов, т.е. (4.3) **конфессионального интертекста** (в данной работе интертекст понимается в соответствии с [Наумов 2002б]).

В отношении сохранения тождества этимона есть редкие исключения, например, пара «живо́тъъ – жи́знь», но здесь различие лежит скорее в области терминологической (как в паре **ми́ръ – мѣръ**). Слово «живо́тъъ», образованное от основы настоящего времени, означает, так сказать, «просто жизнь», когда "человек жив" (состояние, противоположное смерти; одушевленность). Слово "жи́знь", образованное непосредственно от глагольного корня (т.е. в чистой идее существования) в сочетании с суффиксом абстрактного значения обозначает признаки и условия духовной жизни [Колесов 2002: 126]. Таким образом, подстановка "жи́знь" вместо "живо́тъъ" создает терминологическую путаницу и изменяет (4.4) **значение**, что не замечается при поверхностном взгляде.

Впрочем и при сохранении значения всегда изменяется (4.5) **смысл** (в основном, в сторону обеднения и стилистического снижения от высокого к нейтральному), а значит и система (4.6) **представлений**, выстраиваемых на смысле [Фреге 1997]. Ср. у В.В. Колесова: "Символ заменяется словом родового значения, гиперонимом, логическим вытесняется психологическое, то самое личное чувство каждого человека, которым одухотворяется жизнь и человека, и общества, и отдельного слова" [Колесов 1999: 147].

В силу формульности церковнославянского языка слова в нем имеют относительно дискретный характер [о дискретно-континуальном дуализме см.: Наумов 2002а], будучи включены в устойчивые единицы более высокого порядка – формулы (гласъ вопіюцагѡ въ пѣстыни, сѣъ члвчѣскѣй, ѿгнѣи срѣцѣмъ и т.п.), поэтому при замене отдельной лексемы целостность такой формулы может нарушиться. Однако и в случае адекватно-

го отражения ситуации формулы ("значения") ее (4.7) **пропозиция** ("смысл") зачастую меняется [Богданов 1996: 164]. Так, в цитированном выше примере "блѣ́ено чре́во носѣ́вшее тлѣ́, ꙗ́ сосца́, ꙗ́же ѣси́ ссалъ" – "блѣ́ено чре́во носѣ́вшее тлѣ́, ꙗ́ сосца́ питѣ́ваша тлѣ́" Богомладенец во второй части фразы из позиции агенса (ѣси́ ссалъ) переходит в позицию пациенса (питѣ́ваша тлѣ́).

Последствием массового накопления замен может стать (4.8) **новый раскол**, если вспомнить уроки раскола предыдущего, когда без изменения языка богослужения (что привело бы к образованию иного народа, см. [Наумов 2001]) была предпринята попытка массовых синонимичных замен при сохранении содержания (в богословской плоскости – обрядовых замен при сохранении догматики). Действительно, приведенные в табл.1 два примера показывают, что лингвистически произошедшие замены сродни тем, что могут произойти или происходят сейчас.

Табл. 1. Пример синонимичной замены при переходе от старого обряда

В старопечатных книгах	В современных книгах
Кáмени зна́менанѣ ѿ іюде́й [Часовник, 1652. - Л.26]	Кáмени запеча́танѣ ѿ іуде́й
Бѣ́е дѣ́о ра́дѣ́са, ѿбрадо́ваннаа мрѣ́е гѣ́ сто́бію. блѣ́ена ты въ́женáхъ. ѿблѣ́венъ плѣ́ чре́ва твоѣ́го. ꙗ́ко родѣ́лаѣси́ спса́, ѿзбавѣ́теля дѣ́ла(м) на́шимъ. [Русский..., 2000. - С.74]	Бѣ́е дѣ́о, ра́дѣ́са, блѣ́годáтнаа мрѣ́е, гдѣ́ съ то́бію, блѣ́госло́венна ты въ́ женáхъ ꙗ́ блѣ́госло́венъ плѣ́дъ чре́ва твоѣ́го, ꙗ́кѡ спса́ родѣ́ла ѣси́ дѣ́шъ на́шихъ.

5. Авторы замены. Рассмотрим данный аспект не с точки зрения конкретных персоналий (в разное время в этой области работали и крупные филологи, и видные деятели Церкви), а путем анализа характера замен с помощью предложенной Р.О. Якобсоном [Якобсон, 1975: 198] шестичленной моделью коммуникации (рис.1), за составляющими которой стоят определенные функции языка.

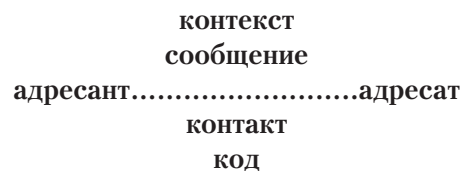


Рис. 1. Модель коммуникации Р.О. Якобсона

По каждой из составляющих коммуникации (в данном случае они функционируют как переменные уравнения коммуникации, значение которых может возрастать (обогащаться, уточняться, "+"), убывать (обедняться, опрощаться, размываться, "-") или оставаться неизменным (в этом случае переменные выступают как условные константы, "?")) происходят следующие изменения (см. табл. 2), учитывая, что общим направлением замен является прояснение прямых номинативных значений слов.

Для анализа данных таблицы, непосредственно оперирующих человеческим фактором (адресант, адресат), введем условную величину – "человек X" – разумея под ней такого средне-статистического человека, который закладывается как точка отсчета при заменах, призванных сделать текст более понятным.

Табл.2. Динамика изменений переменных коммуникации

№	переменная	функция языка	динамика	примечания
5.1	адресант	эмотивная	+*	при молитве
			?	при чтении
5.2	адресат	апеллятивная	+*	при чтении
			?	при молитве
5.3	контекст	констатирующая	+*	
5.4	сообщение	поэтическая	-	
5.5	код	метаязыковая	-	
5.6	контакт	фатическая	-	

* Если человек X – малоцерковленный или невоцерковленный.

Комментарии к табл. 2:

1. При молитве адресантом является молящийся человек X*, следовательно, при чтении молитвы он вернее (для себя самого) передаст свое эмоциональное состояние, сказав "грѣхъ мой предо мною ѣсть непрестанны", а не "грѣхъ мой предо мною ѣсть вынѣ". При чтении (например, при чтении Священного Писания) читающий не является адресантом, поэтому никакие замены в этом случае никаких перемен с адресантом не производят.
2. При чтении адресатом является читающий человек X*, который, вероятно, лучше поймет слово **погрѣзѣши**, чем **оуглѣбѣши**. При молитве адресатом является Господь, милость Которого можно призвать с помощью любых

лингвистических средств, при условии их адекватности коммуникативной ситуации.

3. Ясно, что человек X^* точнее поймет фразу "внєзѧпнѡ сѡдѧлѧ прїидетъ", чем фразу "напрѧснѡ сѡдѧлѧ прїидетъ".
4. Поэтическая функция языка при синонимических заменах (в силу причин, изложенных в п.4) претерпевает отрицательные изменения.
5. Факты объективного опрошения (в т.ч. и в научном отношении) языковой системы (игнорирование связей, замена двойственного числа множественным и т.п.) ведут к понижению смысловозначительной силы языка, что для профессионального языкового состояния особенно нежелательно, т.к. возникающая лингвистическая "подслепова-тость" создает почву для возникновения как минимум кривотолков, а в худшем случае – ересей.
6. Контактостанавливающая функция языка, казалось бы, должна оставаться константной, поскольку непосредственно зависит не от лингвистических средств и даже не от степени воцерковленности человека X , а от силы его обращения к Богу. Тем не менее, думается, фактор благоговейности также имеет здесь весомое значение, а на фоне перечисленных в пп.5.1–5.5 изменений становится очевидно, что основной вектор смещения коммуникации проходит в направлении рационализации всего процесса, т.е. приближения к ситуации, характерной для других языковых и этнических состояний (форм общественного сознания), где адресантно-адресатная схема реализуется в виде "человек – человек", "человек – животное" или "человек – неодушевленный объект" (например, "человек – машина"), поэтому фатическая составляющая также понижается.

Очевидно, что положительность синонимической замены в описанном ее виде всегда обусловлена степенью воцерковленности человека X (а именно обратно пропорциональна ей), что свидетельствует либо о миссионерской направленности работы авторов замен (что начало становиться все более актуальным по мере отпадения людей от Церкви, скажем, с XIX века), либо

о церковной периферийности самих авторов (что стало особенно актуальным в последнее время, с приходом не- и малоцерковленных ученых в сферу обработки церковнославянских текстов).

Кроме того, такая замена осуществляется исходя из рациональных (установка на контекст, т.е. сообщение суммы знаний о действительности) и эмотивных (передача сведений об эмоциональном состоянии адресанта), а не из апеллятивных (в случае 5.2 адресатом является сам читающий, т.е. трансформированную таким образом апеллятивную функцию можно рассматривать как разновидность эмотивной), фатических, поэтических и метаязыковых [Маслов 1998: 9] функций языка (т.е. более с механических и эмоциональных, чем с научных и богословских позиций), что приводит к выхолащиванию смысла и превращению поэтического и глубокого обращения к Богу в "руководство по эксплуатации духовности" или "аутотренинг".

Приходится заключить, что в настоящее время синонимическими заменами занимается во многих случаях лингвистическая и/или церковная периферия, а подчас и околонаучные и околоцерковные круги, а полнокровный научно-богословский синтез (в отличие от древних времен [Журавлев 2002: 115]) "члѡвѣка не ѧмать".

6. Цель замены. В качестве основного критерия и цели замены слов на синонимы выдвигается стремление сделать текст более понятным и/или приблизить по смыслу к греческому/еврейскому оригиналу. В первом случае, даже при адекватной замене, может оказаться, что проблема понимания лежит в области не языковой, а церковной компетенции индивидуума (то есть проблема упирается в положение того самого "человека X " на шкале воцерковленности), а во втором возникает сразу несколько сложных моментов, связанных как с проблемой наличия критически выверенных с лингвистической и канонической точек зрения греческих и еврейских текстов [Богослужбный... 1999: 16], так и с тем, что некоторые понятия в церковнославянском языке выражены лучше (ср. ц-слав. **воскрѣнїе** и греч. ἀνάστασις [Саблина 2000а: 38; Саблина 2000б: 149–150]). Так, славянское

воскрѣніе в силу ряда причин, связанных как с этимологией, так и с паронимической аттракцией (тем более характерной для церковнославянского языка, что это язык в сильной степени поэтизированный), включен в гнездо **крѣстѣ – крещеніе – хрѣтосъ**.

7. Способы и критерии замены. В настоящее время, по-видимому, не существует удовлетворительного и полного свода критериев того, в каких случаях осуществлять синонимическую замену и как (отдельные критерии, сформулированные ad hoc [см.: Балашов 2000; Богослужбный... 1999; Кравецкий, Плетнева 2001]). Очевидно, критерии эти можно разделить на следующие две группы (с приводимыми в качестве примеров-пояснений некоторыми возможными подгруппами):

7.1. Лингвистические (и шире – филологические) критерии.

7.1.1. Внутрilingвистические, учитывающие системные особенности церковнославянского языка и лингвистические особенности перевода.

7.1.2. Внешнелингвистические.

7.1.2.1. Учитывающие дистрибуцию соответствующих языковых единиц на всех территориях распространения и функционирования церковнославянского языка (в т.ч. у других славянских народов) и в других конфессиональных языках Православия. Для этих целей необходим корпус размеченных церковных текстов [работы в этом направлении уже ведутся: Библиотека...URL; Сообщество... URL].

7.1.2.2. Социоллингвистические, оперирующие социальными группами и прогнозирующие возможные социоллингвистические последствия той или иной замены.

7.1.2.4. Этнолингвистические, отслеживающие связи лингвистических единиц в языковой картине мира и менталитетом нации.

7.2. Богословские критерии, призванные следить за сохранностью догматической чистоты и канонической ясности текстов (так, запятая между **всѣмъ русскімъ** и **чюдотворецъ** свидетельствует о том, что **всѣмъ русскімъ** относится к названию кафедры соответствующего святителя, а не к масштабам чудотворений).

По, несомненно, более полному и разработанному перечню критериев обеих групп специалистами в соответствующих об-

ластях должны быть проанализированы возникающие при замене различия (как, например, показано в пп. 4–5), после чего должно быть произведено ранжирование критериев по степени приоритетности и только после этого может приниматься решение о целесообразности той или иной замены. Сам механизм осуществления любой замены должен быть проработан так, чтобы максимально ограничить субъективизм того или иного справщика, потому что не всякий справщик может быть направлен так же, как Симеон Богоприимец.

И, наконец, не следует также упускать из вида то обстоятельство, что всякая замена должна производиться централизованно (благо уровень развития книгопечатания позволяет это осуществить), ибо в данной высокоструктурированной области языковой дрейф (в духе Э. Сепира) всегда дивергентен, следовательно, если пустить дело "на самотек", появится и будет расти "разнобой" в церковных текстах, как при переписывании от руки.

Литература

Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению: Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века. М., 2000. URL: <http://www.kiev-orthodox.org/theology/books/balashov/naputi/index.shtml>.

Библиотека святоотеческой литературы. URL: <http://www.orthlib.ru>.

Богданов В.В. Моделирование семантики предложения // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С.161–200.

Богослужбный язык Русской Церкви. М., 1999.

Дьяченко Г., прот. Полный церковнославянский словарь. М., 1993 (репринт издания 1900 г.).

Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. М., 2002.

Канонник, или Полный молитвослов. М., 1994.

Колесов В.В. "Жизнь происходит от слова..." СПб., 1999.

Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002.

Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). М., 2001.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1998.

Молитвослов. К., 2000.

Молитвослов с каноном великим преп. Андрея Критского. М., 2000.

Молитвы на всякий день и час. М., 1994 (репринт издания: Молитвослов. Пг., 1915).

Наумов С.А. Структура национального менталитета // Материалы XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып.17. СПб., 2001. С.24–34.

Наумов С.А. О явлении дискретно-континуального дуализма // Материалы XXXI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов филологического факультета СПбГУ. Секция прикладной и математической лингвистики. Ч.1. СПб., 2002а. С.24–28.

Наумов С.А. Формализация интертекстуальных проявлений как метод системного моделирования текста // Современные подходы к интерпретации текста: Материалы межвузовской конференции. СПб., 2002б. С.91–97.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.

Православный молитвослов на церковнославянском языке. М.: Сретенский монастырь, б.г.

Русский первопечатник. "Азбука" Ивана Федорова 1578 г. М., 2000.

Саблина Н.П. Буквица славянская. СПб., 2000а.

Саблина Н.П. О методике преподавания церковнославянского языка // Школа в истоках православного расцвета России: Материалы всероссийской конференции. СПб., 2000б. С.141–150.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Сообщество славянской типографики. URL: <http://www.improvement.ru/fonts>.

Требник. М., 1882. Отсканированную версию см.: <http://www.librarium.orthodoxy.ru/trebnik/index.htm>.

Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М., 1997. С.25–49.

Часовник. М., ок.1652. (хранится: Владимиро-Суздальский музей-заповедник, см.: <http://www.museum.vladimir.ru/katalogy/rarity>)

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М., 1975. С.193–230.

О.В. Чевела
Казань

К ПРОБЛЕМЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА
ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ
В ВЫСШИХ ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ:
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ
В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ЦЕРКОВНО-ГРЕЧЕСКОМУ

В последнее время в связи с появлением новых учебных программ по древним языкам и изменившимся требованиям к поступлению в Московскую Духовную Академию достаточно остро встал вопрос и о методике преподавания древних языков в новых условиях. К сожалению, приходится признать, что ситуация осталась практически без изменения по отношению к середине XIX столетия: еще в 1863 году один из ревизоров по Смоленской духовной семинарии докладывал Святейшему Синоду, что необходимы коренные преобразования в области преподавания, тут же добавляя, что «никакими изменениями в преподавании не может быть искоренено предубеждение о ненужности знания языков».

Вопрос о целесообразности преподавания древних языков относится к категории «вечных вопросов». Отсутствие мотивации к изучению древних языков характерно и для нынешних воспитанников духовных семинарий. Если ни у кого не вызывает сомнений необходимость изучения церковнославянского языка, который является в определенной степени «языком специальности» для учащихся высших духовных заведений, то по отношению к греческому языку и латыни существует определенное предубеждение. Низкий уровень базовой подготовки по русскому языку, поверхностное знание европейских языков – все это также относится к факторам, затрудняющим усвоение программы по классическим языкам вчерашними выпускниками средней школы.

В некоторых высших духовных заведениях, в том числе и в Казанской духовной семинарии, изучение греческого языка

начинается одновременно с курсом церковнославянского, в I семестре, что создает благоприятные условия для осуществления междисциплинарного подхода и широкого применения сравнительно-исторического метода языкознания. Межъязыковые сопоставления, данные в системе, не только облегчают усвоение греческого языка, но и повышают мотивацию к его изучению. Нельзя не вспомнить слова митрополита Филарета, не утратившие и до нашего времени своей актуальности: «На что и преобразование, если им ничего нельзя достигнуть? Дело в том, чтобы сделать уроки в языках привлекательными и убедить в пользе обучения языкам. Для сего в преподавателе нужна не одна грамматика преподаваемого языка, но и филология, археология, история, сравнительное языкознание».

Одной из самых трудных для усвоения тем является *морфология глагола* в греческом языке, в особенности сложная система прошедших времен, *инфинитив и причастие*, не имеющие полной аналогии в грамматике современного русского языка. Проведение языковых параллелей между церковнославянским и греческим языками, общность лингвистической терминологии облегчает усвоение данной темы. Так, при объяснении *атрибутивной и предикативной функции причастия* целесообразно провести аналогию между краткими и полными причастиями в древнеславянском языке, пояснив, что *деепричастие* по происхождению является застывшей формой *краткого причастия*. Необходимо обращать внимание учащихся на сходные языковые процессы в развитии морфологической системы обоих языков – например, утрату форм *двойственного числа*.

Как известно, уже первые переводы с греческого оказали сильное воздействие на развитие семантики, словообразования и синтаксиса славянского языка. После же реформы патриарха Евфимия калькирование становится ведущим переводческим принципом, унаследованным впоследствии киевскими и московскими переводчиками и справщиками XVII века. В связи с этим проводить систематические сопоставления следует при изучении таких тем, как синтаксические конструкции *Acc.* и *Nom. Duplex, Dat.* и *Gen. Absolutus*. Субстантивация неопределенного наклонения с артиклем в церковнославянском языке -

особенность, совершенно чуждая славянскому языку и появившаяся в «буквальных» переводах евфимиевской эпохи (например, **за еже озлобитисѧ** – δια το κεκακισθαι), полностью обязана своим появлением влиянию греческого языка, как и конструкция **дательный социативный** (например, **свъзсхощаши тебе** – συνανιουσσαν σου, сравните более древний перевод **възсхощаши съ тобою**).

Серьезной проблемой является и то, что курс церковнославянского языка заканчивается уже в III семестре, тогда как греческий продолжает изучаться на протяжении еще трех семестров. Фактически, учащиеся успевают изучить только морфологию и частично синтаксис церковнославянского языка, не усвоив тонкостей семантики и особенностей стилистики новозаветных и в частности, литургических текстов, вызывающих особые затруднения у обучаемых. Эти задачи с успехом решаются на материале текстов на языке оригинала, одновременно обучаемые получают основы теории перевода и литературного редактирования.

Уже на начальном этапе работы над лексикой следует уделять внимание семантизации новых слов путем подбора синонимов, антонимов, обращая внимание на то, как передаются (или нивелируются) оттенки семантики в переводах на церковнославянский и русский языки. В качестве примеров можно привести синонимический ряд λαος, εθνος, δημος, πληθος, обратить внимание на диффузность системы эквивалентов в древних славянских переводах.

Особо следует остановиться на переводческих традициях главных переводческих школ, Охридской и Преславской, при передаче одних и тех же греческих соответствий.

Далее, при более детальном знакомстве с текстами различной жанровой структуры, можно говорить о роли синонимов и антонимов в организации текста - дублетах и триплетах, синтаксическом параллелизме и антитезе, антитетических сближениях и риторической амплификации (все эти задачи с успехом решаются на материале «Слова на Пасху» архиепископа Иоанна Златоуста).

Затруднения у обучаемых обычно вызывает и многозначность слов – в качестве примеров можно привести образцы неудачных переводов «все повернулись к Богу» (вместо «обратились»), ошибки при выборе эквивалентов, «сталкиваемых» в пределах одного контекста – например, фрагмент из Евангелия от Матфея (20:12), где в пределах одного текстового блока реализованы оба значения глагола ποιεω «работать; делать, творить».

Хочется отметить, что, критикуя нынешний «филологический» уклон в программах духовных семинарий и академий, многие забывают о традиционном понимании филологии не как частной науки, но как совокупности общих знаний, в том числе и лингвистических (введение в обиход слова φιλολογεус «ученый комментатор, схолиаст» принадлежит Оригену). В культовом, богослужебном тексте форма неразрывно связана с содержанием: этимология, многозначность слова, тропы и риторические приемы – все поставлено на службу смыслу и без знания древних языков невозможно во всей полноте воспринять богатство и глубину многомерного сакрального текста. Поэтому усиление роли древних языков в системе богословского образования представляется вполне оправданным и своевременным.

Литература

К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии: Богословский вестник, 1993, № 11–12.

Фокков Н.К. К чтению церковно-греческого текста: Киев, 1886.

ВОЗМОЖНОСТИ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.

Всякое явление, рассматриваемое в его истории, требует временной атрибуции. История языка не всегда дает возможность датировать появление той или иной языковой новации. Совершенно невозможно точно датировать языковые явления дописьменной эпохи.

Но и процессы, проходящие в эпоху письменную, не всегда поддаются датированию. Известно, например, что изменение 'e >'o (в условиях t'et >t'ot) не может быть точно привязано к определенному времени прежде всего потому, что не могло получить прямого отражения на письме. Ведь исконно в славянских языках после мягких согласных не был возможен звук [o], сочетания [t'o] в языке не было; значит, в древней славянской графике не было буквы для обозначения звука [o] после мягкого согласного. Важно и другое обстоятельство: новое языковое явление не сразу по своему возникновению отражается на письме. И длительность временного отрезка между новацией в языке и отражением ее в орфографии нам неизвестна.

Что же говорить о датировании праславянских процессов?

И в этом случае абсолютная хронология уступает место хронологии относительной.

Относительная хронология дает возможность рассматривать языковые явления в их последовательности, определять время процессов один относительно другого – решить вопросы временной последовательности процессов.

Для истории языка это важно. За вопросами «когда?», «что за чем?» неизменно следует «почему?» - а ответ на этот вопрос и есть историческое исследование языка.

История праславянского языка

1. Известно, что исконные *u-e* *ū и *ǔ на славянской почве не сохранились, изменившись *ū >у (ы), *ǔ>ь (делабилизация).

Но в праславянском языке появился «новый» ū в результате монофтонгизации дифтонгических сочетаний: *ou>ū и *eu¹>ǔ. «Новый» ū был долгим, как все монофтонги дифтонгического происхождения. И этот ū изменения в у не испытал.

Например: слав. мышь, *u-e* основа *mūs-
боудити, *u- e* основа *būd-
сухь, *u-e* основа *sous-
лоукъ (растение), *u-e* основа *louk-

Следовательно, можно определить относительную хронологию процессов: ко времени монофтонгизации *ou>ū процесс изменения *ū >у (ы) уже не был актуален. И общий вывод: переход количественных различий гласных в качественно-количественные предшествовал монофтонгизации дифтонгов, т. е. действию закона открытого слога.

2. В системе протославянских сибилантов различают *s и *š, последний – мягкий, соответствует *u-e* палатальному заднеязычному (ср. слав. *sьrd- - греч. kardia; слав. писати, съто и др.).

Изменения в ch в положении после ī, ĭ, ū, ŭ, ĭ, ĭ, ŭ, k, r пережил только *s, не изменился в ch согласный * š. Отсюда вывод: изменение *s>ch было раньше, чем утрата различия *s и * š; когда шел процесс *s>ch, *s и * š еще различались. Ср. факты:

*s>ch: *kostisū > kostičū
*sous- > souch-

*š: * pisatei (писать)

* tūšint- (тысяча) – изменения в ch нет, хотя есть условия для изменения.

3. Утрата различия *s и * š (совпадение *s s) произошла
* š

еще на праславянской почве и предшествовала изменению групп «согл. + j»: *s любого происхождения (<*s, * š) в сочета-

нии с j дал один результат - š'. Например: *nosja > noš'a; *pišjon (pišjon) > piš'Q.

4. Слав. *bēs- (бес). Знаем, что ě < oј, следовательно *boјs-? В этих условиях – после i – s должен был измениться в ch. Но такого результата у славян не находим. «Этимологический словарь» дает *boids-. В эпоху изменения *s > ch условий для этого изменения не было. Значит, *s > ch – до упрощения групп согласных (-ds- > s в данном случае), то есть до действия закона открытого слога.

5. Переходное смягчение заднеязычных согласных – палатализации.

а) I и II

I раньше, чем II. Доказательства.

I и II палатализации – это изменение заднеязычных в мягкие шипящие и свистящие в положении перед гласными переднего ряда.

I – изменение в шипящие перед всеми гласными переднего ряда - в системе исходной праславянской системы.

II – изменение в свистящие перед гласными переднего ряда i и ѣ дифтонгического происхождения.

*gena, слав. жена – I

*nogoј > nogě, слав. нозѣ

В последнем случае после заднеязычного согласного g гласный переднего ряда ě (ѣ) появился в результате монофтонгизации дифтонгов. Между I и II – эпоха монофтонгизации дифтонгов, проявление закона открытого слога.

б) I и III

I раньше, чем III.

III палатализация – изменение заднеязычных в свистящие после гласных переднего ряда i, ъ, е, г.

Как и в предыдущем случае возможность относительной хронологии – в самих условиях процесса. Изменение заднеязычного в положении после ъ уже предполагает наличие в языке носовых гласных, которые появились в результате монофтонгизации дифтонгических сочетаний.

Герм. kŭningōs > в слав. kъnęg- > kъnęd'z'ъ > kъnęz'-

Итак, между I и III – эпоха монофтонгизации дифтонгов.

6. Изменение групп «согл. +j» прошло до действия закона открытого слога. Факты.

*koпјōs Если бы закон открытого слога предшествовал смягчению согласных под воздействием j, то сочетание -op- перед согласным j испытало бы монофтонгизацию: op > Q; j оказался бы после гласного Q, и не было бы сочетания pj, которое позднее дает p'.

*voljā. И здесь изменению *lj > l' предшествовала бы монофтонгизация: -ol- перед согласным j; группа *tol > ла, оло, љо (у разных славян); j оказался бы после гласного, и не было бы *lj и последующего l'.

*morjo. Рассуждения те же: -or- перед согласным j, *tor > ра, оро, го (у разных славян); j оказался бы после гласного, и не было бы *rj > r'.

Возможно возражение: все случаи, которые берем для доказательства, имеют после дифтонгического сочетания (op, ol, or) согласный звук j. И нужно ответить на вопрос: проходила ли монофтонгизация перед звонким сонантом j так же, как и перед другими согласными. Да, проходила. Факты.

*koпateј - koпјon > kцјQ

*soпateј - soпјon > scјQ – перед j проходит монофтонгизация, как и перед всяким другим согласным.

История русского языка

1. Вторичное смягчение согласных - до падения редуцированных.

путь > пут'ъ > пут'.

Если бы иначе: пут'ъ > пут.

Полумягкость т обусловлена последующим гласным переднего ряда ъ (в слабой позиции: конец слова) и сохраняется только в таких условиях. С утратой ъ – утратится полумягкость. Следовательно, сначала появилась мягкость согласного, потом утратился редуцированный. Независимая мягкость сохранилась.

Процесс 'e > 'o.

а) Изменение 'e > 'o (t'et > t'ot) – после падения редуцированных. Обоснования – помимо точки зрения А.А. Шахматова о влиянии на предшествующий [e] твердого лабиовеляризован-

ного согласного, находящегося в одном слоге с [e] – что могло быть только после падения редуцированных.

н'ос < н'ес < н'есь
 н'ос < н'ес < н'ьсь.

Гласный [о] находим на месте исконных [e] и [ь]: [e] и [ь] совпали в [e] до изменения 'е >'о.

б) Изменение 'е >'о до утраты различий между е и ѣ, до совпадения ѣ̄е.

Сравним н'ес > н'ос и лес, где нет результата изменения в [о], так как ѣ еще сохранялся как самостоятельная фонема (перехода в [о] ѣ не знал). Ко времени совпадения ѣ и е процесс 'е >'о был уже не актуален.

в) Процесс 'е >'о после отвердения шипящих еще актуален.

падеж'ь > падеж > пад'ож [ш]
 молодеж'ь > молодеж > молодож [ш]
 [ц'] кон'ьц'ь > конец | 'е ≠ 'о мени отвердения
 куп'ец'ь > купец

Во время действия процесса 'е >'о согласный [ц'] был еще мягким.

3. Предыдущие рассуждения о хронологии 'е >'о показывают, что шипящие отвердели раньше, чем [ц]: можно сказать, что их «разделяет» процесс 'е >'о.

История польского языка

1. Процесс 'е >'о (польскому языку он тоже известен, но иными, чем в русском языке являются условия процесса) проходил до падения редуцированных, падение редуцированных – позднее.

niosłam < nes wiodłam < wed-
 niosły < wiodły

Но: pies (<рьсь), len (<льпъ). Гласный е < ь не испытал перехода в [о]: в эпоху действия 'е >'о на месте [ь] еще не было [e].

Изменение о > u (орфографически в современном языке – ó, o kreskowane), называемое rochylenie – сужение, проходило позднее, чем процесс 'е >'о.

В формах niósł [n'us], wiódł [w'ut] – inf., nieść, wieść - u < o < e.

Др. – польск. nieść > niosłъ (ср. niosłam) > n us-.

Ко времени rochylenia, изменения о > u, в случаях типа n'os- > n'us- уже был 'о (< 'е), который и испытал сужение.

При установлении относительной хронологии процессов во всех случаях рассматриваем конкретные языковые факты – изменение или отсутствие ожидаемых (отвечающих определенному фонетическому закону – процессу) изменений.

Здесь были представлены некоторые возможности установления относительной хронологии древних славянских фонетических процессов.

Примечания

¹ Точка под буквой – замена значка «неслоговой».

А.В. Торопов
Владимир

В.Ф. ПЕВНИЦКИЙ О ЗНАЧЕНИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА И ОСНОВАХ ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

В наше время по отношению к церковнославянскому языку обычно допускаются две очевидные крайности. Одна из них заключается в том, что богослужебный язык Православной Церкви объявляется едва ли не иностранным, «недоступным для понимания», и от него предлагается либо отказаться вообще, либо реформировать до неузнаваемости. Подобная точка зрения, нашедшая наиболее одиозное воплощение в обновленческом движении, породила противоположную крайность – стремление «законсервировать» церковнославянский язык в том состоянии, в котором он пребывал столетия назад. При этом не определяется, какой уровень его развития предлагается сохранить, фактически отрицается то, что церковнославянский язык вовсе не является «мертвым», но представляет собой живой, развивающийся организм. Но помимо того, что подобная радикальная позиция основана на очевидных некорректностях, опасность её, главным образом, заключается в том, что она не соответствует духу времени, не способствует выполнению важнейшей задачи наших дней – формированию основ православного мировоззрения путем приобщения к неисчерпаемому изобразительному богатству церковнославянского языка.

Чтобы понять его роль в современной церковной жизни и благодаря этому раскрыть непреходящее историческое значение, следует обратиться к подчас основательно забытым, но, несомненно, и по сей день не потерявшим своей актуальности трудам лингвистов и богословов прошлого, изучавших различные проблемы развития церковнославянского языка и его роль в жизни русского общества в различные исторические эпохи. Важное место среди этих трудов принадлежит научным работам

профессора Киевской Духовной Академии Василия Федоровича Певницкого (1832–1911).

Он родился в Васильевском погосте Муромского уезда Владимирской губернии в семье священника, окончил в 1851 г. Владимирскую Духовную Семинарию, а спустя четыре года – Киевскую Духовную Академию. Обстоятельства его жизненного пути не могли не повлиять на научные интересы будущего профессора: Владимирская Духовная Семинария в те годы была особенно сильна своими лингвистами. Кроме того, профессор Певницкий с самого детства унаследовал особое отношение к языку родной земли, в котором звучали отголоски древних былин и легендарных повестей.

Сферой его деятельности стала область, где тесно смыкались лингвистика и богословие: в Киевской Духовной Академии Василий Федорович преподавал на кафедре общей словесности, а затем на кафедре гомилетики и истории проповедничества. Проповедническое искусство было основной темой научных исследований В.Ф. Певницкого – этой проблеме посвящены такие его работы, как «Св. Григорий Двоеслов» (докторская диссертация), «Св. Ипполит, епископ Римский, и дошедшие до нас памятники его проповедничества», «Св. Лев Великий и его проповеди», «Средневековые гомилетики», «Священник. Приготовление к священству», «Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан», «Священство. Основные пункты в учении о пастырском служении», многочисленные статьи в «Трудах Киевской Духовной Академии», «Православном обозрении», «Вестнике Юго-Западной России»¹.

Особой традицией Киевской Духовной Академии стало произнесение профессором Певницким проповедей в академическом храме накануне Великого Поста – это было исключением из правил, поскольку проповедь была обязанностью только преподавателей-священников. Как следует из этого списка, большинство работ В.Ф. Певницкого так или иначе затрагивают вопросы лингвистического характера, но даже те из его трудов, которые посвящены сугубо богословской тематике или практическим аспектам церковного служения, не проходят мимо языковых проблем. Ученый уделяет первостепенное внимание роли языка как

средства распространения христианского вероучения и формирования мировоззренческих основ, подробно анализирует взаимосвязь между состоянием языка и духовно-нравственным состоянием общества. Другая важнейшая проблема, рассматриваемая в научных трудах Певницкого, – влияние христианского вероучения на образный строй латинского, греческого и церковнославянского языков. По мысли профессора, именно высота религиозного чувства придает богослужебному языку его красоту, в свое время поразившую послов князя Владимира в Константинополе.

Весь пафос многочисленных выступлений В.Ф. Певницкого в печати был направлен на защиту церковнославянского языка от впервые прозвучавших в русском обществе нападок на него – аргументы сторонников привнесения в богослужебный язык разговорного стиля в то время по сути своей ничем не отличались от тех, что используются в современную эпоху, правда, тогда критика важнейшего элемента национальной и религиозной традиции России не было столь изощренным. На большом количестве примеров из древней истории и опыта развития наиболее значимых для мировой цивилизации языков В.Ф. Певницкий наглядно показывает недопустимость смешения богослужебного и разговорного языков, свидетельствует о том, что церковнославянский язык вовсе не является особой, оторванной от реальности системой ритуальных формул, но тесно связан как с литературным, так и с разговорным русским языком. При этом особое внимание обращается на то, что проблема богослужебного языка впервые возникла не в Православной Церкви, а тем более не в России – даже самые примитивные языческие культы имели отличные от бытовых языковые знаковые системы, и их существование было закреплено издавна присущей язычеству верой в особую значимость и действенность правильно исполненного формального обряда.

Рецидивом подобного языческого отношения отчасти явилось западное учение о «треязычии» - для многих европейских народов латынь явилась чужим языком, по сути ничем не отличавшимся от особых, тайных магических формул язычников. Поэтому полемику св. равноапостольных Кирилла и Мефодия

с «треязычниками» следует воспринимать не как второстепенный спор по частному обрядовому вопросу, но как принципиальнейший богословский спор, имевший не меньшее значение, чем антиеретическая полемика времен Вселенских Соборов.

Утверждение же о том, что церковнославянский язык становится непонятным, по мнению В.Ф. Певницкого, не стоит сбрасывать со счетов – данная ситуация, действительно, имеет место, но причиной её является не моральное устаревание и косность церковнославянского языка, а ухудшение нравственного состояния современного ему общества. Усилившаяся деградация людей, постепенная секуляризация общественной жизни, заикленность человека на повседневных бытовых проблемах, смещение духовных приоритетов и ориентиров привело к тому, что ещё в середине XIX в. типичный российский обыватель уже не был способен мыслить религиозно и, заразившись рационализмом и скептицизмом, был лишен возможности ощущать те высокие чувства, которые обычно ощущает верующий человек, слышащий церковные песнопения. Грехопадение человека в первую очередь отражается на состоянии языка, и очевидным следствием этого грехопадения является стремление подчинить богослужебный язык низменным стихиям мира, а вслед за ним сделать послушным этим стихиям и всю Церковь. Вот почему со столь нескрываемой тревогой пишет В.Ф. Певницкий о происходивших в его эпоху разрушительных процессах в языке, бывших в то время одним из немногих явных внешних знаков нравственной деградации общества.

С того момента, когда были написаны высоко оцененные современниками труды профессора Киевской Духовной Академии, минуло более века – разрушительные процессы, только намечавшиеся в те годы, сегодня ощущаются в полной мере. А это значит, что труды В.Ф. Певницкого являются не только достоянием истории, но и достойны того, чтобы и сегодня находиться в научном обиходе. Помимо теоретических проблем функционирования и развития богослужебного языка, ученый рассматривал в своих трудах и практические аспекты преподавания греческого, латинского и церковнославянского языков, видя главную задачу их изучения в Духовных Семинариях и Академиях

не столько в усвоении грамматики, сколько в глубоком проникновении в их образный строй, умении правильно использовать изобразительные средства этих языков и с их помощью как можно более ярко и доступно доносить до слушателя или читателя сущность христианского вероучения, неиссякаемое богатство духовной жизни.

Вполне уместно назвать В.Ф. Певницкого одним из основоположников педагогической лингвистики – из дореволюционных богословов и лингвистов он наиболее ярко раскрыл воспитательную роль языка на примере, в частности, книжного наследия Русской Церкви. В одной из главных своих статей, посвященных церковнославянскому языку, ученый писал: «Мысль об упрощении богослужения и совершенствовании его на русском языке встречает сочувствие не в той части народа, которая составляет ядро православного народонаселения и твердо держится Церкви, а в так называемой интеллигенции, большинство которой утратило церковный дух, ко многим церковным установлениям относится более, чем равнодушно и больше числится в Церкви, чем живет в ней. Проведение данной мысли в практику и жизнь Церкви было бы угождением людям малоцерковным, и вместе с тем, оно могло бы нанести оскорбление благоговейному чувству тех, которые составляют соль земли и которыми держится на надлежащей высоте церковная жизнь.

Не почувствовали бы вы нарушения церковного приличия, если обычную церковную фразу заменили русской фразой? Во всяком случае большие затруднения, которые трудно будет преодолеть, при передаче русскими выражениями наших славянских молитвословий и песнопений, чтобы при этом точно и верно передать мысль и в то же время соблюсти церковное приличие, подобающее святине молитв и требуемое благоговейным чувствам христиански настроенного верующего»².

Эти слова видного ученого, несомненно, свидетельствуют о необычайном даре богослова и лингвиста, которым обладал сын священника из Муромского уезда, ставший оригинальным продолжателем богатых традиций лингвистической школы Владимирской Духовной Семинарии. А кроме того, во всех трудах профессора Певницкого присутствует ярко выраженное лично-

стное начало – талантливый ученый неотделим в них от искреннего православного патриота. А это значит, что в нашу эпоху показного безверия и циничного нигилизма эти труды актуальны, как никогда – сегодня они способны помочь воспитать отношение к церковнославянскому языку как к одной из величайших ценностей русской православной культуры.

Литература

1. Полная библиография трудов В.Ф. Певницкого опубликована в книге Н.В. Малицкого «История Владимирской Духовной Семинарии» Вып. 3 М., 1902.
2. Певницкий В.Ф. О церковно-богослужебном языке // «Церковные ведомости». 1908. № 26–28.

Е.В. Макарова
Москва

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД
ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО
ВНЕДРЕНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА
В СОВРЕМЕННУЮ ШКОЛУ
К 160-ЛЕТИЮ КНИГИ Ф.И. БУСЛАЕВА
«О ПРЕПОДАВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА»

В то время, когда изучение и описание языка носило преимущественно прикладной характер, язык рассматривался преимущественно как совокупность средств общения и выражения мысли. Представление о том, что язык как система существует также и во времени, было не характерно для большинства исследователей.

В первой четверти XIX в. ситуация стала изменяться в другую сторону благодаря трудам Ф. Боппа, Р. Раска, Я. Гримма, А. Х. Востокова и других ученых, обнаруживших закономерный характер соотношения отдельных фактов в разных языках и высказавших идею об их происхождении из общего источника. В дальнейшем поиски исходных форм и попытки реконструкции системы праязыка, из которого в процессе исторического развития постепенно формировались все другие языки, заняли главное место в лингвистических исследованиях, и сравнительно-историческое изучение языков стало рассматриваться как важнейшая задача лингвистики как науки.

Сравнительно-историческое направление повлияло на выделение лингвистики в самостоятельную научную дисциплину и характеризовалось рядом принципов, главными среди которых были следующие:

- 1) каждый язык имеет свои особенности, отличающие его от других языков;
- 2) эти особенности познаются в сравнении;
- 3) сравнение языков обнаруживает у некоторых из них родство — происхождение из общего источника;

3) сравнение языков обнаруживает у некоторых из них родство — происхождение из общего источника;

4) различие родственных языков может быть объяснено их непрерывными историческими изменениями;

5) звуки являются элементами, наиболее подверженными историческим изменениям; их преобразования в пределах одной семьи языков закономерны и могут быть сформулированы звуковыми законами;

6) такие элементы языка как корни слов, аффиксы, флексии значительно более устойчивы и способны сохраняться на протяжении длительного периода времени, что позволяет осуществлять реконструкции предшествующих форм языка.

В течение почти ста лет развитие лингвистики определялось сравнительно-историческим анализом. Позднее устойчивость основных элементов языка привела исследователей к осознанию семиотической цельности языка, но в XIX в. господствующей была идея существования не целостной системы языка, а его изменяющихся и не изменяющихся элементов — объектов сравнительно-исторической грамматики.

Трудно переоценить значение сравнительно-исторической лингвистики, основными достижениями которой явились следующие положения:

- разработка метода сопоставления языков и реконструкции их исчезнувших форм;
- исследование истории обширных языковых семей, в первую очередь индоевропейской;
- установление основных фонетических и семантических закономерностей изменения живых языков.

Ученым, наиболее последовательно изложившим подходы к сравнительно-историческому методу изучения родного языка в школе, был Ф.И. Буслаев. Изложенная им методическая система была необычайно новой для своего времени, нашедшей широкое признание лишь спустя некоторое время. Идеи Ф.И. Буслаева были направлены на то, чтобы улучшить преподавание родного языка, вдохнув новую жизнь в существовавшую практику, изменить ее через соединение с богатейшей ду-

ховной основой русского языка, отказавшись от подражания западным методикам.

Ф.И. Буслаев, воспользовавшись трудами своих предшественников, соединил способы сравнительной и исторической лингвистики, применив их к исследованию родного языка, и в результате заложил основание для научного изучения русского языка.

Им были установлены родственные связи русского языка с индоевропейскими языками, а также историческая взаимосвязь современного ему литературного языка с церковнославянским и с живыми народными говорами. При этом он отмечает то, что механически разложить язык на стихии так же трудно, как сделать это с характером самой народной жизни, которая есть плод тысячелетнего исторического движения.

Важный вывод Буслаева состоит в том, что для того, чтобы понимать язык современный, необходимо изучать во взаимосвязи все его компоненты.

«Современный русский язык представляется совокупностью грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава.... Такое разнообразие форм объясняется историческим образованием языка. Из богатых запасов языка церковнославянского и древнерусского, а также нынешнего областного наш современный литературный язык удержал в своем составе те грамматические формы, которые оказались в употреблении нужными, какого бы времени и происхождения они не были. Следовательно, грамматика нашей книжной речи относится к истории русского языка, как часть к целому». [Буслаев Ф.И. Историческая грамматика. М., 1875. С. 2–23].

Свои представления о богатстве и многосложности языка Ф.И. Буслаев описал в необычайно величественном и красивом архитектурном образе: «...весь состав русского языка представлялся мне громадным зданием, которое слагалось, переделывалось и завершалось разными перестройками в течение тысячелетия в роде, например, римского собора Марии Великой (Maria Maggiore), в котором ранние части восходят к пятому веку, а позднейшие относятся к нашему времени». [Мои воспоминания. С. 495]. Такое буквально художественное восприятие язы-

ка побуждает к изучению всех исторических форм языка, которые должны восприниматься с равной степенью уважения. Ф.И. Буслаев призывает нас обращаться к древнему языку не с тем, чтобы из сравнения с ним современной речи определять ее успехи, но преимущественно с тем, чтобы яснее понимать существующие в употреблении грамматические формы, сближая их с соответствующими им древними.

Педагогические воззрения Буслаева возросли, как он сам отмечал, в результате знакомства с трудами Ф. Боппа, Р. Раска, А.Х. Востокова и других выдающихся ученых, обосновавших сравнительно-исторический метод изучения языка.

Вслед за Я. Гриммом Буслаев различает два способа изучения языка: филологический и лингвистический. В первом случае грамматика – это только искусство правильно писать и говорить, основываясь лишь на относительно ограниченной области книжной речи. Второй подход предполагает изучение языка на основе сравнительно-исторического метода с целью выявления законов его изменения и развития.

Буслаев делает попытку с помощью языковых средств заглянуть в историю своего народа, найти связь произведений искусства и словесности с формами языка.

Проблемы, анализируемые в труде «О преподавании отечественного языка», находятся до настоящего времени в центре внимания методики русского языка:

- объяснительное чтение,
- метод грамматического обучения,
- ведение письменных упражнений,
- преподавание орфографии на начальном этапе обучения,
- развитие речи учащихся,
- **осмысленное восприятие обучающимися изменений и закономерностей, характерных для развития русского языка.**

Правильно организованную учебную работу Буслаев видел в тех случаях, когда грамматика, чтение художественных произведений, развитие устной и письменной речи изучаются во вза-

имосвязи, когда не изолировано, а в ходе этого процесса анализируются лексика, даются сведения по этимологии, стилистике, развиваются навыки делового письма и орфографии, активно ведется систематическая работа по культуре речи.

В середине девятнадцатого века Ф.И. Буслаев писал следующее: «До сих пор в наших гимназиях мало обращают внимания на древнюю церковнославянскую литературу, между тем как хорошее знакомство с нею необходимо всякому образованному человеку, уж для одного того, чтобы отчетливо понимать Священное Писание и церковную службу. А основательности науки выгода огромная, потому что древние памятники дадут истории литературы направление филологическое»¹. Кроме того, Ф.И. Буслаев обращает внимание на то, что «наша старина» предлагает бесценные памятники для того, чтобы развивать не только эстетическое чувство, но и нравственное. «Переложение с церковнославянского и древнерусского языка... дает материалы, из которых следует избирать речения, приличные современному языку»².

Следует отметить, что популярные хрестоматии XIX века включали в себя разделы, имеющие отношение к религии (Дистервег, Гаупт и др.). Было распространено следующее деление: религия, природа, человек. Наряду с философией располагался раздел богословия.

Анализируя различные хрестоматии и обращая внимание на разделы, связанные с религией, Ф.И. Буслаев указывает на выбор произведений, и особенно псалмов, подчеркивая важность параллельного изучения церковнославянского варианта и стихотворных переложений. Так на страницах своего фундаментального учебника он приводит параллельные тексты ряда псалмов. К примеру, 14 псалма.

Гдѣи, ктѣ ѡбитаѣтъ въ жилищѣ твоѣмъ?
Или ктѣ вселѣтъ въ свѣтѣю гѣрѣ твою?
Ходѣи непорѣченъ и дѣлаѣи правдѣ,
глаголаѣи истинѣ въ сѣрдцѣ своѣмъ.

В стихотворном переложении М.В. Ломоносова этот текст выглядит так:

Господи, кто обитает
в светлом доме выше звезд?
Кто с Тобою населяет
Верх священный горных мест?

Тот, кто ходит непорочно,
Правду всегда хранит
И нелестным сердцем точно
Как языком говорит.

Федор Иванович подробно разбирает особенности стихотворного переложения, сравнивая с церковнославянским текстом псалма, указывая на пользу подобного вида работы.

Предлагаемый Ф.И. Буслаевым метод сопоставительного изучения гимнографии и поэзии – это дань истории нашего отечества, неизбежное обращение к истокам творчества народа и его отдельных представителей. Этот метод является напоминанием о том, что ни один язык не должен забываться. Своеобразие и разнообразие языков – это огромное национальное и общечеловеческое богатство. Любовь к своему языку, его истокам служит необходимым двигателем словесного творчества. Для того, чтобы познание языка происходило как интенсивно, так и экстенсивно, нужно, чтобы каждое новое поколение приобщалось к его истории, проникая в историю слов и выражений.

«Язык есть выражение не только мыслительности народной, но и всего быта, нравов и поверий, страны и истории народа. Единство языка с индивидуальностью человека составляет народность. Искренние, глубочайшие ощущения внутреннего своего бытия человек может выразить только на родном языке. Внутренняя нераздельность языка и характера народа особенно явствует из отношения языка к народной образованности, которая есть не иное что, как непрерывное развитие духовной жизни, а вместе с тем и языка»³.

Сравнительно-исторический подход к преподаванию способен во всей полноте открыть внутреннее богатство языка, показав его взаимосвязи с многосторонней культурой народа.

Методика Буслаева явилась прямым продолжением дискуссии о языке, охватившей российское общество в первой половине девятнадцатого века. Вместе с тем, в ней уже отсутствует полемическая заостренность, но есть глубоко продуманный научный подход, основанный на детальном анализе. Однако Ф.И. Буслаев не мог не остановиться на основных узловых моментах, выраженных в точках зрения своих предшественников. Вот что он пишет по поводу славянофильства А.С. Шишкова, ссылаясь на известное высказывание М.В. Ломоносова о «небрежении чтения книг церковных», которое приводит к искажению с красоты языка, «и к упадку преклоняет»⁴:

«Следуя Ломоносову, Шишков ищет спасения от варваризмов в церковнославянском... Но, исключив из теперешнего употребления выражения устарелые и непонятные, Ломоносов определенно указал, какие славянизмы терпимы в языке нашем. Для Шишкова же всякое славянское слово хорошо»⁵. По мнению Ф.И. Буслаева, Ломоносов ясно отделил язык русский от церковнославянского. И вместе с тем, он отмечает и то, что Шишков вслед за Сумароковым и Третьяковым служит высокой цели, стараясь защитить русский язык от чрезмерного засорения иностранными словами.

Так же как и его предшественники, А.С. Шишков, «принес великую пользу, ибо напал на варваризмы...». В своем рассуждении «О старом и новом слоге он с болью пишет: «Одни... безобразят язык свой введением в него иностранных слов.... Другие из русских слов стараются делать нерусские. Третьи, французские имена, глаголы и целые речи переводят из слова в слово на русский язык.... Поистине разум и слух мой страдают...»⁶.

Показав себя сторонником А.С. Шишкова, Буслаев считает излишним подробно говорить о его противниках, не в меру насаждавших в русском языке галлицизмы, забывая о великих красотах старинной нашей литературы. И вместе с тем, не называя имен и фамилий, обобщает: «Отрицая законность языка древнего, тем самым отрицают и народность современного, ибо старинная литература, кроме языка книжного, церковнославянского, преисполнена живым разговорным, какой и поныне слышится в устах народа»⁷.

Интересно отметить, что именно Буслаев примиряет сторонников А.С. Шишкова с последователями Н.М. Карамзина, т. к. настоятельно советует повсеместно внедрять в преподавание родного языка «Историю Государства Российского» Н.М. Карамзина, считая этот фундаментальный литературный труд наиболее приближенным к текстам древнерусских летописей. В своей книге «О преподавании отечественного языка» он подробно разбирает методику подобного учения на примере сравнения языка летописи Нестора и истории Карамзина.

Отмечая, что «слог Карамзина находится под непрерывным влиянием древних источников», Ф.И. Буслаев делает подробный комментарий к чтению Карамзина, показывая, как великолепный русский язык Карамзина в некоторых местах способен в своей выразительности уступать языку летописца.

Буслаев предлагает следовать следующей схеме разбора:

Древний Памятник (Нестор Летописец)	История Н.М. Карамзина
--	------------------------

Вот несколько примеров:

Нестор	Карамзин
Аки денница пред солнцем и аки зоря пред светом. (Ольга)	Денница и луна Спасения.
Возрев на небо, рече. (Владимир)	Устремив взор на небо, громко произнес молитву.
Призри! На новые люди сия.	...благослови сих новых чад твоих.
Мне помози на супротивного врага	...будь мне помощью в искушениях зла.

Являясь, по сути, популяризатором трудов Н.М. Карамзина, Федор Иванович, тем не менее, приводит нас к выводу о том, что церковная форма текста способна «сильнее и шире выразить мысль».

Кроме того, он находит, что некоторые купюры, допущенные Н.М. Карамзиным, по-видимому, с намерением несколько секуляризировать текст с целью простоты его восприятия, приводят к смысловому обеднению текста, лишая высокого духовно-нравственного значения.

«И бязе си видѣти радость на небеси и на земли, толико душ спасаемых». Здесь пропущенные слова уже не просто относятся только к жанру летописи, но переносят сознание в область сотериологии, не вмещающейся в умах, поврежденных нигилизмом. Указанный отрывок, как правило, отсутствует и во многих хрестоматиях по древнерусской литературе.

Не раз Ф.И. Буслаев на страницах своих статей и книг указывает на важность обращения к древним текстам. Вот что пишет Ф.И. Буслаев в «Материалах для русской грамматики»: «Приняв в основание авторитет образцовых писателей, Ломоносова, Карамзина или Пушкина, последовательно надо было бы признать и источники их слога, язык древний, народный, на коих они воспитались» (С. 368).

Известно, что в первой половине девятнадцатого века в России утвердилась практика преподавания родного языка по типу иностранных учебников, т.к. авторитетность европейского образования, хотя и заметно пошатнулась после событий 1812 года, но продолжала оставаться для многих на довольно высоком уровне. Построение учебников русского языка повторяло во многом французские грамматики. Но история становления русского языка коренным образом отличается от того, как развивались западноевропейские языки. Именно на этом основывался переход на новую методику.

Определенные исторические периоды бывают отмечены падением языков. Наличие письменного языка, как известно, способно удерживать состояние речи от значительных потерь. Интересно то, что, по мнению А.А. Потебни, потери в романо-германских языках несравненно значительнее, чем в славянских⁸.

Одна из причин этого феномена состоит в том, что церковнославянский язык, являясь корнем русского языка, в свою очередь, многое заимствовал из древнегреческого, богатства которого не раз признавались с далекой древности. «Русская литература сама воспиталась на изучении церковнославянского и латинского, а в давние времена – греческого»⁹. Факты подтверждают, что чем древнее флектирующий язык, тем он поэтичнее, богаче звуками и грамматическими формами.

Духовная глубина русского языка, почерпнутая из сокровищницы книжной и народной мудрости и заметно отличающая его от других языков, не раз отмечалась многими мыслителями.

«Грамматика французская опирается на многовековой авторитет классических писателей; напротив, позднее развитие искусственной русской литературы далеко не исчерпавшей всех сокровищ народного слова, обязывает русского грамматиста расширить пределы современного книжного языка и внести в грамматику свежие и обильные материалы церковнославянской и народной речи»¹⁰.

Важный вывод Ф.И. Буслаева состоит в том, что начинать обучение нужно с текста, а потом переходить к слову, т.е. от общего к частному. Этот подход вносит коренное отличие в построение учебников родного языка.

Известно, что у новой методики нашлось много оппонентов. Но и здесь можно найти высказывания в защиту его подходов. Так, например, такой авторитет как Н.И. Греч, с которым, как известно, Федор Иванович вел дискуссию о преподавании родного языка, и которого никак нельзя причислить к сторонникам изучения церковно-славянского, писал: «...следовало бы составить краткие правила церковнославянского языка в виде уклонений от русской грамматики с хрестоматией».¹¹

Начиная с К.Д. Ушинского, В.И. Водовозова, В.Я. Стоюнина, многие педагоги подробно разрабатывают намеченные Федором Ивановичем вопросы. С Буслаева начинается новый период в отечественной методике, последующие поколения учителей продолжают внедрять его методы, основанные на глубоко научном, методически продуманном подходе к преподаванию.

Наиболее важные идеи в методике Ф.И. Буслаева вновь и вновь привлекали ученых. Можно сослаться на авторитет А.А. Шахматова, который в конце XIX века рекомендовал вновь обратиться к труду Ф.И. Буслаева, переработав вторую часть в качестве учебника для старших классов.

Уже в советское время, в 1968 году, А.В. Текучев отмечал: «Изучение русского языка в школе должно быть сравнительно-историческим, то есть, оно должно быть связанным с изучением церковнославянского и древнерусского языков, сопоставительным, научным»¹².

Ведущий методист конца двадцатого столетия в области преподавания русского языка М. Т. Баранов рекомендовал использовать упражнения по сравнению древних и современных текстов, для того чтобы в восприятии школьниками родного языка возникала определенная ясность¹³. Это может помочь во всей полноте открыть внутреннее богатство языка, показав его взаимосвязи с многосторонней культурой народа. Изучение взаимопроникновения форм поможет восполнить осознанное восприятие явлений, которые встречаются как в книжных, так и в разговорных формах. Таким образом, будет достигаться основная цель изучения языка – свободное владение устной и письменной речью.

Несмотря на то, что сравнительно-историческое языкознание является одним из самых развитых направлений науки, оно до сих пор все еще достаточно далеко отстоит от практики применения его основных положений при изучении языков в школьных учебных заведениях.

В завершение хочется привести пожелание, прозвучавшее более ста лет назад, но с особым смыслом осознаваемое в наши дни: «Если бы наша школьная система не изменяла так часто своего русла, то мысли таких лиц, как Буслаев, успели бы дать полный результат, и их значение обнаружилось бы с большей силой, чем теперь», и «...мы видели бы в своих учениках людей, сознательно относящихся к своей литературе, к отечественному языку и к своей родине»¹⁴.

Примечания

- 1 Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992. С.129
- 2 Там же. С. 121.
- 3 Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992. С. 340.
- 4 Ломоносов М.В. О пользе книг церковных в российском языке. М., 1996. С.119.
- 5 Там же. С. 352.
- 6 Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге. Цитируется по кн. Буслаева «Преподавание отечественного языка». М., 1992. С. 352–353.
- 7 Буслаев Ф.И. Материалы для русской грамматики. О местоимениях вообще и о русских в особенности. Первая статья по отделению русской словесности, напечатанная в особом прибавлении к журналу «Bulletin Scientifique», издаваемому от историко-филологического отделения императорской Академии Наук. С. 368.
- 8 Потехина А.А. Мысль и язык. С. 23.
- 9 Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. // О языке устном и письменном, старом и новом. Л., 1989. С.45.
- 10 Буслаев Ф.И. О преподавании русского языка и словесности. // Заметки на статью г. Греча в 7-м номере «Морского сборника». 1856 г. С. 398.
- 11 Греч Н.И. Заметки о преподавании русского языка и словесности, «Морской сборник», 1856 г. т. XXII, № 7, отд. III. Цитируется по кн. «Преподавание отечественного языка». М., 1992. С. 403.
- 12 Текучев А.В. Ф.И. Буслаев как методист и наша современность (к 150-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева) // Русский язык в школе. М., 1968. № 2. С. 101.
- 13 Баранов М.Т. Методика преподавания русского языка. Учебник. М. 2000. С. 26.
- 14 Будде Е. О заслугах Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя (Речь, читанная на торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года). Цитируется по кн. «Преподавание отечественного языка». М., 1992. С. 491–492.

Т. А. Иванова
Москва

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

Одна из ярких особенностей синтаксиса церковнославянского языка — оборот **дательный самостоятельный (ДС)**. Созданный для перевода греческого оборота Genetivus absolutus, ДС органично влился в строй церковнославянского текста, употребляясь не только в переводных произведениях, но и в текстах, создаваемых на Руси. Например, этот оборот использовал в проповедях свт. Димитрий Ростовский¹: «**Не таковы́мъ ли ѡмѡвѣнїемъ ѡмысла дѡша приснопоминаемагѡ дѣда царѧ, пепелѡ пока́нїа ѣгѡ растворѣнѡ бывшѡ тѣплыми слезами» (Слово въ недѣлю сыропѣстнѣю), «Гдѡ нашемоу иисѡ хрѣтѡ славно во іерусалимѡ входѡщѡ, и народѡ съ ваїами оусрѣтающѡ ѣгѡ, и отрокѡмъ ѡсанна зовѡщымъ, станемъ, Ѧ возлюбленїи! станемъ оумомъ нашимъ при вратѣхъ іерусалимскихъ» (Слово историческое въ недѣлю ваїи), «Кини же пѣтьми пойдѣмъ за хрѣтомъ гдѣмъ нашимъ; посовѣтѣмъ въ нынѣшнѣи моѣи бесѣдѣ гдѡ поспѣшествѡющѡ» (Повчѣніе въ недѣлю вторѣю по стѡмъ дѣѣ).**

Дательный самостоятельный не раз являлся предметом исследования. Ученые обращали на него внимание и в конце XIX — начале XX века², и в современный период³. О ДС обязательно рассказывается в учебниках по церковнославянскому языку⁴, и на первый взгляд кажется, что с этим оборотом у учащихся не должно быть проблем.

Действительно, студенты, начинают довольно быстро слышать ДС, если им читать выборку предложений с этим оборотом и находить его в упражнении учебника. Проблемы возникают, когда учащиеся должны найти ДС в предложенном им тексте. Большинство студентов нефилологических специальностей не видят этого оборота, что особенно наглядно проявляется в контрольных работах студентов заочного отделения. ДС заочники изучают на втором курсе, в заключительной контрольной

работе мы в отдельном задании просим их в данных предложениях подчеркнуть ДС и перевести предложения. Это задание выполняется почти всегда верно. В следующем задании просто дан текст для перевода, в этом тексте также встречается ДС, например: «Иже дрѣвле іакѡвѡ въ соннѣмъ видѣнїи лѣствицѡ къ нѣси возводѡщю показѧ, той и тебе, свѣтѣ Кириллѣ, ещѣ отроку къ сѡщѡ, въ дивнѣмъ снѣ софію дѣвѡ ѡбручїи». Студент переводит: «Как некогда Иакову в сонном видении лестницу к небу восходящую показал, так и тебе, святой Кирилл, **будучи отроком**, в дивном сне Софию Деву обручил...»

Итак, какие трудности возникают у студентов нефилологических специальностей при поиске ДС?

Трудность первая: как определить дательный падеж? Некоторые из студентов вдруг забывают, что такое дательный падеж, и начинают искать вообще все причастия. Это легко поправимо, стоит только напомнить, что дательный падеж отвечает на вопросы *кому? чему?*

Вторая трудность состоит в том, что к ДС начинают относить дополнения в дательном падеже. Например, во фразе «**Сїе же бысть разѡмнѡ всѣмъ живѡщымъ во ѣфѣсѣ** **їудеѣмъ же и ѣллиномъ и нападѣ страхѡ на всѣхъ нѣхъ, и величашеса ѣма гдѧ іиса**» (Деян. 19:17) студенты могут отнести к ДС сочетание **всѣмъ живѡщымъ**. Приходится долго объяснять, что оборот ДС потому и самостоятельный, что он не зависит от основного предложения. Причем произносить фразы вроде: «ДС не входит ни в состав подлежащего, ни в состав сказуемого», — бесполезно. Думается, что в учебники по церковнославянскому языку не лишним было бы включить особые упражнения по этой теме.

Кроме того, ДС смешивают с оборотом **Дательный с инфинитивом**. В таких предложениях, как «**Сїе же бысть два лѣта, іакѡ всѣмъ живѡщымъ во асїи слышати слово гдѧ іиса, жи довѡмъ же и ѣллиномъ**» (Деян. 19:10); «**И собрасѧ къ немѡ на родѡ многѡ, іакже самомѡ влѣзшѡ въ корабель, сѣдѣти въ мѡри**» (Мк. 4:1), учащиеся считают дательным самостоятельным первую часть оборота **Дательный с инфинитивом: всѣмъ живѡщымъ, самомѡ** **влѣзшѡ**.

Следующая группа проблем связана с переводом ДС. Известно, что чаще всего встречается ДС с временным значением. Так, из 150 ДС, выписанных студентами из Нового Завета, со значением времени встретилось около 120 примеров (80%). Однако из временных подчинительных союзов учащиеся в основном используют союз **когда**, хотя бывают такие ДС, для перевода которых надо вспомнить другие союзы, вводящие придаточные времени: **пока**, **после того как**, **в то время как**. Это же замечание касается ДС с уступительными и причинными союзами.

Отдельно отметим, что не во всех учебниках выделяется ДС со значением условия, хотя в текстах эта конструкция встречается: «**Паки же возвращѣса къ вамъ, бгѣ хотѣщѣ**» (Деян. 18:21); «**Бгѣ во хотѣщѣ, оудобѣ скончѣются и преслѣванѣ**» (Канон Благовещению, песнь 1).

Существует также проблема с распределением ДС по значениям. Привыкнув к временному значению, учащиеся не сразу узнают ДС с другим значением.

Сложно определить значение ДС, когда он включен в придаточное предложение, напр.: «**Иѣкѡ и на стѡгны иѣносити недѡжныѣ и полагаѣти на постѣлахъ и на одрѣхъ, да градѣщѣ петрѡ понѣ сѣнь ѣгѡ ѡсѣнитъ нѣкоего ѡ нихъ**» (Деян. 5:15) или «**Срѣѣте ѣгѡ ѡ грѣбѣ человекъ въ дѡстѣ нечистѣ ... и ни верига ми никтоже можѣже ѣгѡ связѣти: занѣ ѣмѡ многажды пѣты, и оужы связанѡ сѣщѣ, и разтерзѣтисѣ ѡ негѡ оужемъ и пѣтѡмъ сокрѣшатисѣ**» (Мк. 2:4).

Не совсем ясно, каким образом переводить ДС, вводимые сравнительным союзом **ѣкѡ**: «**И бысть внезапѣ съ несе шѡмъ, ѣкѡ носимѡ дыханію бурѣ, и исполни весь дѡмъ**» (Деян. 5:15); «**Иѣкѡ сѣдѣи предстоѣщѣ, попецѣса, дѡше, и страшнагѡ дне часъ помышлѣи**». В этих случаях при переводе приходится подставлять фразы «**как в том случае, когда...**», «**как в то время, когда...**», «**как если бы...**», а иногда достаточно одного сравнительного союза **как**.

Кроме того, ДС может употребляться в качестве вводной конструкции: «**Еще же и тогѡ ради потребно ѣсть ѡ слыхѣ**

дѣлъ пощеніе, ѣкѡ со грѣхѡми ... не возможно внѣти во ѡверстѡе намъ нѣо, въ неже, глаголющѣ бгѡсловѣ, не ѣмѣти всѣко скѣрно». (Повченіе въ недѣлю пѣрвѣю великагѡ поста) Ср. также обороты из повченіѣ въ недѣлю шестѣю по пасцѣ ѡ слѣпорожденномъ: глаголющѣ ѣпѣ, глаголющѣ сѣомъ златѡстѣ, воспѣвающѣ сѣомъ андрѣю критскомъ въ великомъ канѡнѣ.

Таким образом, видим, что изучение ДС является одной из методических проблем, которой необходимо уделять особое внимание в практике преподавания церковнославянского языка.

Примечания

¹ Гочиненіѣ свѣтагѡ Димитріѣ митрополіѣ Ростовскагѡ: Часть вто-
раѣ, содержащаѣ въ себѣ повченіѣ на воскресныхъ дни. М., 1805.

² См.: Белоусов И. М. Дателный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности // Русский филологический вестник. Варшава, 1899. № 1; Вондрак В. Церковнославянский синтаксис. Казань, 1915.

³ См.: Сабенина А. М. Дателный самостоятельный как высокий стилистический вариант предложения // Восточные славянские языки. История. Культура. М., 1985; Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. М., 2001.

⁴ Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык. М., 2001; Ремнева М. Л. Церковнославянский язык. М., 1999; Супрун В. И. Учебник церковнославянского языка. Волгоград, 1998.

Н. В. Шалыгина
Москва

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Язык наш удивительным образом запечатлел знание о Боге, о мире и человеке. Повинуясь заповеди познания, полученной в Раю, разум человеческий устремляется к Творцу, погружается в личность самого человека, старается понять сотворенный мир, именуя открытые явления. Наблюдение за словами языка может, в свою очередь, помочь проникнуть в кладовую знаний, накопленных усилиями многих поколений. Особенно ярко это проявляется при обращении к языку церковнославянскому, связывающему нас неразрывными узами с далекими нашими предками.

Преподавание церковнославянского языка - это не только сухое сообщение информации о грамматических категориях и зубрёжка парадигм, воспринимаемых как мертвые, бездушные схемы, но и созерцание языка живого, который касается конкретного человека. Языка, который объединяет нас в один народ, *единъ языкъ*, в единое целое с поколениями минувшими и грядущими. Чтобы не оказались мы *Иванами не помнящими родства*, и корни, употреблявшиеся веками русским языком, оставались родными и понятными и для наших внуков, позволяя различать суть называемых явлений.

Секулярное сознание перестает воспринимать цельный, единый Божий мир. На уровне языка это выражается в непонимании смысла слов, в нарушении семантической близости однокоренных слов. Слово на уроке оставляется без должного внимания, без разрушения стереотипного восприятия лексического значения, усвоенного современным русским языком, зачастую изолированно от однокоренных церковнославянских слов¹.

Объяснение грамматики требует определенного лексического материала, используются слова очень близкие и понятные, понятные настолько, что мы не задумываемся над их смыслом,

но при ближайшем рассмотрении через них раскрываются тайны бытия.

В начале сотвори Богъ небо и землю (Быт. 1, 1). *Небо* – мир духовный, ангельский; *земля* – мир материальный, первоначальное вещество, из которого позднее все было создано Богом². Человек же отличается и от ангелов небесных, и от всей твари земной тем, что, по замыслу Творца, принадлежит одновременно и миру духовному, и миру материальному. Через человека материальный мир должен был одухотвориться. И именно через человека благодать Божия изливается на творение. Вспомним слова преп. Серафима Саровского о том, что целью жизни христианской является стяжание Духа Святого Божиего³. Поэтому-то от духовного состояния человечества и зависит состояние окружающего мира: не стоит город без святого, селение без праведника⁴.

Возможно и созерцание явлений духовных на примере языкового материала, ведь все, что происходит в мире, отражается и в языке. Изначально человек был сотворен в единении духа, души и тела под водительством духа в повиновении воле Божией. Следствием грехопадения явилось разрушение единства и выделение различных составляющих, причем руководить человеком стало тело, подчинив себе душу и дух. Человек точно перевернулся вниз головой. Человек плотской главенствует над человеком душевным и духовным - и это состояние ярко иллюстрируется языком. Многие слова имеют в нашем сознании несколько уровней лексических значений. Одно и то же слово, в зависимости от контекста и уровня восприятия человека, может быть и низким и высоким.

К примеру, слово *любовь* на телесном уровне понимается как плотские отношения, на душевном уровне - дружеские, братские, родительские отношения, на духовном - жертвенная любовь Христова, *жизнь, отданная «за други своя»*.

Наблюдение за однокоренными словами, восстановление семантических связей способствует лучшему пониманию духовных явлений через реалии мира материального. Каким словам родственно слово *страсть*? Страстная седмица, страсти Христовы напоминают нам о страданиях Христа. Стратотерпцами

в Церкви называют пострадавших за Господа до смерти. Страдание причиняют и духовные болезни – страсти. Гневъ раскрывает свою суть при обращении к родственным словам с чередованием гласных (ять)/и/о: *гнити, гноити, гной⁵*. Печаль печет, жжет душу и тело⁶. До тех пор пока змий не поведал жене о плодах древа познания Добра и зла, пока Ева не увидела, что плоды красивы на *вид*, ей и не хотелось отведать их. В наименовании страсти зависти лежит свойство природы человеческой, подмеченное поговоркой: *глаза завидуице, руки загребуице*. А какие «родственники» у слова жадность? В поучении отца к сыну в сборнике «Златая цепь» говорится: *Чадо мое милое, алчнаго накорми, якоже ти повеле Самъ Господь, жаднаго напои⁷*. Как видим, алчный и жадный – всего лишь человек, нуждающийся в пище и питье, мучимый голодом и жаждой, но как только он теряет чувство меры, удовлетворение потребностей переходит в болезнь душевную.

В противовес духовным болезням – страстям, причиняющим страдание, духовное здравие, целостность приносит в мир добро и называется добродетель. Если в названиях страстей, поражающих человека, мы слышим предостережение, то в наименованиях добродетелей раскрывается путь их достижения. Добродетель смирения, писавшаяся ранее через ‘ять’ – предполагает познание человеком правильной меры себя и вещей. Истинной мерой всего является Бог; человек, стяжавший смирение, выстраивает правильную иерархию ценностей, находит свое место в сотворенном Богом мире и обретает мир в душе.

Помогать, помощник, помощь – так часто мы употребляем эти слова в речи. С именем Помощникъ мы обращаемся к Богу, подающему мощь и силу. Без Него мы немощны и изнемогаем, без Него мы не можем *творити ничесоже* (Ин. 15:5). Имя Спаситель напоминает, что все нужное человеку для жизни найдется у Бога. Пастырь Добрый спасает от опасности, питает на пастбище, пестует и пасет Свою паству, воспитывает пищей Небесной.

Существуют и иные возможности применения языка церковнославянского на уроках, к примеру, введение фрагмента

текста в виде пословицы или слов Священного Писания, записанных кириллицей, в качестве эпиграфа.

Нравственный закон, запечатленный в народных пословицах, те жизненные правила, которые выработал народ для своего самосохранения и воспитания, находит подтверждение в текстах Священного Писания: объаѣмъи ѡбъаѣтса ѿ прѣмѣдра (Пс.)

Кто же этот объаѣмъи, и как он объаѣтса? Слова эти произошли от глагола бѣати, т.е. воздействовать на живое существо звуками, завораживать (от ворожить) и околдовывать; мамы и сегодня *баюкают* малых детей, дети рассказывают *байки*, а слово обаятельный употребляется в нашей речи наряду со словами очаровательный (чары), обворожительный (ворожить) и прелестный (льстить), потеряв отрицательную семантическую окрашенность, но сохранив лексическое значение корня.

Тексты Священного Писания требуют особого уважения и благоговейного отношения. Использование их для словесного анализа (разбора) нежелательно. Можно предложить учащимся специально сконструированные тексты в форме беседы. Слово не переводится буквально на русский язык с церковнославянского, производится толкование слова с помощью синонимов, антонимов, вариантного употребления в других словосочетаниях, слово рассматривается в языковой среде, лексическое значение его не застывает в однозначном соответствии.

Бесѣды словъ растлѣвають оумъи.

Чтò єсть бесѣда; бесѣда єсть ѡбщєніє дѡшєвное.

Чтò єсть слово; всѣкое слово ѿ дїавола: кнчєніє, самолюбіє, зависть, гнєвъ, сѡбы.

Чтò єсть тлєніє; тлє тлєнтъ лєнтъ, ѡгнь тлєнтъ дрѣво, болєзнь тлєнтъ тєло, зависть тлєнтъ дѡшѡ.

Чтò єсть оумъ; оумъ челоувѣчь єсть царь, дѡша царнца, тєло же слѡга ѿма. безъ царѡ въ главє челоувѣкъ твѡри подобнѣтѡ, оумъ же къ бѣ прѡбнѣтѡ. Разумѣи съ кємъ бесѣды воднѣти, съ кємъ повєдєшиа ѿ того нѣ набєрєшиа. Бєсѣды словъ растлѣвають оумъи

Форма беседы знакома нам по загадкам и песням (Голубиная книга, 12 в.). Использовалась она и книжниками в дидак-

тических текстах древнерусской литературы (Беседа трех святителей, 12 в.), употреблялась в донатусах и катехизисах. Вопросная форма включает в размышление и слушателя, который, подерживая разговор, научается образу мысли собеседника. Загадки учат наблюдать и размышлять, развивают воображение и смекалку.

Вопросно-ответная форма вызывает активное участие читателя в мыслительном процессе переживания текста. Читатель не просто выслушивает поучение, он задает себе вопрос, быть может, не затрагивавший его ранее. Поставленный вопрос подразумевает проблему, размышление, поэтому чтение последующего текста происходит с других позиций: читающий становится соавтором, входит в игру, пытается сам найти ответ на прозвучавший вопрос, старается, используя свой жизненный и читательский, интуитивный и практический опыт. Происходит некоторое соревнование, проверка своего понимания вопроса, читатель внутренне вопрошает себя: «А так ли я это понимаю, согласен ли с логической цепочкой, которую вы здесь предлагаете?»

Слово срѣбро, молчаніе злато.

Что ѣсть слово; слово бже ѣсть дѣло доброе. Слово же человекескую двѣ естѣ, аще ѣ добро, со оутѣ ѣкво жемчужнѣ драгѣа съплотѣа, аще ѣ зло, ѣкво жѣбы гдныа нзз оутѣ искочѣтѣ.

Конструируя краткие тексты на церковнославянском языке, мы можем насытить их изучаемым в данный момент материалом. К примеру, для знакомства с особенностями склонений имен существительных возможно использование ниже следующих упражнений:

Имя существительное, 2 скл., ед. ч.

Ѡ сдѣла члвччскѣа, не всѣкомѣ хрѣромѣ нощѣ воеводоу быти, не всѣкомѣ добромѣ воеводѣ щипѣ царскѣу носити. Не всѣцей дѣвѣ младѣи болынею быти, не всѣцей болынѣ честнѣи царницею ходити. Да никомѣ же земнѣ сыроу не мнновѣти, всѣкомѣ предз сдѣлю праведнымъ предѣтѣти.

Имя существительное, 3 скл., ед.ч., (только мн. ч.)

Ѡ людѣ, аще кто заповѣдѣ гдню соблюдетѣ, тоѣтѣ нъ вѣ нощѣ не пропадетѣ, аще кто пѣтѣмъ правымъ поидетѣ, радостѣ на него наидетѣ, благодѣтѣ бжеа снидетѣ, печаль же горька вѣдетѣ.

(Имя существительное, 1–4 скл., ед. и дв. ч.)

Жрѣцѣи искочѣта на дѣтѣ, ѣднѣ бжеа, дрѣгнѣ малѣ. Отрѣцѣти пасѣга ѣю, ѣднѣ добрѣ, дрѣгнѣ хрѣбрѣ. Врѣна цѣльнѣ цвѣтѣга тѣмѣ, ѣднѣ жѣлѣтѣ, дрѣгнѣ снѣ. Дрѣгѣа нѣдѣтѣ ѣю, ѣднѣ хоцѣтѣ ѣстнѣ, дрѣгнѣ лѣтѣ ри хоцѣтѣ дѣти. ѣднѣ нзбрѣа пѣтѣ скорѣ, дрѣгнѣ пѣтѣ мдрѣ.

Сконструированные тексты возможно собрать в виде кратких поучений для толкования слов пословицы. Форма беседы развивает образное мышление читателя, выстраивает ассоциативные связи, не требует однозначного ответа, ведь одну мысль можно выразить разными способами.

Наша задача - заинтересовать детей славянским языком, дать им почувствовать радость общения со словом. Что соединяет нас с далекими нашими предками, ходившими по нашей земле, радовавшимися ее красоте и богатствам?... Богато оутраше на ѣи земля рѣскаа... Через века, смуты и нестроения мчится мысль, нет для нее преград и оков. Что объединяет нас помимо ДНК? Конечно, наш язык. Язык, сохранивший, запечатлевший в себе нашу историю и традицию. Нет языка - нет народа.

Философские понятия, выраженные в 10 в. книжным славянским языком, мы так же выражаем и сегодня. Изменились формы слов, многие лексемы утрачены или изменили свой смысл на противоположный... Но, как только нам нужно подняться над действительностью, мы интуитивно избираем церковнославянский язык. Язык, вошедший в литературный русский язык незаметно для нас благодаря произведениям писателей 19–20 веков...

Смею утверждать, что при размышлениях о предметах высоких мы до сих пор пользуемся сокровищницей церковнославянского языка, философствование на этом языке для нас естественно.

Начало прѣмдурѣти стрѣхъ гдѣнь.

Что ѣсть начало; начало ѣсть всемѣ, нъ начало всемѣ ѣсть бже.

Чтò єсть прѣмѣдроть; прѣмѣдроть єсть раздѣлѣніе пѣти жнзни, вѣакъ жнвѣтъ, да не вѣакъ раздѣлѣтъ.

Чтò єсть стѣхъ; стѣхъ єсть чѣвѣтѣе чѣвѣчѣе, мѣжъ бездѣлѣ конѣа мѣлннѣ наказаннѣ, а мѣжъ прѣмѣдръ конѣа бѣа, посылѣющаго ѿ. Ктò єсть гдѣ; гдѣ нашъ єсть бѣа, онъ начѣло вѣемѣ. Къ нѣкъ же начѣло вѣкѣ єсть ѡбѣтъ, сдѣшнѣ єа ѿ бѣдѣши прѣмѣдръ.

Предлагаемая методика используется автором в общеобразовательной школе с 2002 года на уроках ОПК (в 5 классе), на уроках русского языка и литературы (в 5, 6, 7, 8, 11 классах). Позволяет обратить внимание учащихся на явления духовного мира, заставляет задуматься над мировоззренческими вопросами, раскрывает тайны человеческого бытия в сотворенном Богом мире.

Примечания

¹ Миронова Т.Л. Церковнославянский язык. М.: ПСТБИ.1997. С. 6.
² Лопухин А. П. Библейская история. Монреаль, 1986. С.369.
³ Мотовилов Н.А.Беседа преп. Серафима Саровского о цели христианской жизни. // Угодник Божий Серафим. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. 1992. Т.1. С .127.
⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ТЕРРА. 1995. Т.3. С.380.
⁵ Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1974. С.126.; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка 2003. Т.1. С.420.
⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка 2003. Т.3. С.254.
⁷ Крутова М.С. Златая цепь (по Троицкому списку): Тексты. Исследования. Комментарии. М.: ПСТБИ 2003. С. 31.

К ВОПРОСУ ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ ЦЕРКОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

Современное состояние культуры речи в России непосредственно отражено в языке печати, в том числе церковной. К сожалению, очевидно небрежное отношение к языковым нормам: грамматическим, орфографическим, пунктуационным, стилистическим, тогда как существование норм является средством поддержания жизнеспособности языка. «Живучестью своих форм русский язык ... обязан тому, что рядом с ним, в высшей сфере жизни продолжает свое существование церковнославянский язык»¹.

Особо сложные ситуации возникают в тех случаях, когда мы имеем дело с воспроизведением церковнославянских текстов в современной графике и орфографии.

Вопрос о допустимости таких изданий обсуждался в начале XX века на Поместном соборе Русской Православной Церкви, где была предложена достаточно гибкая стратегия развития церковной печати, тем более что фактически издания гражданского шрифта уже имели широкое распространение.

В настоящее время как в индивидуальной, так и в общецерковной богослужебной практике равно используются издания на церковнославянском языке и издания современного письма. Также широк круг небогослужебных изданий – периодика, мемуары, литературно-художественные тексты. Во всех этих изданиях мы сталкиваемся с неупорядоченностью орфографического оформления многих слов.

Наиболее показательным является употребление прописных букв. Современные редакторы и корректоры пользуются словарем В.В. Лопатина, Л.К. Чельцовой, И.В.Нечаевой или словарем журнала Московской Патриархии на сайте www/gramota.ru. К сожалению, оба справочника не предлагают лингвисти-

ческих обоснований выбора написаний в столь сложной лингвокультурной ситуации и потому не лишены противоречий.

Так, словарь ЖМП не объясняет разницы в написании названий дней (*Великий Понеде́льник – Светлый понеде́льник*), при именовании святых (*преподобный Серафим – Преподобный Сергей, святитель Спиридон – Святитель и Чудотворец Николай*), в написании литургической терминологии (*Великий канон – Евхаристический канон – Служба Святителю Николаю*). Кроме того, словарь ЖМП весьма ограничен количественно. Недостаточно ясный выбор прописной или строчной буквы, вероятно, объясняется тем, что словарь создавался не как лингвистический справочник, а как шпаргалка для издателей.

Словарь В.В. Лопатина в разделе «Правила употребления прописных букв» (§ 24–32) указывает, что названия культовых книг пишутся с прописной буквы, например: *Четьи-Минеи*, а в словарной статье то же слово написано как *Четьи минеи* (без дефиса!). В том же разделе: *Псалтирь*, а в словарной статье: *Псалтирь* (часть Библии, книга псалмов) и *псалтирь* (сборник псалмов для чтения вслух).

Причины столь разительных несовпадений видятся в следующем: при классификации слов религиозной тематики христианская, православная лексика рассматривается не как особый социолингвистический объект, а как часть весьма широкого и аморфного по классификации пласта современной русской лексики - названий, связанных с религией. Авторы словаря стремились найти компромисс между современными правилами орфографии и традициями оформления православных церковных, вообще религиозных и философских текстов, но не нашли точных лингвистических и культурологических оснований своей позиции.

Отсутствие нормативного издания серьезно осложняет оформление православных печатных изданий: у редакторов и корректоров, у авторов нет четкого представления о назначении и использовании прописных букв. В связи с этим мы часто сталкиваемся с использованием прописных букв якобы в особых стилистических условиях, тогда как в действительности этих особых стилистических условий текстах нет.

Показательной в этом случае является статья протоиерея Владимира Тимакова «В память вечную будет праведник», опубликованная в газете «Община XXI век – православное обозрение» № 3(40) за 2004 год. В тексте статьи мы выделили следующие словоформы и словосочетания:

- 1) *митрополит Антоний – Митрополит Антоний – архимандрит Антоний;*
- 2) *Владыка Антоний – владыка Антоний;*
- 3) *Владыка – владыка;*
- 4) *Протоиерей Владимир Тимаков – протоиерей Всеволод Шпиллер;*
- 5) *каждому Евангелисту – евангелист Иоанн Богослов;*
- 6) *Православна община – Лондонская Православная община – Лондонская община;*
- 7) *Православие – Англиканство;*
- 8) *Всенощное бдение – во время Всенощной – «Лития»;*
- 9) *Евхаристический канон – Литургия – исключительный Литургический момент – Литургическое тайнодействие;*
- 10) *пресуществление Святых Даров – Пресуществление Святых Даров;*
- 11) *земное должно пресуществиться в Небесное – подвластно земное пресуществить в небесное.*

Подобными примерами изобилуют многие периодические издания, жизнеописания подвижников благочестия, современная житийная литература, мемуары.

Не менее затруднительно употребление прописных букв при издании богослужебных текстов в современной графике, хотя ситуация далеко не новая: уже на рубеже веков весьма активно издавались богослужебные тексты на русском языке. В настоящее время многие известные тексты вновь издаются не на церковнославянском языке. При сравнении дореволюционных изданий с современными мы отметим следующее:

- увеличение количества прописных букв в современных текстах;
- частое нарушение графического единства текста (смена шрифта, унификация размера букв, неразличение прописных и строчных букв)

**РАДУЙСЯ, НЕВЕСТО НЕНЕВЕСТНАЯ*

Подобные несоответствия, двойные написания не только затрудняют чтение, но и деформируют зрительный облик слов, приводят к ошибочному толкованию значений и к неверному пониманию текстов в целом.

В качестве эксперимента мы проанализировали употребление прописных букв при именовании Божией Матери в текстах акафистов разных годов издания² и результаты представляем в виде таблицы.

	Акафист Пресвятой Богородице		Акафист в честь иконы «Владимирская»
	Молитвослов 1915 г.	Акафисты... 2004 г.	
Кондак 1	Взбранной Воеводе восписуем Ти раби Твои, Богородице да зовем Ти Невесто Невестная	Взбранной Воеводе восписуем Ти раби Твои, Богородице да зовем Ти Невесто Невестная	Взбранной воеводе Заступнице нашей Раби Твои, Богомати Пречистая от иконы Твоя
Икос 1	Богородице к Ней Еюже	Богородице к Ней Еюже Звездо, являющая Солнце	ангелов Царице мира Владычице скорая Подательнице усердная Послушница Тя, Пречистая Твою
Кондак 2	Святая Себе души Моей	Святая Себе души Моей	умоляше Тя Твою
Икос 2	Дева рцы Ми к Нейже	Дево к Нейже рцы Ми Таиннице	Царице Небесная Матерния щедроты Твои
Кондак 3	Тоя ложесна	Браконеискусная Тоя ложесна	Твою людem Твоим

Икос 3	Богоприятную Дева к Богородице	Богоприятную Дева Сея целование к Богородице	икону Твою Владычице
Кондак 4	к Тебе Непорочная Твое	к Тебе Непорочная Твое	Ты же, Всепетая иконы Твоя о имени Твоem
Икос 4	во чреве Мариине Юже Мати Еюже	во чреве Мариине Юже Мати Еюже	Твою
Кондак 5	---	---	икона Твоя, Владычице Тя
Икос 5	на руку Девичу Мати Благословенней	на руку Девичу Мати Благословенней	покров Твой Владычице Мати милосердная Источнице чудес наша Хранительнице роду нашему Покрове
Кондак 6	---	---	икона Твоя Владычица Твое
Икос 6	к Богородице	к Богородице	икона Твоя, Богородице Прибежище всем Ты бо еси наше Защитение !!!купино неопалимая
Кондак 7	Твоей	Твоей	Самую Тя, Пречистая Мати Божия икону Твою
Икос 7	---	Ю	Пренепорочная икона Твоя Царица Радосте нечаянная Царица Небесных Сил люди Твои

Кондак 8	---	---	Твоя, Твою Владычице
Икос 8	от Девы Богоприятныя	от Девы Богоприятныя	яко Матерь Свою Тя, Пренепорочная икону Твою
Кондак 9	--	--	Тя Богородитель- нице людие Твои иконе Твоей
Икос 9	о Тебе, Богородице	о Тебе, Богородице	Тя, Всесвятая Всепорочная иконы Твоя любовь Твою милости Твоя преславная Защитнице скорая Помощнице
Кондак 10	---	---	к Тебе Милосердная Мати милости Твоя Владычице
Икос 10	Богородице Девок Тебе Тя, Пречистая Твоей Ты, Тебе	Богородице Дево к Тебе Тя, Пречистая Твоей Ты, Тебе	к Тебе милости Твоя всеблажная Отроковице Мати Божия Владычице Матернюю любовь силою Своею
Кондак 11	---	---	Спасение Твое Храм твой Всемилосердная ризою Своею

Икос 11	зрим Святую Деву	зрим Святую Деву	Владычице Церкве нашае Похвало Пречистая Твоему скорбящих Радосте обуреваемых Пристанище
Кондак 12	---	---	благодать Твою милости Источниче Тобой воспоем
Икос 12	Твое, Тя, Тебе Еюже Богородице Святая, святых большая	Твоей, Тебе Богородице Еюже	Тя, милости Твоя Пречистая неусыпную Хранительницу Матернюю любовь Утверждение незыблемое Надеждо непостыдная Молитвенница теплая Заступнице усердная
Кондак 13	всепетая Мати Тебе поющих	всепетая Мати	Всепетая Мати Заступнице Всемилосердная Дево Богородице
Всего случаев употребления прописных букв	43	47	102

Для сравнения: справочник журнала Московской патриархии приводит 14 словоформ, причем не указывает, все ли иные существительные и прилагательные, заменяющие именованья Божией Матери, пишутся с прописной.

В результате исследования мы определили проблемы, решение которых поможет упорядочить орфографическое оформление современной церковной печати:

1. Насколько церковная печать подчинена или противопоставлена современной светской печати на уровне орфографии?

2. Что в современной церковной печати должно принимать как особую стилистическую ситуацию?

3. Что принимать за образец при копировании дореформенных и дореволюционных изданий?

4. Как повлияет орфографический режим в современной церковной печати на социокультурную ориентацию читателей?

5. Можно ли со значительной полнотой указать слова и словосочетания, где обязательно или желательно употребление прописных букв при оформлении текстов современных церковных печатных изданий?

Решение этих проблем – общая задача церковных и светских специалистов в области славяно-русской филологии.

Примечания

¹ Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб, 1876. С.181.

² Молитвослов с акафистами. Репринтное воспроизведение издания 1915 г. М., 1990.

³ Акафисты и каноны на каждый день. М., 2004.

⁴ Служба и акафист в честь иконы Божией Матери «Владимирская». М., 1992.

ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМА И ЯЗЫКА ДРЕВНЕРУССКОГО ЕВАНГЕЛИЯ XIV В. (РГАДА, Ф. 381 (СИН. ТИП.) № 18).

Древнерусские рукописи и по сей день остаются одним из важнейших источников по истории церковнославянского языка. Большинство рукописей не имеют точной даты и указания на место написания. В этой связи, одной из приоритетных задач при изучении рукописей является задача их атрибуции. В статье речь пойдет об опыте такого исследования на примере одной из древнерусских рукописей XIV в., хранящейся в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде 381 за номером 18. По жанру это наиболее распространенная книга Древней Руси – полноапракосное Евангелие.

Рукопись не имеет точной даты и указания на место создания. В каталогах рукописных книг Типогр. № 18 приблизительно датируют второй половиной XIV в. (см. Каталог ЦГАДА, Ч.1, 159; Каталог XIV в., Вып. 1, 285). Известно, что рукопись поступила в Москву на Печатный двор в 1679 г. из одного из псковских монастырей (Середкин монастырь; см. Покровский 1916). На последнем листе кодекса имеются богослужебные пометы, сделанные после его написания в XV в., которые содержат фонетические особенности древнепсковского говора: мену согласных *з-ж*: [п]о вождвн^ж 'после Воздвиженья' и мену *в-у*: оу вѣ^лкыи пш^с 'в Великий пост'. Это позволяет предполагать, что рукопись была создана именно на псковской земле. Впервые мысль об этом высказал Н.М. Каринский в книге «Язык Пскова и его области в XV в.» [СПб., 1909. С. 147–148].

Предпринятое комплексное языковое и палеографическое исследование рукописи, в числе прочих, ставило целью уточнение времени и места ее создания. В ходе изучения письма Типогр. № 18 было обнаружено большое число так называемых недописанных букв, или "полубукв", известных в древнерус-

ских памятниках с конца XIV в. Наиболее часто встречаются недописанные буквы *м* и *юс малый*. Полубуква *м* отмечена 77 раз, юс малый – 59 раз. В единичных случаях представлены: недописанные аз 45г7, 61в4, 61а15(2), 90а27(4) и *хер* λ 18а5(1)¹. Полубуквы ставятся преимущественно на конце строки с целью экономии места; они также отражают стремление писцов к вычурности. Не случайно появление полубукв сопровождается обычно увеличением числа всевозможных лигатур и способов фигурного завершения текста в древнерусских рукописях [Костюхина 1999: 9].

Появление недописанных букв в точно датированных древнерусских памятниках, как считает А.А. Турилов, отмечается не ранее 1390 г. [Каталог XIV в., 316–317]. Несколько известных рукописей с полубуквами относятся к началу XV в. (это Изборник 1403 г. и Пролог 1405 г. [ГИМ, Син. 275; Усп. 3]). Среди неточно датированных рукописей, кодексы с недописанными буквами по палеографическим признакам можно отнести к рубежу XIV – XV вв. (см. рукописи: ГИМ Воскр. 2, "Лаврское Евангелие" [Киев, ЦНБ АН Украины, 4 П/1], Евангелие тетр [НБ МГУ 2Вg42, Каталог XIV в., 316–317]). По мнению А.А. Турилова, наличие недописанных букв служит веским аргументом в пользу датировки рукописи концом XIV в., а возможно, и началом XV в. (устная беседа). Наличие полубукв, таким образом, свидетельствует, скорее всего, в пользу более поздней датировки Типогр. № 18 по отношению к предложенной в каталогах рукописных книг. Значительное число недописанных букв позволяет датировать рукопись не второй половиной, а концом XIV в.

На более позднюю датировку указывают и некоторые другие палеографические и графические приметы, одна из которых – преимущественное употребление *e* широкого полулежащего в строке для обозначения сочетания [je], в то время как букву *e* йотированное писцы употребляют лишь в единичных случаях. Письмо в целом имеет высокую сигнальную линию (Щепкин 1999: 128; Костюхина 1999: 7); косые соединительные линии у букв *ѣ*, *ю* касаются верха правой части или же располо-

жены вверху букв. Петли букв *ь*, *ъ*, *ы*, *б* достигают в некоторых случаях двух третей высоты мачты. Буква *ч* имеет глубокую чашу и короткую ножку, в некоторых случаях отмечено строчное *ч* без ножки. Выносное *ч* всегда пишется без ножки. Совокупность всех указанных признаков позволяет, на наш взгляд, датировать рукопись именно концом XIV в.

Сложнее решить вопрос о месте создания Типогр. № 18. Тщательный и всесторонний анализ языковых особенностей не дает убедительного ответа на этот вопрос. Сложность заключается в том, что рукопись имеет слабовыраженную диалектную окраску, как заметил о ней еще Н. Каринский (что, впрочем, нередко встречается в памятниках этого жанра; относительно малое число описок, диалектизмов и прочих ненормированных написаний в евангельских текстах объясняется тем, что они были хорошо известны многим переписчикам, что способствовало сохранению строгих норм канонических текстов). Слабая диалектная окраска дала возможность Н. Каринскому лишь с большой степенью осторожности относить Типогр. № 18 к древнепсковским рукописям (Каринский 1909: 204).

В ходе исследования выяснилось, что Типогр. № 18 не имеет ни одного случая мены шипящих и свистящих, что ставит под сомнение не только его псковское, но и в целом северо-западное, ввиду полного отсутствия цоканья, происхождение. Хорошо известно, что псковские книжные памятники XIV – XV вв. характеризуются, как правило, яркой диалектной окраской (Соболевский 1884). Они имеют смешение всех шипящих и свистящих, мену *a – e* на конце слов после мягких согласных, сочетания *гл*, *кл* на месте *dl, *tl и т.д. Эти признаки отсутствуют в рукописи. Вместе с тем некоторые морфологические черты все-таки позволяют связать ее с северо-западной территорией. В первую очередь, это форма номинатива: *хлѣбѣ* 10г21(1) И.VI.51 у существительного *о склонения (*азъ есмь хлѣбѣ животныи*), которая была характерной особенностью живой речи северо-западных древнерусских говоров (Зализняк 1986: 129). Отмечена также северо-западная форма Р. падежа ед. числа жен. рода твердой разновидности на *-ѣ*: *рыбѣ* 86в3(2) Л.XI.11, вероятно, представляющая влияние мягкой разновид-

ности номинативного склонения на твердую. Существенно также отметить, что встречаются формы презенса 3 лица без **-ть** в обоих спряжениях, например, в глаголах I спряжения: **придѣ** 546₂₄(2) Мт. XXIV.50, 11в13(1) И. XVI.2, **ні можі** 676₂₆(2) Мк. VII.18, **сважі** 386-в₄(2) Мт. XII.29, **ни сбираю** 356₁₀(2) Мт. VI.26; во II спряжении: **твори** 34в₁₇(2) Мт. VII.24. В современных говорах употребление форм 3 лица без **-ть** в I и во II спряжениях вне зависимости от места ударения встречается достаточно редко. Примеры отмечены лишь в единичных областях псковской территории (Попова 1998: 134). Этот факт также свидетельствует в пользу того, что рукопись северо-западного происхождения.

Следует отметить и синтаксическую особенность употребления «избыточного» **єсть** в предложении со значением удостоверительной частицы, присущую северо-западным говорам: **въ нерѣмѣ єсть мѣсто идѣжі єсть подобаетъ кланати сѧ подобаетъ** 15г₁₁(1) И. IV.20 (ср. в ЕвМар., ЕвМст. **идѣжі кланати сѧ подобаетъ**)².

Можно выделить ряд фонетических черт: редкую замену **ѣ** – **и** исключительно в позиции перед **ј** и **і** неслоговым, что встречается в некоторых древнепсковских памятниках. Примеры: **сианиа ‘сѣяние**, т.е. засеянное поле’: 36г₁₆(2), 81в₂₁(1), **стариши/на^М** (!) ‘старѣйшинам’ 93г₂₂(1), **пѣрвие** ‘наречие **первѣе**’ 2а₂(1), 11г₅(1), 326₂₄(2), 88г₈(2).

Возможно, северо-западной особенностью является особый рефлекс праславянского сочетания ***tъrt** в **доржаша** 756₁(4). А. Шахматов считал эту форму диалектной, он приводит аналогичные формы в говорах: «*не доторжу* Лодомск. гр. 1581 № СХХХVII, великор. *доржать, задорживать*: парал. формы *держать, дѣржыт* из *държати*» (Шахматов 1915: 158). В современных архангельских говорах зафиксирована форма [д’уржыт], а также рефлекс ***tъrt** в: [см’уртно(j), см’урт’] (Гецова 1997: 140).

Объединяет данную рукопись с псковскими и частые пропуски **ј** после гласных, что характерно для многих псковских рукописей XV в., например: **досто/нѣ** ‘достоеин’ 37в₁₆(2), **житис-ками** 836₁₅(2), **оубица** 16г₂(1), **снѣ мо** ‘мой’ 726₁₁(2), **помилѣ**

‘помилуй’ 576₉(2) и т.д. и написание основы **взрати-** с упрощением внутри группы согласных: **взратисѧ** 72г₁₁(2), **взрацісѧ** 516₆(2), **взратитсѧ** 84а₂₈(2), **възратистасѧ** 36₂₋₃(1) и т.д. Аналогичные написания неоднократно фиксируются в псковских рукописях XV в. По мнению Н.М. Каринского, в некоторых псковских школах письма написание основы **взрати-** без **в** стало в XV в. уже орфографической традицией (Каринский 1909: 138).

Наряду с северо-западными особенностями, в Типогр. № 18 находим черты, объединяющие рукопись с западно- и южнорусскими говорами, в первую очередь, утрату начальных гласных **и** и **у** после гласного предыдущего слова, например: **ѡ сѣѣ** ‘о Иисусе’ 84в₁₉(2), **ѡ стинѣ** ‘о истине’ 7г₂₀(1), **оузрѣ на** ‘вм. ина’ **два брата** 32г₁(2)³, **єси шѣлѣ** ‘еси ишелъ’ 26а₂₃(1). Пропуск начального **у** представлен в примере: **ископа и глѣби** ‘ископа и углуби’ 786₈(4).

Подобные пропуски известны в юго-западнорусских памятниках XIV и XV вв. (см. Соболевский 1884: 192; Голоскевич 1914: 38; Шахматов 1915: 221). Интересно, что утраты начальной гласной после гласной предыдущего слова представлены и в новгородских берестяных грамотах, например: **а ное** ‘а иное’ Гр. № 61 (XIII), **до сени** ‘до осени’ Гр. № 724 (1161–67), **а ныхѣ** ‘а иныхъ’ 466, **у Вана** ‘у Ивана’ 495 и т.д. (Зализняк 1995: 57–58). А.А. Зализняк связывает утрату начальных гласных с особенностями местного говора и отмечает, что она происходит после проклитики, оканчивающейся на гласную (Зализняк 1995: 57).

Косвенно об утрате начальных гласных в говоре писцов Типогр. № 18 свидетельствует орфография редуцированного **ѣ** в предлогах и приставках перед гласными. Перед буквами **и**, **о**, **у** редуцированный **ѣ** последовательно вокализуется в **о**, перед остальными гласными сохраняется в виде **ѣ**, например: **во нерданѣ** 5а₂₀(1), **во искѣшѣние** 86а₁₁(2), **во ѡгнь** 25а₆(1), **во оуѣнии** 596₁₀(2), **со нродыаны** 58а₂(2), **ко ѡѣю** 86₁₅(1), **ко оуѣнкомѣ** 46г₂₇(2) и т.д.; **въ единѣ** 56(1), **въ езіро** 29в₂₇(2), **кѣ единнон** 77а₂(4) и т.д. Аналогичную закономерность впервые отметил Л. Васильев в галицко-волинских рукописях (Васильев 1908).

По его мнению, подобная орфография связана с особенностями живого говора писцов южнорусских рукописей, где начальные *и* и *у* могли становиться неслоговыми и исчезать. При этом они воздействовали на предыдущий редуцированный предлога подобно исчезающим кратким глухим, т.е. способствовали его переходу в гласный полного образования (Васильев 1908: 18).

Распределение *ѣ* и *о* в приставках перед гласными в Типогр. № 18 проводится очень последовательно, что позволяет предполагать здесь влияние живой речи. Эта фонетическая особенность может объясняться влиянием западнорусских говоров. Исследователи неоднократно отмечали активное влияние предков будущих белорусских говоров на псковские. Н.М. Каринский видел в Типогр. № 18 следы белорусского влияния, проявившиеся, в частности, в отсутствии цоканья и мены *у* и *в* (Каринский 1909: 204, 206).

Отмечены, возможно, общие с южнорусскими говорами формы глаголов 2 лица мн. числа повелительного наклонения на *-ть*: *бѣдѣть* 24г₁₆(1) И.XV.3–4, *нѣ идѣть* 33а₂₄(2) Мт.X.5, *сважѣть* 41б₃(2) Мт.XIII.30. Аналогичные формы зафиксированы в современном украинском языке *беріть*, *ідіть*, *ходіть* (и *berit*, *hodit* и пр.) (Дурново 2000: 320). Они также встречаются в галицко-волинских рукописях, например, в Евсевиевом Евангелии (Голоскевич 1914: 44).

Суммируя все вышеизложенные признаки, наиболее вероятным представляется предположение о том, что рукопись создана носителями древнепсковского говора, возможно, переходного к белорусским, испытавшего заметное влияние западнорусских диалектов⁴.

Однако предположение о псковском происхождении Типогр. № 18 может быть более или менее убедительным лишь при решении вопроса о причинах отсутствия цоканья и мены шипящих и свистящих в рукописи. Не исключено, что ключевая роль принадлежит здесь именно западнорусским говорам. Смоленским и полоцким говорам, с которыми на юге граничили псковские, еще в первой половине XIII в. было известно цоканье, но к XIV в. эта черта в памятниках белорусских говоров полностью исчезает (Дурново 2000: 211; Дурново 1969: 181). Утра-

тившие цоканье смоленские и полоцкие говоры, в свою очередь, могли повлиять и на соседние псковские говоры, что вызывало у последних утрату цоканья и шепелявения.

Как показывает анализ псковских не книжных памятников XIV – нач. XV вв., лишь немногие из них имеют мену шипящих и свистящих, мена *ц* – *ч* в части древнепсковских памятников представлена в очень ограниченном количестве. А в памятниках делового характера новгородско-псковского ареала XVI – XVII вв., по наблюдениям многих исследователей, уже практически повсеместно отсутствуют случаи смешения букв *ч*–*ц* (Галинская 2002: 36, 104).

Отсутствие цоканья в некоторых древнерусских северо-западных рукописях исследователи объясняют двумя причинами: одни считают, что среди новгородских говоров, возможно, были нецокающие (Борковский, Кузнецов 1965)⁵, другие предполагают, что цоканье могло исчезнуть в части говоров под влиянием нецокающих говоров (Соболевский 1980). Так, А.И. Соболевский связывал утрату цоканья новгородской письменностью начиная с середины XIV в. с постепенно нарастающим влиянием московского говора, не знавшего такой мены. "Главная черта старого новгородского литературного языка, мена *ц* и *ч*, – пишет он, – была признана провинциализмом, нетерпимом в литературном языке...С XVI в., когда Москва утвердилась в Новгороде и во всем севере Руси, прежде подвластном Новгороду и говорившем новгородским говором...старый новгородский литературный язык исчез" (Соболевский 1980: 48). Вслед за новгородским литературным языком, последовал и псковский литературный язык. Это произошло к XVI в.

По всей видимости, отсутствие мены всех шипящих и свистящих в Типогр. № 18 логичнее всего объяснять влиянием говоров, не знающих такой мены. Такими могли быть западнорусские говоры, утратившие цоканье к тому времени. Нет оснований считать данную рукопись южно- или западнорусской, т.к. в ней отсутствуют наиболее показательные признаки этих говоров: написания *жч* на месте **dj*, новый *ять* и др. Необоснованно также считать ее северо-восточной ввиду наличия диалектных

особенностей: номинатива на *-e*, форм презенса без **-ть** в обоих спряжениях, мены **ѣ** – *и* перед *ј* и др., которые роднят ее с северо-западными рукописями; а такие особенности, как утрата начальных *и, у* после гласного предыдущего слова, формы повелительного наклонения с окончанием *-ть* во 2 лице мн. числа сближают говор писцов Типогр. № 18 с южно- и западнорусскими. Возможно, что в Типогр. № 18 представлен псковский говор, испытавший влияние западнорусских, либо переходный к белорусским древнепсковский говор.

Примечания

¹ В формуляре после примера указываются номер листа, столбец в рукописи (столбцы *а, б* расположены на лицевой стороне, столбцы *в, г* – на оборотной), строка и в круглых скобках номер писца. Всего в написании рукописи участвовало четыре писца (см. Пряхина 2003).

² Об этом см. Шевелева 1993: 139–140.

³ *И* подписано другими чернилами.

⁴ Заметим, что и поныне большая часть современных псковских говоров в районе самого Пскова, а также к югу и юго-западу от него до границы с белорусскими говорами, по данным МДК, считается северновеликорусскими переходными к белорусским (Дурново 1969, карта "Диалектологическая карта русского языка в Европе").

⁵ Анализируя современные диалекты, где присутствует цоканье, С.Л. Николаев отмечает многообразие различных видов цоканья и выводит несколько типов диалектных систем, в которых по-разному отражаются рефлексии трех палатализаций для звука **к* (Николаев 1988: 150, 152). В одной из диалектных систем, "псковской", отмечаются следующие рефлексии: "...**к* в позиции II палатализации дает *к'* (*/m'*), а рефлексии **к* в позиции I и III палатализаций либо нейтрализуются в твердом *ц*, либо (видимо, вторично) различаются (подчеркнуто мною. – *И.П.*) (на месте **к* в позиции I палатализации мы находим [*ч'*] или [*ц'*], на месте **к* в позиции III палатализации – [*ц*]" (Николаев 1988: 146). Описанная С.Л. Николаевым "псковская" система встречалась, по его мнению, вероятно, и в древнепсковских говорах. В случае различия в ней (возможно, вторичного) рефлексии первой и третьей палатализаций при наличии особого рефлексии II палатализации, фактически будет иметь место нецокающий говор.

Сокращения

ЕвМар. – Мариинское Евангелие
ЕвМст. – Мстиславово Евангелие
Типогр. № 18 – Евангелие РГАДА, ф. 381, № 18.

Литература

Борковский, Кузнецов 1965 – *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка, 2-е изд., доп. М., 1965.

Васильев 1908 – *Васильев Л.Л.* О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог // ИОРЯС, [Оттиск]. СПб. 1908.

Галинская 1997 – *Галинская Е.А.* Из исторической фонетики псковских говоров // Русские диалекты: история и современность. М., 1997.

Гецова 1997 – *Гецова О.Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Русские диалекты: история и современность. М., 1997.

Голоскевич 1914 – *Голоскевич Г.К.* Евсевиево Евангелие 1283 г. Опыт историко-филологического исследования // Исследования по русскому языку. Т. III. Вып. 2. СПб., 1914.

Дурново 1969 – *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка, 2-е изд. М., 1969.

Дурново 2000 – *Дурново Н.Н.* Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Зализняк 1986 – *Зализняк А.А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977 – 1983 гг.). М., 1986.

Кандаурова 1957 – *Кандаурова Т.Н.* К истории древнепсковского диалекта XV века: (О языке псковского Пролога 1383 г.) // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 8.

Каринский 1909 – *Каринский Н.М.* Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909.

Каталог ЦГАДА – Каталог славяно-русских книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 1, 2.

Каталог XIV в. – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская) / Редколлегия О.А. Князевская, Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшиц, А.А. Туринлов, Н.Б. Шеламанова. М., 2002.

Костюхина 1999 – *Костюхина Л.М.* Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. Русский полуустав. М., 1999.

Николаев 1988 – *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

Покровский 1916 – *Покровский А.А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие // Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г., II. М., 1916.

Пряхина 2003 – *Пряхина И.И.* К вопросу о диалектной неоднородности древнепсковских говоров (о локализации одной древнерусской рукописи Евангелия второй пол. XIV в.) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2003. М., 2003.

Соболевский 1884 – *Соболевский А.И.* Очерки по истории русского языка. Ч. I. Киев, 1884.

Соболевский 1980 – *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. М., 1980.

Шевелева 1993 – *Шевелева М.Н.* Аномальные церковнославянские формы с глаголом **быти** и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию (Памяти профессора Г.А. Хабургаева). М., 1993.

М. О. Кочетова
Москва

О ПРОБЛЕМЕ ВТОРОГО ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИТИЯ КНЯЗЯ ФЕОДОРА ЯРОСЛАВСКОГО)

Научное изучение проблемы так называемого «второго южнославянского влияния» было начато А.И. Соболевским. В своей работе «Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв.» он писал: «...между половиною XIV и половиною XV веков русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию. Это произошло благодаря усилившимся сношениям России с Константинополем и Афоном»¹.

Точка зрения Соболевского была подвергнута критике в конце XX в. крупнейшим отечественным славистом Л.П. Жуковской. Ей удалось установить, что филигранологические справочники, бывшие в распоряжении Соболевского, вместе взятые, содержали менее 2000 изображений водяных знаков²; следовательно, А.И. Соболевский не был знаком с фундаментальными справочниками по филиграммам, вышедшими в свет в конце XIX в.: трехтомным трудом Н.П. Лихачева³ в России и четырехтомным альбомом Шарля Брике⁴, вышедшим в начале XX в. в Западной Европе, не говоря уже о современных альбомах филиграней⁵.

Заново датировав некоторые рукописи (списки Пролога, житие Анисьи и др.), Л. П. Жуковская высказала мысль об ошибочности самого понятия «второе южнославянское влияние». По ее мнению, новые графико-орфографические нормы сложились веком позднее, т.е. во второй половине XV в. и первой половине XVI века⁶.

Л.П. Жуковская дала южнославянскому влиянию следующее определение: «Мы под влиянием понимаем такую графико-орфографическую практику, когда при переписывании древ-

нерусского оригинала русский писец применяет приемы и законы южнославянской письменности, отражающие фонетические закономерности южнославянских языков. Что касается случаев единичности использования южнославянского оригинала, при котором писец переписывает содержание памятника, изгоняя из него несовместимые с его графико-орфографическими представлениями написания, но делает это не всегда тщательно, такие случаи, на наш взгляд, не являются отражением влияния»⁷.

К изучению «второго южнославянского влияния» обратился также в середине XX в. проф. Б.А. Ларин. В статье «Язык памятников, отражающих второе южнославянское влияние»⁸ он отмечал, что инновации в орфографии и языке рукописей XIV–XV вв. делали древнерусские книги похожими на болгарские и сербские рукописи XIV и пер. пол. XV в., т.к. многие книги были завезены в Московскую Русь из Сербии и Болгарии. Также заметную роль Б.А. Ларин отводит эмигрантам с Балканского полуострова – крупным церковным деятелям и писателям, приехавшим в Россию из Балканских государств. Однако он указывает, что проникновение этих инноваций в московскую письменность относится к XIV в. и началу XV, а завоевание Балканских государств турками, падение Византии, Болгарии, Сербии относится к более позднему времени, ко второй четверти – середине XV века. Поэтому причину второго южнославянского влияния Б.А. Ларин видит не в разгроме и падении южнославянских государств, а в расцвете наук и письменности у балканских славян, который характеризует последнее столетие перед турецким завоеванием, т.е. XIV век. «Второе южнославянское влияние XIV–XV веков выразилось в изменении внешнего вида памятников письменности, прежде всего их орфографии и в известной мере графики. Появляются новые начертания букв, приближающие русское письмо к древнегреческому. И это объясняется не непосредственным знакомством с греческими рукописями, которое имело место в очень узком кругу книжников <...>, а именно через южнославянскую письменность, давно уже принявшую новые, по сравнению с первым периодом развития славянской письменности, начертания, тождественные гре-

ческим»⁹. Академик Б.А. Ларин выделил следующие признаки греческого влияния на русскую письменность XIV–XV веков:

- употребление греческого **ε** вместо начертания **е**
- употребление греческой **α** вместо **а**
- начертания **λ** и **μ**
- употребление греческой **υ** вместо **у**
- появление **ω** в первичном начертании и ее частотное употребление
- появление **ψ** вместо **пс** и **ξ** вместо **кс**
- широкое употребление **ρ** и **ν**
- сочетание слогового с плавным (**тръгъь**, **врѣхъь**)
- распространение круглого написания **ѳ** вместо прежнего острого, ломаного **в**
- появление неизвестного русской письменности **э**
- «червь-получаша» вместо «червь-чаша»
- возобновление написания **ж** «красоты ради, а не истины»
- появление «ять хромой» вместо **ѣ**
- появление **ы** вместо **ѣ**
- употребление «**е** якорного»

Б.А. Лариным было отмечено широкое внедрение идеографических элементов письма в данный период.

Также Б.А. Ларин отметил обогащение пунктуации: «До XIV в. рукописи знают точку как знак, примерно соответствующий запятой, затем двоеточие для обозначения более долгой паузы и точку с запятой, соответствующую нашему вопросительному знаку. В XIV веке появляется запятая в том же значении, в каком мы ее употребляем, меняются функции точки, точки с запятой и двоеточия, приближаясь постепенно к современному значению»¹⁰.

Более существенными, по мнению Б.А. Ларина, были изменения в орфографии. Прежде всего встречаются написания **і** перед гласными. В древнейших рукописях **і** употреблялась лишь в определенных словах, например **Иі** сус и затем после восьмеричного **і**, но не перед ним.

Становится правилом чуждое русскому произношению и отражающее лишь диалектное произношение немногих говоров

южнорусских славян написание **сіа, великаа, моа, вражна, съо-
үзъ**. Под влиянием сербского языка, где сочетание глухих с плавными дало в это время слогаобразующий плавный сонант, появляются написания **влькъ, длъгъ, плънъ, чръньць** и др. Становится правилом писать юсы в конце слова и в корнях. С этого времени мы имеем написания типа **массо, джхъ, Богородицъ**. После плавных начинает строго и последовательно писаться **ѣ: прѣдъ, прѣлестъ, плѣнъ**. Широко заменяется старое русское **ч** на **щ**. Постепенно возвращается к XIV веку старославянское сочетание **жд**, которое к XIII–XIV векам исчезло. Вместо **роже-
ство, нѣжа, преже** писцы пишут **рождество, нѣжда, прежде**.

Южнославянские нововведения, по мнению Б.А. Ларина, широко проявляются в церковной письменности, но почти совсем не проникают в деловую письменность.

Со второй половины XV века начинается процесс, который Б.А. Ларин обособляет от «второго южнославянского влияния». Этот процесс он называет *реставрацией старокнижных традиций в литературном языке*. В основном это реставрация старославянского языка, но в известной мере и древнейшего русского литературного языка домонгольской поры. Процесс реставрации был гораздо глубже, чем «второе южнославянское влияние». Он, по мнению Б.А. Ларина, местный и связан с теоретическим обоснованием московского самодержавия. Преемственная связь реставрации старокнижного языка со «вторым южнославянским влиянием» объясняется тем, что после падения Сербии, Болгарии и Византии Московская Русь осталась единственным государством, где православная Церковь пользовалась полной поддержкой светской власти. Целый ряд русских литературных произведений обосновывает теорию «третьего Рима»¹¹.

Значительную роль влиянию на русскую письменность идеи «Москва – третий Рим» отводит и Л.П. Жуковская. Феодальное дробление древнерусского государства началось после смерти Мстислава Великого в 1132 г. Междоусобицы князей и все более усиливавшаяся феодальная раздробленность привели к тому, что на Русь стали нападать соседи как с Востока, так и с За-

пада. Постепенно страна потеряла большую часть своей территории и оказалась стиснутой между татарами и литовцами.

Агрессия с Востока сделала ее вассалом Золотой Орды. Однако монголо-татарское иго не привело к утрате древнерусским народом своего языка и духовной культуры. Конфессиональным и государственным языком оставался родной восточнославянский язык, живший по собственным законам. Письменная культура продолжала существовать и совершенствоваться без существенного вмешательства со стороны захватчиков.

На Западе ослабление восточнославянского по языку, единого древнерусского государства привело к отторжению его западных земель. Так, к концу XIV века Великое княжество литовское распространилось далеко на Восток и захватило даже Курск. В 1404 г. на 110 лет был отторгнут Смоленск, захвачено все верховье Днепра к северо-востоку от Смоленска.

Ситуация стала существенно изменяться только во 2-й половине XV века при внуке Дмитрия Донского Василии II (Василии Васильевиче Темном), который в основном покончил с внутренним процессом феодального дробления Руси, а вместе с тем положил предел захватническим устремлениям соседних государственных образований. При нем были ликвидированы княжеские уделы внутри Московского княжества. В этой деятельности великому князю содействовала русская православная Церковь, стремившаяся к автокефалии. Добиваться этой самостоятельности было тем легче, что Флорентийская уния 1439 года объединила греческую православную Церковь агонизирующей Византии с римско-католической. В результате ряда мероприятий Русская Церковь в 1448 году получила автокефалию. Когда же в 1453 г. Константинополь был разграблен турками, а к 1461 г. была оккупирована остальная часть Византийской империи, окончательно созрела почва для появления идеи «Москва – третий Рим», поскольку к этому времени Русь осталась единственной православной страной, обладающей политической и государственной независимостью, т.к. самостоятельность славяноязычных стран перестала существовать на Балканах еще в конце XIV века, когда в 1389 г. сербы понесли тяжелейшее поражение в битве с турками на Косовом поле,

а в 1393 г. пала столица болгар Тырново. Вследствие этого Москва стала пониматься как наследница Рима и Константинополя и спасительница духовного мира славян.

Таким образом, возникает идея преемственности письменного наследия, в том числе в его графико-орфографическом аспекте. В письменности появляются грецизированные начертания α , ϵ , восстанавливается диграф $\alpha\gamma$, который был еще в XIV веке последовательно заменен в позиции после согласных монографом γ .

Также важно вспомнить, что в княжение Ивана III произошло стояние на Угре, присоединение Великого Новгорода, Вятского и Тверского княжеств. Ко времени его княжения также относится оформление титула «великого князя всея Руси».

Сын Ивана III Василий III завершил объединение русских земель вокруг Москвы. В 1510 г. был присоединен Псков, затем Рязанское и Новгород-Северское княжества, Волоцкий удел. В 1514 г. был отвоеван у Литвы Смоленск.

В начале XVI в. идея «Москва – третий Рим» была окончательно сформулирована в посланиях старца Псковского Елизауровского монастыря Филофея к Василию III: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

Также нам необходимо вспомнить митрополита Макария (1482–1563; митрополит с 1542г.), под руководством которого на соборах в 1542 и 1549 гг. были канонизированы новые святые, составлены Минеи-Четьи.

Как уже было сказано выше, Л. П. Жуковская подвергла критике точку зрения Соболевского и предложила рассматривать явление разрушения четких полууставных норм как архаизацию и грецизацию письма, а не как иноязычное влияние: «Наступил такой период развития славянской письменной культуры, когда местнические тенденции развития письма стали расцениваться как нежелательные. В частности, русские писцы в конце XV в. в центральных скрипториях перестают стремиться приспособить письмо к своему живому произношению, как это было в Древней Руси, но, наоборот, по крайней мере, с XVI в. озабочены идеей общеславянского православного

единства, во главе которого должна была оказаться «Москва – третий Рим».¹²

Аналогичное заключение было сделано американским славистом Д. Вортом. Он писал: «При изучении т.н. «второго южнославянского влияния» следует различать явления, с одной стороны, стилистического (риторического) порядка, а с другой, чисто лингвистического; первые имеют значения, преимущественно, для развития языка художественной литературы ... восходят не к болгарским или сербским источникам, а представляют собой скорее возобновление и интенсификацию риторических приемов древнерусской (киевской) поры. Подобным образом обстоит дело и с чисто лингвистическими явлениями исследуемого периода... Сам термин «второе южнославянское влияние» оказывается неправильным: лингвокультурные явления данного периода в истории русского литературного языка следует считать по происхождению не столько иноязычными (южнославянскими), сколько автохтонными (архаизирующими или псевдоклассическими)».¹³

Учитывая тот факт, что данный вопрос является для современной славистики весьма актуальным, мы провели исследование на материале списков жития благоверного князя Феодора Ярославского – известного княжеского жития, многочисленные редакции которого сложились с XIV по XVII век.

Придерживаясь в нашем исследовании предложенных Л.П. Жуковской и Б.А. Лариным определений изменений древнерусской графики и орфографии, мы систематизировали материал в таблицах, в которых представили явления, свидетельствующие об архаизации, грецизации и других орфографических изменениях.

Вначале мы приводим краткую палеографическую характеристику рукописи.

Все исследованные рукописи относятся к XVI в. ф. 304 № 790, собрание Троице-Сергиевой Лавры. Сборник служб и житий кон. XVI – нач. XVII вв. Полуустав и скоропись разных почерков. 273 лл. Житие св. Феодора редакции иеромонаха Антония, лл. 151–165 об., написано полууставом XVI в.

Внедрение греческих элементов письма в русскую графику	Возврат к южнославянским написаниям	Возобновление написания Ж	Орфографические изменения
пр длежи	таковаа	жспѣшно	жызнѣ
взыщ тса	не сіа	со жмом'	
ѡм х	дрьжѡ		
наш стві	трѣпѣливомѡ		
	ѡврьжетса		

ф. 310 № 582. Собрание В.М. Ундольского. Сборник житий втор. пол. XVI в. Полуустав. 579 лл. Житие князя Феодора редакции иеромонаха Антония, лл. 325-334.

Внедрение греческих элементов письма в русскую графику	Возврат к южнославянским написаниям	Возобновление написания Ж	Внедрение идеографических элементов	Смешение традиционных начерков и идеографических элементов
Тродина	слѣгы	ѡж	ѡко	ѡ на
похваляемый	не млѣчно	вжпѣ	ѡчима	ѡ коемѣ
новыкохѣ		имѣщимѣ		ѡканный
ѡмоу		пжѣ		
матерь		дрьжж		
		сжѣ		

ф.98 . № 233. Собрание Е. Е. Егорова. Торжественник на сентябрь-ноябрь. Втор. пол. XVI в. Житие князя Феодора редакции иеромонаха Антония, лл. 149 об.-179 об.

В данной рукописи встречаются сочетания плавного с редуцированным: **вседръжавнаго, врьху, несъврѣшенъ**, «зияние» гласных: **таковаа, своа, вжигаа, честныа, исцѣленіа, напаающа**; архаизированное написание слов с корнем **ржс-**.

Особого внимания заслуживает трефологий на сентябрь-декабрь (ф.98 № 302) из собрания Е. Е. Егорова. Рукопись датируется третьей четвертью XVI в., написана полууставом разных почерков. Служба свв. князьям помещена на листах 110 об. – 134.

В данной рукописи помимо грецизированных и архаизированных начертаний, отмечаются случаи употребления **оу** не в начале слова, «зияния» гласных, восточнославянские рефлекс-ы *dj.

Текст седална по полиелее, где встретились интересующие нас графика-орфографические особенности, приводим полностью.

Житійское море въздрѣжаніемъ | бес трѣда преплоувше. и въ | пристанище мысленое вестрастіа пристали есте. сожди | въздрѣжаніем. богатества | некрадомаа тавістеса блѣни. двѣ и конь|стантине. безстрастіемъ || (л. 116 об.) въ житіи си просвѣтивше. | тревѣющимъ вбогашающі | мѣтъ хѣ бѣ. молитѣ дарова|ти намъ велию мѣтъ:

Нѣвѣю дверь и ковчегъ. пре|святою горѣ. свѣтлый облакъ| воспомѣ. неупалимѣю коу|пиноу. словесный раи. ев'жи|но возванне. вселеннй всей | велики съсждѣ. тако тоа раді | спсєнне содѣлса мирови. и въ|ставленне древнимъ согршені|емъ. тѣмъ же вопіемъ ей. | моли хѣ бѣ согрѣшени|ем оста|вленне даровати. иже блѣчѣтно | поклоняющимса ржѣвѣ тво|емоу:

Таким образом, приведенный выше анализ рукописей показывает, что изменения, происходившие в русской графике и орфографии в средневековый период, могут быть отнесены к XVI в., поскольку именно в этот период были созданы предпосылки для возникновения автохтонных инноваций в древнерусской письменности.

Примечания

¹ *Соболевский А.И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. СПб., 1894. С.8.

² *Лантев И. П.* Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи. СПб., 1824 (всего 170 водяных знаков); *Тромонин К.Я.* Знаки писчей бумаги. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. М., 1844 (опубликовано 1827 вариантов филиграней).

³ *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб. Ч.1. 1898; Ч.2. 1899; Ч.3. 1899.

⁴ *С.М. Briquet.* Les filigranes. Dictionnaire historique d'ès marques du papier d'ès leur apparation vers 1282 jusqu, en 1600. Ed. 2. Leipzig, 1923. Vol. 1–4.

⁵ *Дианова Т.В., Костохина Л.М.* Водяные знаки рукописей России XVII в.: (По материалам отдела ГИМ). М., 1980; *Дианова Т.В.* Филиграния XVII–XVIII в. «Герб г. Амстердам». М., 1998; *Герасимов А.А.* Филиграния XVII в.: (на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения). М., 1963; *Клепиков С.А.* Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII в. М., 1959; *Клепиков С.А.* Филиграния на бумаге русского производства XVII–нач. в. М., 1978; *Лауцявичюс Э.* Бумага в Литве в XV–XVIII в. Вильнюс, 1967.

⁶ См.: *Жуковская Л.П.* К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисьи по спискам 1232–1632 гг.) // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982.; *Она же.* О южнославянском влиянии XIV–XV вв.: На материале проложного Жития Евгения // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982.; *Она же.* О втором южнославянском влиянии // Die slawischen Sprachen. Wien, 1982.

⁷ *Жуковская Л.П.* О втором южнославянском влиянии // Die slawischen Sprachen. Wien, 1982. С. 134–135.

⁸ *Ларин Б.А.* Язык памятников, отражающих второе южнославянское влияние / Лекции по истории русского литературного языка (сер. XVIII в.). М., 1975. С. 237–251.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² *Жуковская Л.П.* О южнославянском влиянии XIV–XV вв.: На материале проложного Жития Евгения // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 134–135.

¹³ *Worth D.* Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Резюме докладов и письменных сообщений: IX международный съезд славистов / Киев, сентябрь 1983. М., 1983. С. 222–223.

О.А. Шефова
Москва

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОТОИЕРЕЯ ГРИГОРИЯ ДЬЯЧЕНКО

Протоиерей Григорий Михайлович Дьяченко родился в 1850 году в Витебской губернии в семье дьякона. В раннем детстве остался круглым сиротой. Богословское образование получил в Витебской духовной семинарии, которую окончил одним из первых учеников в своем выпуске. Был рекомендован для продолжения обучения в Санкт-Петербургскую духовную академию, но пожелал учиться в Московской академии, куда и был направлен.

В своих воспоминаниях Тверской архиепископ Савва так описывает о Григории Дьяченко: «[Он] – юноша весьма благонравный и с любовью занимающийся науками, но сирота, не имеющий ни отца, ни матери, и если бы не была ему оказана мною некоторая помощь, он не имел бы возможности добраться до Лавры...

Перед отправлением своим в путь он явился ко мне в загородный дом принять благословение. Когда я спросил его: есть ли у него деньги? – Он ответил: есть. – Сколько? Пять рублей... Такой ответ расположил меня в пользу бедного сироты... Прибавив к 5 рублям 15 рублей, я снабдил юного искателя духовной мудрости рекомендательными письмами к академическому начальству и отпустил его с миром в путь»¹.

По окончании экзаменов, выдержанных им весьма успешно, Григория Дьяченко назначили на пономарскую должность при академической церкви.

В 1877 году он в числе первых окончил курс академии и был назначен смотрителем духовного училища в г. Красноярске, но обстоятельства изменились, и его служебная деятельность началась в г. Владимире, в учительской семинарии, затем он перешел в Поливановскую учительскую семинарию.

В 1880 году Григорий Дьяченко с успехом сдает экзамен на звание учителя гимназии при Московском университете и с 1 августа 1880 г. по 1 августа 1882 г. преподает русский язык во 2-ой Московской гимназии. Его приглашают преподавать русский язык и словесность в Александровское училище.

В мае 1881 г. Григорий Дьяченко был рукоположен во священника в Гаврило–Архангельской церкви при Московском почтамте.

В 1886 г. он перемещен к Трифоновской церкви в Напрудной слободе.

В 1885 г. защитил диссертацию «О приготовлении рода человеческого к принятию христианства» и был утвержден Святейшим Синодом в степени магистра богословия.

Одновременно со служением в церкви, он состоял законоучителем реального училища при реформатской церкви святого Михаила и с 1887 года был членом Московского духовно-цензурного комитета.

В 1899 г. Григорий Дьяченко был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем церкви святого мученика Трифона в Москве.

В 1903 г. (2 декабря) после тяжелой и изнурительной болезни отец Григорий Дьяченко скончался.

Погребен на Лазаревском кладбище в городе Москве. К сожалению, данное кладбище уничтожено, но несколько захоронений были перенесены на Введенское кладбище. Находится ли в их числе захоронение протоиерея Григория Дьяченко, предстоит выяснить...²

Протоиерей Григорий Дьяченко имеет чрезвычайно богатое литературное наследие как по количеству изданных трудов, так и по их тематическому многообразию и направленности

В течение двадцатипятилетнего церковно-общественного служения, сначала в должности учителя, а затем в сане священника им написано, составлено и издано 50 книг, многие из которых неоднократно переиздавались.

Плодом занятия Г. Дьяченко русским языком и словесностью являются составленные им книги для чтения «Луч» и «Доброе слово», а так же «Методика обучения правописанию».

Педагогическими вопросами и русской филологией Григорий Дьяченко продолжал заниматься на протяжении всей своей жизни.

Памятниками его занятий в этой области являются «Искра Божия», сборник статей для чтения в женских школах и Церковно-славянский словарь, в котором изъяснено до 30 000 слов и выражений. Титульный лист гласит: «Полный Церковно - славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений), содержащий в себе объяснения малопонятных слов и оборотов, встречающихся в церковно-славянских и древне-русских рукописях и книгах...» Далее идет полный список источников. Рекомендован словарь для самых широких кругов: от преподавателей «до всех желающих стать в разумные отношения как к языку матери церкви, так и к родному слову в его современном состоянии и исторических судьбах»³.

В предисловии к словарю Григорий Дьяченко пишет, что он не претендует на строго научное издание, у него совсем другая задача: донести до читателя веками накопленный опыт его соотечественников.

Ко времени выхода в свет словаря отца Григория в России уже существовали словари подобного типа. Но о. Григорий Дьяченко указывал на то, что словарь Алексеева составленный в 1773–1776 гг. уже устарел, словарь Востокова имеет объяснения только слов древне-славянского языка да и то на греческом или латинском. Существовал еще словарь Миклошича, но это заграничное издание и его очень трудно было достать. Цена этого издания достигала 20 рублей.

Григорий Дьяченко предлагал свой отечественный словарь, и цена его была намного дешевле – от 3 до 4 рублей.

Материал в словаре расположен в алфавитном порядке. «Истолкования даются на слова малопонятные и совсем непонятные, а так же на обороты речи, без знания которых иногда невозможно прочитать текст»⁴.

Но это происходит не всегда. Отец Григорий жаловался на отсутствие пособий научного содержания и летописей.

Происхождение слов, вошедших в славянский или древнерусский язык из иноземных слов, он обозначал в скобках. Этим он облегчал установление этимологии данного слова и определение его истинного значения.

Первоисточники обозначались курсивом, слова из древнерусского языка печатались жирным русским шрифтом, а слова древнеславянского языка напечатаны древней кириллицей. «Церковно - славянские слова нового периода с ударением шрифтом современных церковно-богослужебных книг»⁵.

Многие слова объяснены не только с этимологической, но и с исторической стороны. Показаны разные формы слова, возникшие под влиянием тех или других фонетических законов, сообразно тем переменам, которые испытывал русский народ, выражавший себя прежде всего в языке.

При составлении словаря отец Григорий использовал уже накопленный опыт своих предшественников: проф. Миклошича, М. Мюллера, Буслаева, Востокова, Срезневского, Я. Грота, Дювернуа и др. Он использовал труды филологов, историков, археологов, библейских экзегетов, славистов и других ученых. Помимо этого были использованы труды митрополита Филарета и епископа Феофана.

Слова, которые представляли особый интерес с филологической, исторической, археологической, религиозной сторон, а так же выражающие особенно важные моменты в культурной жизни славяно-русского народа объяснены особенно подробно: крест, красный, Пасха, поруча, пост и др.

Несмотря на достоинства, словарь имел и недостатки: приведены не все значения слов. Например: «Уставъ не означает только законъ; безчадный не означает только не рождающий детей, бездетный, но и горький, неприятный на вкус.

Но тем не менее, в настоящее время других подобных справочных средств у нас нет. Кроме этого, словарь был выпущен в 1900 году. О. Григорий Дьяченко как человек образованный и к тому же священник не мог не чувствовать той трагедии, которая надвигалась на наше отечество. Его словарь – это напоми-

вание соотечественникам о том, какой великой культуры наследниками мы являемся. Неслучайно эпиграфом к предисловию он взял цитату из собрания сочинений И.С. Тургенева: **«Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, это клад, это достояние преданное нам нашими предшественниками!.. обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умных оно в состоянии совершать чудеса».**

Кроме филологических трудов Григорий Дьяченко плодотворно трудился в области журналистики, педагогики. Кроме этого он имел труды в области гомилетики, апологетики, пастырско-практические труды.

Примечания

¹ Автобиографические записи Высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского// «Богословский вестник». 1902. V. С. 609, 677–678.

² Биографические данные взяты из кандидатской диссертации С. Кочанжи. Московская духовная академия. Рукопись.

³ Дьяченко Г., прот. Полный Церковно-славянский словарь. М., 1993 (репринт).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В XXI ВЕКЕ

Сегодня, на наш взгляд, важно определить социолингвистические аспекты функционирования церковнославянского языка в начале XXI столетия и проанализировать важнейшие интралингвистические и экстралингвистические факторы, определяющие его статус.

В широком спектре лингвистических вопросов, заслуживающих междисциплинарного истолкования, для филологической и богословской науки особый интерес представляет проблема языка Церкви, а также проблемы взаимодействия между языком, теологией и православной культурой. В частности, хотелось бы обсудить актуальные вопросы функционирования церковнославянского языка как одного из сакральных языков с наиболее древней традицией непрерывного употребления и с богатым лингвистическим и культурным наследием.

Нас интересуют, в первую очередь, следующие вопросы: изменилась ли, и если да, то в какой степени, картина функционирования церковнославянского языка сегодня, в начале нового тысячелетия. Уходит ли этот язык навсегда в прошлое, или всё-таки существуют основания для формирования сознательного отношения к нему, его бережного хранения, научного изучения и обучения ему на разных ступенях образовательной системы?

Сербский исследователь Ксения Кончаревич обращает внимание на один любопытный факт. Если в качестве критериев для включения любого языка в разряд языков международного общения и сотрудничества принимается его глобальная распространенность, число носителей, формальная признанность, ценность созданного на нём культурного наследия, наличие традиции его научного изучения, лексикографического и грамматического описания, кодифицированность, нормированность, лингво-

эстетические качества и, не на последнем месте, присутствие в школьных и вузовских учебных планах [Костомаров и др. 1990: 4–14], то мы придём к выводу, что церковнославянский язык может быть квалифицирован как один из мировых языков (в семье славянских языков данным критериям удовлетворяет только ещё русский язык).

Церковнославянский - это богослужебный язык самой многочисленной в семье поместных православных церквей - Русской Церкви, а также всех автокефальных православных славянских церквей; на нём совершаются богослужения как на исконных территориях православных славянских народов, так и в зарубежных епархиях и приходах, находящихся под их юрисдикцией. Церковнославянский – это язык, который получил признание в качестве сакрального еще в IX веке благодаря усилиям святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, язык, на который полностью переведен корпус богослужебных текстов Восточной Церкви, язык, на котором столетиями развивалось оригинальное литургическое и культурное творчество и который являлся мощным фактором сплочения славянских культур. Если учесть, что лексикографическое и грамматическое описание церковнославянского языка имеет давние традиции, что этот язык не только кодифицирован, но вместе с тем открыт и для новаций в области стандартизации, что он включен в учебные планы церковных и светских учебных заведений, то станет очевидным, что на него можно и должно смотреть как на важный компонент славянского не только религиозного, но и культурного самосознания. Однако эпоха, в которую мы живём, вносит некоторые изменения в условия функционирования церковнославянского языка. Наиболее яркая перемена в социолингвистическом статусе церковнославянского языка состоит в сужении сферы его применения: потеряв статус сакрального и господствующего языка литературы и письменности, присущий ему вплоть до XVII–XVIII вв., церковнославянский язык сводится исключительно к литургическому языку (XVIII–XIX вв.), причём в дальнейшем возникали попытки вытеснения данного языка даже из богослужебной сферы (В XIX–XX вв. в Русской Православной Церкви идея русификации богослужения носит маргинальный характер.)

Примечательно то, что только в России, именно благодаря заметному присутствию церковнославянских элементов в современном литературном языке, церковные и научные деятели обсуждают церковнославянскую норму, имея в виду возможность ее модификации в соответствии с тенденциями в развитии русского языка в целях приближения ее восприятию современных верующих. Мнение о необходимости «осовременивания» церковнославянской нормы, создания так называемого новоцерковнославянского языка в начале XX века в ходе подготовки к Поместному Собору 1917–1918 гг. убедительно восторжествовало над идеей о русификации богослужения [Балашов 2001: 24–31, 40–44, 114–117, 151]. Это тем более значительно, если учесть факт, что к началу XX в. в Русской Православной Церкви уже был немалый опыт совершения богослужения на языках новопросвещенных национальных меньшинств [Балашов 2001: 63–64]. Эти проекты получили свое материальное воплощение в нескольких переработанных изданиях богослужебных книг [Сове 1970: 50–68; Коробьин, Михайлова 1999: 45–68, Балашов 2001: 182–254]. После революции все было приостановлено и лишь в 90-е годы XX в., в связи с осознанием актуальности задачи «приближения в миссионерских целях литургической и иной культуры Православия к пониманию наших современников», были приняты первые конкретные решения, направленные на продолжение начатых, но не завершённых Поместным собором 1917–18 гг. трудов по редактированию и русификации богослужебных текстов. Проблематика богослужебного языка стала одной из главных тем Архиерейского Собора 1994 г.; юбилейный Собор 2000 г. также отметил актуальность упомянутой задачи [Балашов 2001: 8–10, 438–443]. Идея перевода литургических текстов, как, впрочем, и перевода Священного Писания, имеет свое богословское обоснование и как таковая не может быть принципиально отвергнута: это противоречило бы соборному характеру и вселенской миссии, а также традиции Восточной Церкви, которая всегда стремилась служить на языке, понятном и близком пастве. (Здесь мы прежде всего вспомним деятельность митр. Филарета Дроздова). Как писал протопресвитер Иоанн Мейендорф, «традиционное употребление языков разных

народов в богослужении (т. н. кирилло-мефодиевская идеология), уже само по себе означает, что христианство не против культуры других народов, наоборот: оно принимает эту культуру и включает ее в единство разнообразности кафолического предания» [Мейендорф 1986: 125–126]. В этой связи можно привести положения, сформулированные в документах Поместного собора Русской Православной Церкви 1917–18 гг., которые остаются актуальными и поныне (с точки зрения церковного права, Святейший Патриарх и Священный Синод могут по своему усмотрению и по мере надобности вводить в жизнь положения этих документов, но не обязаны делать этого):

«1. Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной церковной старины, и поэтому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.

2. В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа принимаются права общерусского и малороссийского языков для богослужебного употребления.

3. Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении общерусским или малороссийским нежелательна и неосуществима.

4. Частичное применение общерусского и малороссийского языков в богослужении (чтение слова Божия, отдельные песнопения, молитвы, замена отдельных слов и речений и т. п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковной властью желательно и в настоящее время» [Поместный собор 1917–18, 139; критическое изд. того же текста с комментариями см. в.: Балашов 2001: 153–155].

Аргумент, наиболее часто выдвигаемый в пользу замены традиционного богослужебного языка современным, состоит в его недостаточной понятности верующим

Бесспорно, что в литургической жизни необходимо стремиться к осуществлению как можно более тесной связи между словом и сознанием, ибо понимание содержания и смысла священнодействия – неперенная предпосылка целостного развития духовной жизни верующих. Однако смысл литургического слова не открывается разуму до конца, в нем присутствует элемент

апофатичности, особенно ярко выраженный в молитве. Качество общения верующих с Богом и их межличностного общения, несомненно, зависит от степени осознанности смысла священнодействия и его вербального выражения, но всё же, это не значит, что понятность языкового плана священнодействия сама по себе является необходимой и достаточной предпосылкой для познания его сути. Во-первых, это познание, вследствие апофатического характера самого священнодействия, никогда не может быть полным. Во-вторых, язык нельзя считать фактором, автоматически обеспечивающим познание; в тот момент, когда человек слышит слово Божие, необходимо и особое просветление, отверзающее очи ума к принятию и пониманию истины, т. е. к принятию причастности к истине или опыта истины, которые возвещают слова Господни. Перевод текста любого священнодействия, даже в случае его максимальной приближенности к живому народному языку, сам по себе не обеспечивает понимание. Поэтому предпосылку многочисленных авторов о том, что перевод влечёт за собой литургическое возрождение не следует считать реальной. Она во многом вызвана протестантской и, отчасти, римо-католической абсолютизацией языка и сведением богообщения к языковому событию. Обзор подобных концепций в русской богословской традиции, начиная со второй половины XIX до седьмого десятилетия XX века, предлагает Н. Балашов [Балашов, 2001, 87–88].

С другой стороны, возникает вопрос, в какой степени церковнославянский текст непонятен носителям современных славянских языков? Бесспорно, что восприятие такого текста неполное, поскольку, помимо более или менее выраженных проблем на понятийном уровне, слушатель сталкивается и с потребностью декодирования незнакомых морфем и слов. Данная проблема облегчается активизацией психологического механизма догадки, основывающегося на установлении смысловых связей в языковом материале на базе выявления внутриязыковых и межъязыковых аналогий и опоры на контекст.

Большую часть языкового материала можно идентифицировать на основании тождеств и сходств (трудности могут быть вызваны наличием омонимов и паронимов, типа воня – русское

вонь, прелесть - прелестный, обожати – обожать, целоватися – целоваться). На основании анализа текста Послания к Римлянам и по данным лингвистического эксперимента, приходим к выводу, что современному носителю русского языка непонятно значение примерно 40 слов, в Послании к коринфянам – 17, в Евангелии от Матфея – 67 словоупотреблений. Следует заметить, что слова повторяются, а данные приводятся из сплошной выборки. Число незнакомых лексем в более широком корпусе богослужебных текстов гораздо значительнее, однако, нет оснований говорить о полном лингвистическом непонимании церковнославянского текста. Наконец, следует иметь в виду, что восприятие литургического текста можно упростить модифицированием церковнославянской нормы (изменениями в некоторых аспектах церковнославянского синтаксиса, в первую очередь, в порядке слов и частей предложения; коррекциями в области пунктуации; трансформацией некоторых синтаксических конструкций, типа дательного самостоятельного и винительного с инфинитивом и их заменой эквивалентными средствами; заменой определенного круга устаревших лексем синонимами; частичными изменениями в грамматической системе – устранением форм двойственного числа и др.

Анализ языка акафистов и житий новопрославленным святым показывает, что все эти изменения имеют место и без рекомендаций филологов. Один из способов сохранения церковнославянского языка – это его популяризация в издательской, миссионерской деятельности Церкви и образовательной системе. То, что сейчас происходит с изданиями молитвословов, сборников житий, акафистников вызывает по крайней мере удивление. После знакомства с такими изданиями уместно задать вопрос: на каком языке они изданы? Русские буквы, отсутствие диакритики и церковнославянских дублетных букв призвано, по мнению издателей, упростить чтение и привлечь покупателей. Не уверена, что сохранение церковнославянских грамматических форм, лексического состава облегчает восприятие текста без изучения церковнославянского языка. Церковнославянский язык можно приблизить к носителям современных славянских языков изданием богослужебных книг и брошюр с параллельными текс-

тами и с лингвистическими комментариями, внесением лингвистической проблематики в программы различных курсов катихизиса, а также преподаванием церковнославянского языка. Последнее включает в себя, с одной стороны, преподавание церковнославянского языка в некоторых светских учебных заведениях, в которых преподается теология, в классических и православных гимназиях, на филологических факультетах, в воскресных школах, на курсах для взрослых, и с другой, оптимизацию преподавания в духовных школах путем перехода с формально-грамматического на комментировано-культурологический подход, так, чтобы язык изучался не как застывшая схема, не как совокупность парадигматических типов с присущими им исключениями, а как воплощение высших достижений духовного творчества, выражение и отражение столетиями создававшейся славянской культуры. Сохранение и популяризация церковнославянского наследия подразумевает и создание качественных учебников и учебных пособий.

Хочется надеяться, что в новое тысячелетие мы входим с полным сознанием того, что радикальный отказ от традиционного богослужебного языка или его стихийное исчезновение нанесло бы огромную потерю полноте славянских культур и повлекло за собой сужение культурного и церковного самосознания славянских народов.

В заключение хочу напомнить слова проф. П. П. Мироносицкого: «Пусть славянский язык становится всё живее благодаря русскому, а русский – все богаче благодаря славянскому».

Литература

Балашов Н. На пути к литургическому возрождению. М.: Изд. Культурно-просветительского центра «Духовная Библиотека». 2001: – 508 с.

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996.

Каверин Н. II Ватиканский Собор и богослужебная реформа //Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. М.: Изд. Сретенского монастыря. 1999. 411 с.

Коробьин Г., Михайлова Н. Исправление богослужебных книг. Исторический обзор за период с XV до начала XX века //Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. М.: Изд. Сретенского монастыря. 1999. С. 9–70.

Костомаров В.Г., Григорьева Л.Н., Хруслов Г.В. Функционирование русского языка: итоги, состояние, перспективы. Пленарный доклад на VII конгрессе МАПРЯЛ. М.: Русский язык. 1990. 22 с.

Кончаревич К. Црквенославенски језик на размечу миленијума: проблеми и перспективе функционисања//Славистика, Београд, 2001, бр.5. С.24–32.

Кравецкий А.Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–18 годов и в последующие десятилетия //Журнал Московской Патриархии. М. 1994. № 2. С. 68–86.

Мајендорф Ј. Католичност (саборност) Цркве // Саборност Цркве, к. 1. Богословски факултет СПЦ. Београд. 1986. С. 113–130.

Плетнева А.А. К проблеме перевода богослужебных текстов на русский язык //Журнал Московской патриархии. М. 1994. № 2. С. 62–67.

Поместный собор 1917–1918 гг. и дело о церковно-богослужебном языке. Документы Государственного архива Российской Федерации //Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. М.: Изд. Сретенского монастыря. 1999. С. 137–146.

Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках //Богословские труды. Т.5. М., 1970. С. 25–68.

Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) М.: Культурно-просветительский центр «Духовная Библиотека». М., 2002. 623 с.

Эдельштейн Е. М. Проблемы языка в памятниках патристики // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л.: Наука. 1982. С.157–207.

СОДЕРЖАНИЕ

О.Н.Куликовская-Романова

Обращение к участникам Первой Международной научной конференции "Церковнославянский язык: история, исследование, преподавание" 3

В.К.Журавлев

Приветственное слово 6

Е.М.Верещагин

Духовное наследие Кирилла и Мефодия в современном Евангелии на церковнославянском и русском языках 7

Мария Йовчева

Традиции и новое в богословской терминологии афонских редакторов XIV века 35

иеромонах Петр (Гайденко П.И.)

Церковно - славянский язык как гарант религиозно-политической независимости Киевской Руси (кон. X – первая половина XI вв.). 55

Николаев Г.А., Николаева Н.Г.

Роль церковнославянского языка в истории словообразования славянских языков 64

И.П. Климов

Церковнославянский язык в рецепции славянской реформации 2-й пол. 16 в. 68

Д.Г. Демидов

Исторические чередования в усвоении славянского формо- и словообразования 85

Л. Г. Панин

К исследованию Друцкого Евангелия XIV века 96

Н. Родич

Старославянские, церковнославянские словари и словари изводов старославянского языка в XIX и XX веках 105

Л.П. Рупосова

Церковный Язык XI – XVII вв.: принципы номинации певческих сборников и песнопений. 115

<i>Т.Л. Миронова</i>	
К этимологии слова Крест	122
<i>Людоговский Ф. Б.</i>	
Славянская Библия эпохи книгопечатания: проблема стабильности текста и языка	130
<i>Каравашкина М.В.</i>	
Восприятие русскими книжниками XVI в. первых грамматических описаний церковнославянского языка.	136
<i>М. С. Крутова</i>	
О названиях, значении и графическом выражении «явных» и «тайных» надстрочных знаков (на примере русских списков XIV–XVI веков жития святителя Николая Мирликийского)	140
<i>Кузьминова Е.А.</i>	
Издание грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого	160
<i>С.А. Наумов</i>	
Синонимические замены в церковнославянском языке	165
<i>О.В. Чевела</i>	
К проблеме междисциплинарного подхода при преподавании древних языков в высших духовных учебных заведениях: церковнославянский текст в его отношении к церковно-греческому	178
<i>Л. Дровникова</i>	
Возможности относительной хронологии в изучении древних славянских языков.	182
<i>А.В. Торопов</i>	
В.Ф. Певницкий о значении церковнославянского языка и основах его преподавания	188
<i>Е.В. Макарова</i>	
Сравнительно-исторический метод преподавания родного языка как средство внедрения церковнославянского языка в современную школу	194

<i>Т. А. Иванова</i>	
Дательный самостоятельный: проблемы преподавания	206
<i>Н. В. Шалыгина</i>	
Духовные основы преподавания церковнославянского языка	210
<i>Е.В. Кондратьева</i>	
К вопросу об упорядочении орфографического оформления церковных печатных изданий	217
<i>Пряхина И.И.</i>	
Особенности письма и языка древнерусского Евангелия XIV в.	225
<i>М. О. Кочетова</i>	
О проблеме второго южнославянского влияния в русской письменности (на материале жития князя Феодора Ярославского)	235
<i>О.А. Шефова</i>	
Жизнь и деятельность протоиерея Григория Дьяченко	246
<i>И.В. Бугаева</i>	
Социолингвистические аспекты функционирования церковнославянского языка в XXI веке	251

**Церковнославянский язык:
история, исследование, преподавание**

*Материалы I Международной научной конференции,
28-30 сентября 2004 года, Москва*

Ответственный редактор *И.В. Бугаева*

Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
113184, Москва, Новокузнецкая ул., 23 б
e-mail: pstgu_books@mail.ru

Формат 60x90/16. Объем 17 п. л.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.